

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ISSN 0194-241X

7 (745) ИЮЛЬ, 2019

www.uralstalker.com

В таёжной глуши

ИНТЕРЬЕР
ДОМА ИПАТЬЕВА

ЗЕРО ТОЛЕРАНТНОСТИ

РОМАНТИКА
ПОСТАПОКАЛИПСИСА

9 770134 241006 1 9007

Июль 2019

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Ю.А. Марченков, Б.А. Долинго.

Консультант – Ю.А. Горбунов.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

Архив – О.Ю. Тирикиди.

На обложке – Молодая куница. Фото В. Семёнова.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Пращкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет

• **Асхаб Магомедович Асхабов.**
Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.

• **Владимир Николаевич Большаков.**
Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных УрО РАН.

• **Сергей Вячеславович Левыхин.**
Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землеустройства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук.

• **Сергей Геннадьевич Захаров.**
Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.

• **Николай Николаевич Назаров.**
Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.

• **Евгений Викторович Голубев.**
Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, Кандидат географических наук.

• **Алексей Михайлович Прокашев.**
Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор.

• **Игорь Юрьевич Шароватов.**
Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.

• **Оксана Александровна Гирман.**
Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2019 г.

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке:

Фонда Президентских грантов.

«Уральский следопыт», №7 (745), 2019 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

Заповедные земли

**О.ЛОСКУТОВА,
С.ЗИМИН**
Таежная страница:
соболь и куница..... 3

История уральского туризма

М.ШИПУЛИН
«Майский
экстрим»: как все
начиналось..... 10

Быть МОЛОДЫМ — ЗДОРОВО!

Н.ДУДКО
Заброшки: романтика
постапокалипсиса
или следы жизни? 8

Добрые попутчики
EXPROTRAVEL —
2019.....39

Доступный туризм
Н.ШМАТКОВ
Никакого GPS..... 40

Путешествие по Уралу

Н.ДОВЖИК
Поход выходного дня:
шесть впечатляющих мест
Башкирии 44

Река времени

Далекое-близкое

Р.ГИЛЕВА
Концерт
в зоне аварии
Чернобыльской
АЭС..... 14

Далекое-близкое

А.БУЛГАКОВ
С Богом
«на рельсах» 18

Клуб собирателей
О.КАРЯКИНА
Путешествия
рисованных
писем 21

Кладовая истории
С.СКРЮКОВ
Виртуальная
экскурсия
по Ипатьевскому
дому..... 24

Портреты

Н.ПАРТАНОВ
Простая
история 30

Портреты

**Б.КОЧЕШКОВ,
С.КАЛЕНЮК, А.ШЛЕМОВ**
Николай Аврамов:
Неизвестные
страницы жизни .. 34

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
Каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
Каталог Агентства МАП, индекс 31958
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Журнал
в журнале**

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

Таежная страница: соболь и куница

Есть на земле такие удивительные места, которые поражают с первого взгляда, они яркие, необычные, непривычные...

А есть и такие, чья красота вроде бы и не слишком заметна, но если пристально взглядеться, рассмотреть, и уже точно не сможешь забыть эти места и будешь их вспоминать с нежностью, а при первой же возможности постараться туда вернуться. Этот мир поистине прекрасен, удивителен, загадочен. Это мир заповедника «Вишерский».

Заповедная территория расположена на северо-востоке Пермского края в Красновишерском районе. Площадь заповедника составляет 241200 га. Площадь охранной зоны — 52218 га. С восточной стороны заповедник «Вишерский» граничит со Свердловской областью по водоразделу рек Волга и Обь и простирается на западном склоне Уральских гор.

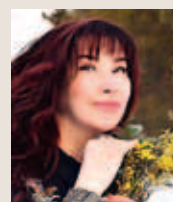
Почему заповедник по праву считается жемчужиной Пермского края? Все просто. Вишера — поразительный по красоте и разнообразию природы кусочек русской земли. Вишера — заповедные, коренные леса, где раздолье всякому зверью и птицам. Места глухие. Тайга здесь соседствует с высокими горами.

Смышленный зверек — соболек

В глухих горно-таежных лесах заповедника «Вишерский» обитает красивый дикий зверек — соболь (*Martesibellina*), хищник семейства куньих. Согласно последним данным зимних маршрутных учетов, сейчас на территории ООПТ насчитывается около 180–230 зверьков.

Обаятельного и ловкого хищника с красивым мехом, если повезет, можно увидеть в глухих таежных лесах среди кедров, пихт и елей. Здесь, в корнях поваленных ветром деревьев, в дуплах или в густом кустарнике, он устраивает свое жилище, четко помечая от непрошенных гостей границы своей территории. Кстати, соболь весьма чистопло-

▲ Соболь в окрестностях кордона Лыпя

Олеся Лоскутова

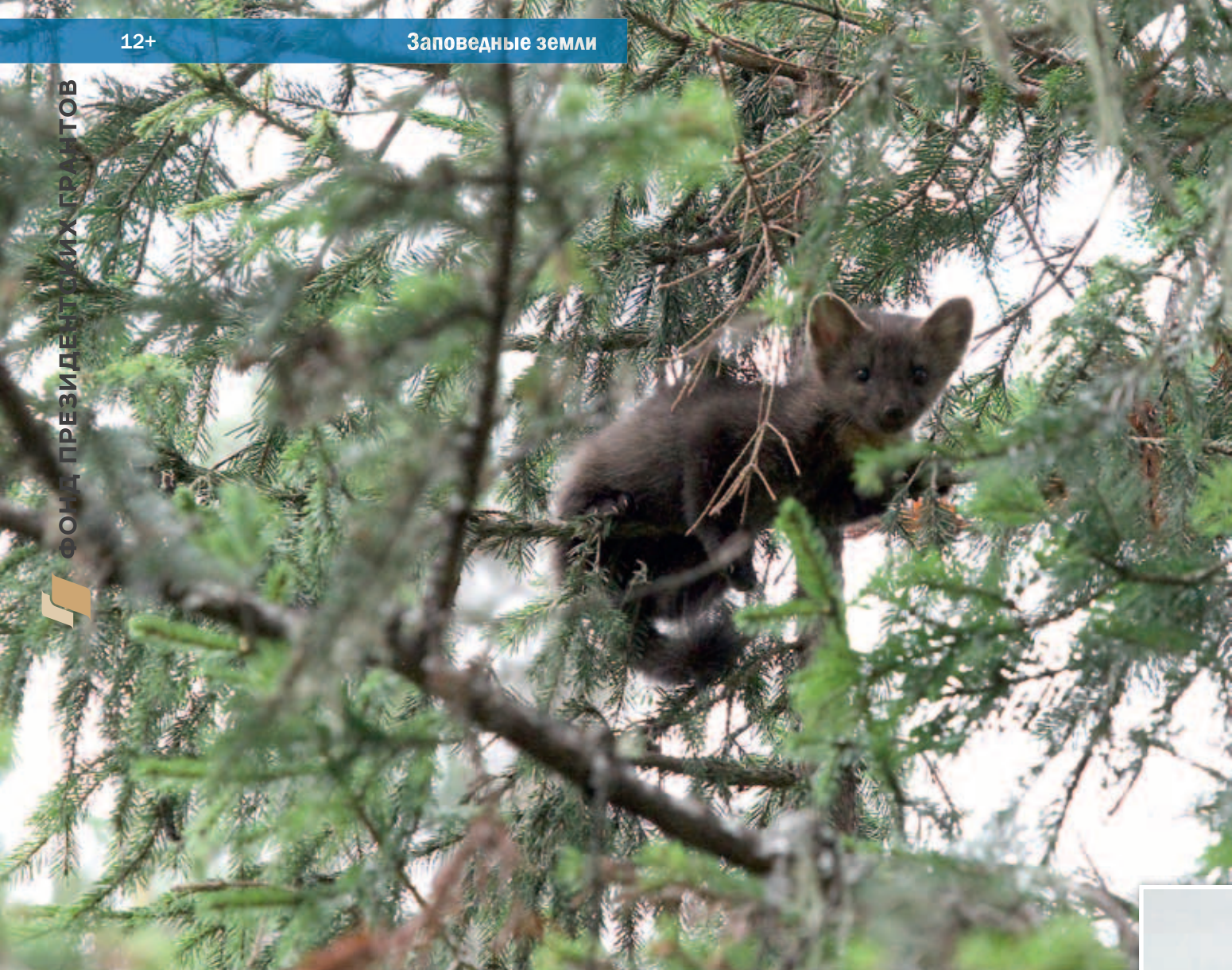
Специалист по связям с общественностью заповедника «Вишерский». Работает в заповеднике с 2016 года.

Сергей Зимин

С 2017 года работает в ФГБУ «Государственный природный заповедник «Вишерский». Окончил Вятскую сельскохозяйственную академию. Биолог-охотовед. Занимается изучением охотничье-промысловых млекопитающих.

Фото Василия Колбина
и Валерия Семенова

▼ Экскременты соболя, состоящие из непереважившейся черники

тен: его туалет располагается не в доме, а где-нибудь неподалеку.

Соболь — животное небольшое, приземистое. Его короткие лапки очень ловкие и сильные, обладают уникальной способностью не проваливаться в снег благодаря густому и плотному расположению меховых ворсинок. Большую часть жизни зверек предпочитает проводить на земле, однако в случае необходимости может отлично лазить по деревьям. У соболя хорошо развиты слух и обоняние, а вот со зрением ему не повезло — оно гораздо слабее. Длина тельца зверька составляет 35–53 см, хвост 10–20 см. Средняя продолжительность жизни — до 15 лет.

Питается соболь в основном мелкими грызунами: полевками, землеройками, белками, бурозубками. Однако при случае не откажется с удовольствием полакомиться и кедровыми орешками, и таежными ягодами. Иногда соболь ведет себя как настоящий хищник и нападает на более крупных животных, таких как белки, зайцы или глухари. Не брез-

Уральский следопыт, июль 2019

◀ Соболек в возрасте около двух месяцев

гует он и падалью, с удовольствием ест рыбу. В случае неурожайного года или очень долгой и холодной зимы может даже мигрировать в поисках пищи на большие расстояния.

Окраска меха таежного красавца бывает всех оттенков: от желто-коричневого до даже черного цвета. В зависимости от географии обитания соболей и обусловленных ею характеристик волосяного покрова соболя подразделяются на кряжи: камчатский, алтайский, баргузинский, тобольский, енисейский, минусинский, сахалинский, якутский, тувинский, амурский и другие.

Баргузинские «переселенцы»

Соболи Вишерского Урала всегда относились к тобольскому кряжу, имели сравнительно невысокие меховые качества. В прошлом веке зоолог-натуралист, Заслуженный деятель науки РСФСР Петр Мантейфель предложил качество меха местных соболей улучшить методом гибридизации. С этой целью и был рекомендован баргузинский соболь, имеющий красивый шелковистый мех высокого качества. По словам ученого, темная окраска меха является доминантным признаком, удерживается в различных климатических условиях, поэтому стойко может передаваться по наследству.

В декабре 1953 года с целью улучшения меховых качеств и укрепления популяции соболей в Пермскую область было завезено 94 баргузинских соболя (*Martesibellina princeps* Bir), которые были отловлены в Бодайбинском, Киренском, Мамско-Чуйском районах Иркутской области. Партия состояла из 42 самок и 52 самцов.

Соболей выпустили на северо-востоке Красновишерского района в бассейне реки Велса, являющемся левым притоком Верхней Вишеры. Здесь организовали заказник общей площадью около 500 квадратных километров, установили постоянную егерскую службу.

В декабре 1953 года первую партию «переселенцев» «забросили» выше устья Шудьи, в 15 километрах от поселка Велс. Последующие партии расселились в пойме реки Велса по два зверька: самец и самка через каждые 1,5–2 километра. Последнюю партию зверьков выпустили около устья Мартайки, в 45 километрах от поселка Велс. Протяженность линии выпуска составила около тридцати километров.

Выпуск в 1953 году баргузинских соболей как раз совпал с неблагоприятным в кормовых отношениях годом на Северном Урале. Наблюдалась депрессия численности мышевидных грызунов и белок. И потому в зимнем рационе соболя существенное

значение имел рябчик. Ловкий хищник активно охотился за ним в поймах мелких рек. Такая же картина была и в 1954 году. Именно по этой причине зверьков пришлось своевременно подкармливать, что, в свою очередь, и спасло их от неминуемой гибели и в какой-то степени поспособствовало удержанию около мест первоначального расселения. Некоторое время после выпуска соболи держались плотным кольцом, отгоняя куниц к периферии заказника и в верхние пояса гор. Но постепенно зверьки стали осваивать и другие территории. И уже через некоторое время соболей с ушными кольцами стали встречать в Ивдельском районе Свердловской области.

В ноябре 1956 и феврале 1959 годов проводились полевые исследования на семи пробных площадях (8100 га) и линейных маршрутах, общая протяженность которых составляла около 160 километров. Данные исследований таковы: при проведении количественного учета в ноябре 1956 года была установлена высокая плотность заселения темно-хвойных лесов заказника баргузинскими соболями: один соболь на три квадратных километра. Правда, уже через три года ученые констатировали факт: баргузинские соболи по-прежнему сохранились в заказнике, однако плотность их заселения уменьшилась до одного зверька на 10 квадратных километров.

Почему это случилось? Все просто. Расселившись, соболи оказались в окружении численно превосходящей их куницы. Некоторые из зверей скрещивались с ней, что и уменьшило популяцию чистокровных «баргузинцев». И потому об укреплении популяции соболей в Пермской области говорить

не приходится. Зато увеличилось количество кидусов с темно-шелковистой окраской меха...

По последним данным, численность соболя заметно снизилась за последние два года: с 640 зверьков в 2017 году до 206 — в 2019-м. Причины банальны: депрессия численности мелких грызунов, катастрофическое падение тетеревиных птиц из-за холодной первой половины 2018 года. Урожай черники и кедрового ореха не спасли животных от голода 2018–2019 годов.

Отличный древолаз куница

Представитель семейства куньих куница лесная (*Martes martes*), как и соболь, ведет одиночный образ жизни. В средней полосе европейской части России средняя площадь индивидуального участка территории куницы составляет 4,5 км² и изменяется в пределах 3–6 км², иногда чуть больше.

Внешне весьма напоминает его, но буроватая шерсть намного грубее.

▲ Соболь на охоте

Морда у зверька заостренная, с короткими треугольными ушами, опущенными по краям желтым мехом. Тело приземистое и имеет удлинненную форму. Размеры взрослой особи составляют около полуметра. Хвост по отношению к телу несколько длиннее, чем у соболя, не менее половины тела.

Отличительной особенностью куницы является ярко выраженное горловое пятно, которое бывает и светло-желтым, и даже ярко-оранжевым. Гибкое, стройное тело позволяет ловкому древолазу молниеносно перемещаться в ветках елей, лишь на секунду появляясь в их просветах. Куница очень любит путешествовать по вершинам крон леса и весьма неохотно спускается «с небес на землю». С помощью своих цепких когтей она способна лазать даже по самым гладким и ровным стволам, ловко преодолевая препятствия. Длинный

хвост служит кунице своеобразным рулем. А еще она может использовать его как парашют при прыжке вниз, если, к примеру, успешно преследует белку.

Ночью и в сумерки куница деятельна и проворна. Днем же обычно предпочитает отдыхать и отсыпаться, затаившись в каком-нибудь дупле, покинутом гнезде белки или в буреломах. В отличие от соболя она не имеет постоянного местообитания, кочует по таежным массивам, скрываясь на день каждый раз в новой «квартире».

Охотится куница на белок, зайцев, птиц, грызунов, по берегам рек, если посчастливится, то подбирает выброшенную волной рыбу, ловит лягушек, ужей. Летом дополнительным кормом ей служат кедровые орехи, различные насекомые. Любит и ягоды: чернику, малину, рябину, шиповник. Полный «набор» кормов со-

ставляет более сорока видов. У куницы хорошее зрение, слух и обоняние, поэтому она почти всегда успешный добытчик корма. Его остатки зверек обычно прячет в укромные места, чтобы позже воспользоваться ими. Однако нередко эти запасы обнаруживают и съедают горностаи, ласки, лисицы, росомахи.

Численность куниц на территории заповедника «Вишерский» от года к году изменяется. Основными факторами, влияющими на эту динамику, являются избыток или дефицит кормов на протяжении нескольких лет и погодные условия. По последним данным зимних маршрутных учетов, сейчас на территории ООПТ насчитывается около 56 зверьков, а ведь еще недавно, в 2017 году, их было около 220.

Научные наблюдения продолжают...

Заброшки:

романтика постапокалипсиса или следы жизни?

ГЭС «Пороги»: черти, замурованный татарин и ЮНЕСКО

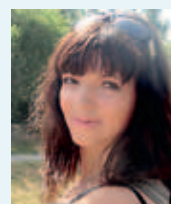
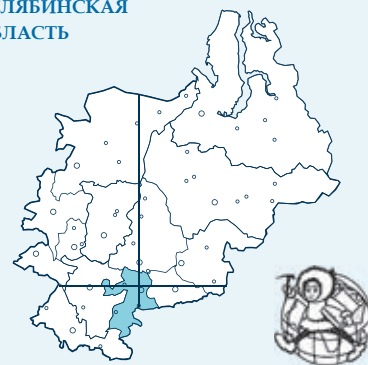
Сейчас жизнь стремительно меняется не только у людей, но и у городов. Утром на работу прошел по привычной тропинке между домов, а вечером она уже огорожена забором — началось строительство нового торгового центра. Вчера еще видел привычную вывеску «Продукты» на старом одноэтажном здании, сегодня — его ломает бульдозер. Наверное, поэтому я и люблю заброшенные здания. Если их не сломали, не снесли, значит тут еще долго ничего не изменится...

На самом деле я люблю заброшки не только за это. Но точно так же, как я люблю заброшенные здания, также терпеть не могу всех тех, кто пытается это комментировать, анализировать и подогнать под какой-то шаблон. «Заброшенные здания любят те, кто подсознательно хотят быть бомжами и бездомными», «разрушенные дома нравятся тем, у кого в душе такое же разрушение и хаос», «по заброшкам бродят любители мистики и потустороннего», «по разрушенным местам ходят эгоисты, там они ощущают себя единственными выжившими в ядерной катастрофе» — сколько такой или примерно такой чуши слышала я и другие любители заброшек. На самом деле все гораздо сложнее и интереснее! Расскажу вам о тех заброшках, которые больше всего впечатлили меня.

На ГЭС «Пороги» я попала случайно — проездом по Челябинской области в 8-мартовские праздники (люблю праздники, особенно государственные, особенно когда к ним «прилепляются» выходные и получается мини-мини-отпуск!). Добраться до ГЭС «Пороги» (если вы на автомобиле) можно по трас-

се М-5, затем повернуть на поселок Бердяуш (около 15 километров от поворота). От Бердяуша нужно ехать по грунтовке мимо деревни Романовка до Порогов. По железной дороге на поезде до Бердяуша, либо на электричке

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Наталья Дудко

Постоянно ищет приключения. Мечтает подняться на Пик Ленина.

▶ Бурные воды Большой Сатки

▲ Табличка «Опасно для жизни» искателей приключений не остановит

до остановки 1880 км. Далее на попутках.

Попав на ГЭС (табличка «Опасно для жизни» крайне редко останавливает меня), понимаешь: вот оно — противоборство человека и природы. Совершенно не склонна думать и соглашаться с мыслью, что человек — хозяин природы и «не должен ждать от нее милостей, а брать их». Поэтому к тем местам, где человеку удалось-таки укротить природу, отношусь настороженно и до конца не верю, что природа просто так позволила собой «управлять».

Старая дореволюционная ГЭС находится в месте, которое издавна поль-

▼ Сверху видно лучше!

зовалось дурной славой. Пороги с большими перепадами высот и водопадами были на этом участке реки Большая Сатка еще раньше, до сооружения здесь плотины гидроэлектростанции. На порогах часто гибли люди. И среди местных жителей бытовали легенды, что тут живут черти.

И вот такое, почти мистическое, место — бурную уральскую реку человеку удалось «приручить», заставить работать на себя. ГЭС была построена аж в 1908 году по проекту известного инженера-гидравлика, профессора Бориса Александровича Бахметьева (после революции 1917 года он эмигрировал в США, где получил звание профессора Колумбийского университета). Плотина выложена из дикого камня. В качестве связки между крупными, обработанными камнями применяли глину и цемент. Привозной

Порожская ГЭС, затерянная в Уральских горах, — единственное в своем роде предприятие, не искаженное реконструкциями советского времени. Плотина и оборудование сохранились до наших дней почти без изменений. ГЭС прекратила свою работу только в 2017 году.

Плотина, построенная в начале прошлого века, является памятником индустриального зодчества. Комитет ЮНЕСКО по охране памятников истории и культуры в 1993 году присвоил Порогам статус памятника международного значения. К тому же ГЭС находится в живописнейшем месте, между склонами хребтов Чулукова и Уары. Природа здесь очень красивая, открываются великолепные пейзажи. Ну и то, о чем я говорила: не победил человек природу... ❏

(Продолжение следует)

«Майский экстрим»: как все начиналось

«Майский экстрим» придумал я!.. Написал и подумал: а где и как я это опубликую?!

Если в интернете, то я представил себе, как волна всенародного гнева и обличительных комментов взорвет мой комп и фекашками нецензурных выражений так закидает изнутри стекло моего старенького монитора, что оно того и гляди — треснет!

Ой, больно!

Ой, простите!

«Майский экстрим». Пролог

Ужас сегодняшней интернет-действительности в том, что не ты выбираешь аудиторию, а она врывается к тебе и нагло хозяйничает на твоём огороде.

Но из песни слов не выкинешь, только петь её надо типа внукам, усадив их вечером у камина и покачиваясь в кресле-качалке, пускать пузыри собственного тщеславия в их неокрепшие мозги. Бойцы вспоминают минувшие дни...

Итак, мои неродившиеся внучки, «Майский экстрим» придумал дедушка Макс! Дедушка!!! Во ржака — это я про себя?!

Ну, не то чтобы я долго морщил лоб, ломал голову и придумал, а просто я тоже там был, когда это все произошло в первый раз!

Помните фильм «Форест Гамп»? Так вот, в нём главный герой и невольно участвует в великих со-

бытиях, которые изменили мир! Не смотрели!

Ну, конечно же, он же не в 5D снят был, а компакт-диск уже и прокрутить не на чем.

Ну да бог с ним.

Кто такой бог?

Потом расскажу...

«Майский экстрим». Эпизод I — Индексация и потоп

В начале 1996 года я по собственной глупости уволился с военного завода «Уралтрансмаш», где десять лет проработал в цехе холодной штамповки № 130 оператором лазерной установки. Нет, дедушка не бегал с бластером и не уничтожал инопланетян! Лазеры тогда весили много тонн и резали сталь максимум до десяти миллиметров.

Работа была суперинтересная и к тому же хорошо оплачиваемая. Все новые разработки завода, который производил самоходные артиллерийские установки, проходили через мой участок. Да, дети, тогда еще стреляли снарядами, а не плазмой, как сейчас!

Мне приносили чертеж детали, которую надо было срочно изготовить, и я набирал программу на допотопном ЧПУ с двустрочным дисплеем. Правда-правда, были и такие, реально — две строки! И лазер, шипя кислородом и брызгая искрами, вырезал по программе из металлического листа деталь. Лазер был болгарского производства и назывался Хебр — олень то есть. Тогда это был верх передовых технологий! Я очень гордился своей работой!

Работал я по двенадцать часов в день. Платили хорошо, при этом у меня еще и халтура постоянно была, да плюс снаряжение для туристов производили.

Выпить яду?

Убиться об стенку?

Уже...

Но ведь я же...

Нет, я не забыл про вас...

Да нет, я не хотел прославиться...

Просто я не ту кнопку нажал!

Это для внутреннего употребления...

Типа, чтобы самому не забыть...

Фу, хорошо, кабель выдернул и экран погас!

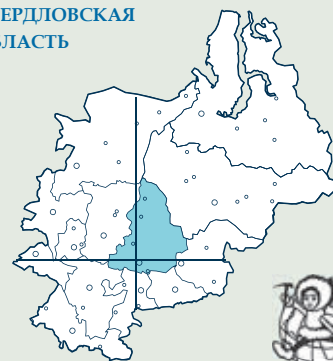

Максим Шипулин

Путешественник. Экстремал. Блогер.

Использовались материалы спецпроекта «ТАУ»

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

В общем, все было в шоколаде, и черт меня дернул ерепениться из-за этой индексации зарплаты! Раз в полгода всем повышали зарплату, инфляция была бешеная, а мне в тот раз не повысили.

Я — к начальнику цеха Леве Сорокину: «В чем дело?»

А он: «Да у тебя и так самая большая из работяг зарплата на заводе!»

Я набычился: «Уволюсь!»

Он спокойно: «Пиши заявление.»

Я написал, а он подписал!

Я, веря в свою уникальность, думаю: прибежите через недельку, умолять будете!

Но никто не позвонил ни через недельку, ни через месяц... Так устроен военный завод, что даже потеря половины рабочих и ИТР не приведет к остановке производства изделий. Только прямое попадание *ядрёной* бомбы, да и то не всегда!

Ну, поставили на мое место четверых инженеров, и все заработало. А мне, гордецу, урок на всю жизнь!

Хотя сейчас я понимаю, что, останься тогда на заводе, так бы и просидел за колючей проволокой всю жизнь, ничего не видя и не слыша!

Времена были суровые, на заводах платили мало, зарплату задерживали годами, и я, потолковав с друзьями, решил податься в **бизнес**. Меня взял к себе в компаньоны Серега Фунтусов, одноклассник моего двоюродного брата Дениса.

Сидели мы в самом центре города, в турклубе Уральского государственного университета. Турклуб размещался в подвальном помещении возле гаража УрГУ и назывался в народе Синяя Яма.

Окон там не было — и представление о том, что наверху происходит, мы получали от людей, приносявших спиртное и закусь. Бухали тогда крепко, бывало, неделями домой не приходил!

Полукриминальный бизнес был: купи — продай, но чаще — бартер. Бартер — это обмен товара на товар по цепочке, пока не обменяешь его на деньги. Цепочки были длинные — кидалово было в почете! Заработки были редки и случайны и тут же пропивались.

Устав пить и измучившись от безделья (привык руками работать), я затеял в клубе ремонт. Серега выделил денег, закупили материалы — и работа закипела. Мы построили в большой комнате барную стойку, за ней кухню, зашили поголок, спрятав трубы, сделали диваны и фальш-окна на стенах, провели телефон и интер-

нет. Это стало походить на приличный офис, и на него регулярно покупалось многочисленное университетское начальство.

Но мы все *это уже проходили* и были готовы к визиту высоких гостей!

Узнав, что завтра придет комиссия, мы затыкали в туалете унитаз и вонючая жижа заполняла коридор, который вел в турклуб, до колена. К нам фекашки не затекали, так как между коридором и турклубом были высокие ступеньки. Комиссия, зажав носы и потоптавшись на входе, уходила не солоно хлебавши. Это называлось: пустить шпрею!

Потом, зайдя в болотниках внутрь, выдергивали заветную пробку и спускали фекалии в канализацию. Так повторялось много раз!

...Но в тот вечер это было незапланированное затопление и не фекалиями!

Рядом прорвало теплотрассу, и в подвал хлынула вода, сначала холодная, но с каждым часом она становилась все горячее.

Мы, спасая снарягу и оборудование, пытались откачать воду помпой, но она не справлялась с потоком. Звонили куда только можно, вызывали аварийку из Водоканала, и пожарным, и в милицию звонили, везде скучный ответ: ждите — приедем.

А что ждать-то, когда вода уже выше колена!

Пытаясь развеселиться, мы стали кататься на каяках по помещениям турклуба. Телевизор еще работал. По нему шла популярная тогда программа местных новостей 9 ½ Иннокентия Шеремета.

Увидев в титрах в конце передачи контактный телефон, я, отчаявшись привлечь хоть чье-то внимание к беде, позвонил.

Корреспондент с оператором приехали через пятнадцать минут.

Я, мокрый, стоя в клубах пара (на улице было холодно), шурясь от яркого света фонаря камеры, рассказал, что затопливается уникальное место, гибнет снаряжение, документы, архив, а никому нет дела!

Ребята сняли, как мы боремся за жизнь клуба, откачивая воду и вынося наружу снаряжение, и сказали, что завтра еще приедут — шибко интересно.

Через час в ночной программе этот сюжет показали главной новостью: «Гибнет старейший в городе турклуб!». И воду перекрыли! Мы радовались, как дети. Наша взяла!

На следующий день корреспондент приехал снова и подробно все расспросил про историю походов, сказал, что их команда снимает спецпроекты об экстремальных людях Екатеринбурга, и попросил показать, что ребята могут сделать на каяке и катамаране.

Парни говорят: «Ну, это на Ревун (порог такой на реке Исеть, между прочим, пятой категории сложности!) ехать надо, а здесь где покажешь?»

«Не, говорит, на Ревун далеко ехать, давайте на Плотинке завтра встретимся». На том и порешили.

«Майский экстрим». Эпизод II — Мегадвижуха и ЧП

На следующий день, дотащив несколько каяков и катамаранов до Исторического сквера, мы увидели, что затвор плотины почти перекрыт и воды мало. А что покажешь на ровной глади, динамики-то нет!

Постучав к зрителю плотины, мы договорились за бутылку водки, что он откроет сброс воды на час.

Белый ревущий поток моментально заполнил узкий створ плотины, превратив тихую городскую речку в порог горной реки, зажатой гранитными утесами. Ребята отрывались вовсю, прорываясь вверх по течению к самой кромке грохочущего водопада, крутясь меж стоячих валов и кувыркаясь в бочках!

Несколько раз выполнили «эскимоску» — это когда каяк переворачивается вверх дном и каякер сам ставит его на ровный киль, не вылезая из него. Телевизионщики были в восторге: какая динамика, какой экстрим! Суперматериал!

Напоследок Пашка Катаев добил их, исполнив на каяке задний переворот в воду с перил пешеходно-

го мостика и встав на ровный киль. Аплодисменты!

Мокрые и довольные, мы обсуждали, что еще можно показать на Плотинке, если позвать побольше народу. И тут родилась идея массовой гонки по Исети от Исторического сквера до ЦПКиО имени Маяковского на каяках и катамаранах! Шеремету идея очень понравилась, он обещал поддержать информационно и предоставить призы.

Закипела подготовительная работа: обзвонили знакомых водников, осмотрели и расчистили от веток русло реки, договорились со смотрителем плотины, что откроет воду на несколько часов, чтобы река пошустрее текла.

Соревнования назначили на конец мая, и название родилось само — «Майский экстрим». Так как я не водник и в гонке не участвовал, меня назначили главным судьей соревнований.

На первый экстрим собралось немного народу: десяток каякеров да пятнадцать катамаранов. Типа чего в городе-то катать — неспортивно. Но покатушки получились интересными и динамичными, а показанные по телевизору и приправленные яркими комментариями Влада Некрасова сразу сделали из нас местных знаменитостей. Великая сила TV!

Потом были еще несколько спецпроектов с Шереметом, которые зажгли звезды Васи Порсева, Володи Рыкшина и других. Ты помнишь, как все началось? Все было впервое и вновь...

В роли главного судьи я провел три первых «Майских экстрима». На третьем экстриме случилось ЧП.

Отдельным товарищам очень захотелось личной славы, и перед стартом ко мне подошел каякер Саша (не из турклуба УрГУ) и говорит: «Хочу прыгнуть с моста на Ленина в створ плотины на каяке!»

А там двенадцать метров до воды!

Наша команда тоже рассматривала возможность выполнить такой трюк, но прикинули, что слишком рискованно. А этот чудило решил прославиться. Говорю ему: «Я тебе запрещаю это делать во время соревнований — сам покалечишься и нас подведешь!»

Договорились с ребятами Шеремета, что они снимать его не будут.

Так он договорился с другой командой телевизионщиков, что они снимут, как он будет себе шею ломать. Гляжу, уже каяк на перила мо-

ста затаскивает. Ну точно нездоровый на всю голову! Мы его стаскиваем, а он говорит: «Я все равно прыгну!» Дать бы ему в физию да каяк сломать!

Видя, что его не отговорить, принимаю меры предосторожности: в створе плотины натягиваем страховочные перила, ставим два каяка, чтобы вытащить дурака из воды. Зову Игореху Зарубинского: «Гога, пойдем, кинем его с моста по правильной траектории, чтобы носом каяка в воду вошел и скорость погасил, а то грохнется вниз башкой и шее сломает!»

Говорю этому смертнику: «Ты только не дергайся, сиди плотно в каяке и держи равновесие, чтобы ни вперед, ни назад, ни в бок не завалиться!»

Ага — кивает, а сам бледный.

Ладно — говорю: «С Богом!»

Вывесили мы с Игорехой его над грохочущей бездной и, разогнав, толкнули вперед под углом в 45 градусов к поверхности воды.

Как он красиво летел, мы потом смотрели в замедленной съемке, разбирая ЧП. Он бы ровненько вошел носом каяка в воду, плавно гася скорость, но в последнее мгновение, испугавшись приближающейся бурлящей воды, он резко откинулся назад, и каяк со всей дури плюхнулся на ровное днище. По звуку удара об воду я сразу поставил диагноз: перелом позвоночника в поясничном отделе — как минимум.

Камикадзе выкинуло ударом из лодки, но расставленные страховочки быстро вытащили бесчувственное тело из бушующей воды. Он потерял сознание и стопудово бы захлебнулся. Герой хренов!

Сбежав вниз, мы увидели ребят, которые хлестали его по щекам, приводя в сознание. Он открыл глаза. Ничего не помнил: «Я прыгнул?»

— Ха — прыгнул! Тоже мне белка-летяга!

— Скинули!

— «Скорую» быстро!

— Не двигайся!

Скорая дежурила наверху, на Ленина, и медики быстро примчались с носилками. Осторожно положив мокрое тело на носилки, побежали к машине. Взвыв сиреной, «скорая» умчалась.

На меня уставились все телекамеры. Я сразу сказал: «Перелом позвоночника. Виноват я как главный судья!»

Меня часто спрашивали потом: «Зачем я пошел его бросать?»

Да если бы я не пошел — он бы себе точно шею свернул!

Диагноз частично подтвердился: компрессионный перелом трех позвонков в поясничном отделе.

Мы этого героя потом в приличную клинику устроили. Ему поставили типа аппарата Елизарова на позвоночник, и через месяц он уже ходил, как горбун с железками на спине. Хоть бы «спасибо» сказал! Да Бог с ним.

«Майский экстрим». Эпилог

Больше я «Майский экстрим» не судил и вообще отошел от этого. Шеремет регулярно, раз в год, показывал ретроспективу спецпроектов, и ко мне постоянно подходили с вопросами люди. Как-то прихожу на работу, а мой директор Дамир Гайнанов, выпучив от ужаса глаза: «Максим, ты человека убил! Ты зачем его с моста сбросил?»

Действительно — зачем?

Но все хорошо, что хорошо кончается!

Все остались живы и «Майский экстрим» не закрыли, хоть и проводят его совсем другие люди.

В этом году он прошел в 20-й раз, став главным городским праздником для экстремалов и туристов. На него съезжаются со всей страны водники, яхтсмены, байкеры, скалолазы, спелеологи, туристы. Появилось много новых дисциплин и соревнований. Хорошие спонсоры — хорошие призы!

Мегадвижуха!

Прогуливаясь по плотинке теплым майским деньком, с удовольствием ощущая свою причастность ко всему этому событию, я иронично заметил Пашке Катаеву: «Хорошо зачатое дело может развиваться и без зачинателей!»

«Это точно!» — залучился Пашка улыбкой Чеширского кота.

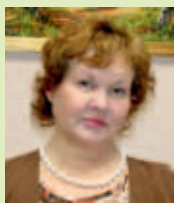
В общем, не важно, внучки мои, кто придумал «Майский экстрим» — главное, что ваш дедушка Макс был там, когда все это случилось в первый раз! **УС**

Концерт в зоне аварии Чернобыльской АЭС

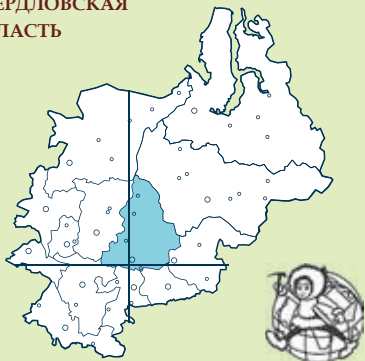
▲ Пели от всей души

Раиса Гилева

Окончила факультет журналистики УрГУ. Трудилась на Уралмаше, была ведущим корреспондентом газеты «РИТМ» ОАО «Уралмаш». Сотрудничала с газетами «Военный железнодорожник» и «Уральский рабочий». Живет в Екатеринбурге.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

«Информация об аварии была очень скромной... Организаторы фестиваля отвечали, что ничего страшного не случилось». Артисты Уральского народного хора одними из первых выступали с концертом в зоне аварии Чернобыльской АЭС.

В ночь на 26 апреля 1986 года произошла крупнейшая техногенная катастрофа XX века. На четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС, что в 130 километрах от Киева, раздался два взрыва. На 300 метров вверх взметнулся столб серо-черного дыма. Позже подсчитали, что паро-газовый выброс был равен по мощности пятнадцати Хиросимам. А уже в начале мая того же года артисты Уральского народного хора выехали в столицу Украины, чтобы принять участие в фестивале «Киевская весна».

— Вот та самая поляна в лесу, где мы даем концерт сразу после выступлений в Киеве, а вот наши зрители — ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС, — Ирина Докучаева, художественный руководитель Уральского народного хора, заслуженная артистка России, показывает черно-белый снимок, которому скоро будет ровно 25 лет.

...Сразу после Первомайских праздников 1986 года коллектив Уральского народного хора практически в полном составе — около 70 человек — выехал из Свердловска в направлении столицы Украины, чтобы принять участие в фестивале «Киевская весна». У всех было лучезарное настроение, разве кроме нескольких мам, которым не разрешили взять на эти гастроли своих детей.

— Помню, как я была сильно расстроена, потому что мы с мужем Сашей (он был артистом балета) собирались взять с собой в Киев трехлетнего сынишку, но тогда почему-то запретили ехать с детьми, — вспоминает бывшая артистка оркестровой группы Валентина Блинова. — Вообще в восьмидесятые годы многие артисты брали с собой на гастроли детей. Пятилетнюю годовщину сына мы отмечали, например, в Средней Азии.

◀ Награда за выступление

Помнит Валентина лекцию, проведенную перед артистами в конференц-зале Киевской гостиницы, текст памятки на стене вестибюля, который вызывал всеобщее удивление: надо было обязательно носить головные уборы, нельзя было ходить под дождем, покупать фрукты и овощи с уличных лотков.

— А особенно запомнилось наставление о пользе употребления сухого красного вина, что мы, конечно, не забывали выполнять, — говорит она сегодня с улыбкой.

Молодому хормейстеру Ирине Докучаевой та весна запомнилась прежде всего роскошным цветением каштанов и организационными хлопотами, поскольку она была руководителем поездки. Она рассказывает:

— Фестиваль «Киевская весна» считался одним из самых престижных в СССР. В мае 1986 года в нем должны были участвовать хор имени Пятницкого, танцевальные

▼ Концерт для ликвидаторов Чернобыльской аварии

ансамбли: «Березка», Игоря Моисеева, «Жок» из Молдавии, «Бахор» из Узбекистана. Должны были приехать такие звезды советской эстрады, как Людмила Зыкина, Аркадий Райкин, Лев Лещенко.

Забегая вперед, надо сказать, что никто из названных на том праздничном форуме не появился.

«Столица Украины встречала гостей музыкального праздника ярким солнцем, буйством красок, зеленью, цветением каштанов и сирени, чистотой площадей и улиц. Мастера искусств из Москвы, Свердловска, Белоруссии, Таджикистана, Прибалтики и Молдавии радовали трудящихся братской республики своим мастерством...» — в статье «Уральский хор — Чернобылю», опубликованной в начале июня 1986 года в областной молодежной газете, явно звучат восторженные нотки. В то время все казалось и представлялось в радужном свете: Уральскому народному хору выпала честь открыть Всесоюзный фестиваль искусств «Киевская весна», а во Дворце культуры «Украина» нашим артистам преподнесли хлеб-соль и цветы.

— Информация о случившейся аварии была очень скромной, мы были вполне спокойны, настро-

ены весело и оптимистично. Подъезжая к вокзалу города Киева, обратили внимание на то, что все перроны забиты людьми. Нас очень гостеприимно встретили, разместили в одной из лучших гостиниц города, — вспоминает народный артист России, заместитель директора ОГУК КО «Уральский хор» по гастрольной деятельности Иван Пермяков. — На все вопросы, которые у нас возникали, организаторы фестиваля отвечали, что, мол, ничего страшного не случилось. Говорили, что надо плотно закрывать форточки, тщательно протирать от пыли обувь и так далее.

Затем прибыл самолетным рейсом реквизит уральских артистов, и при его разборке выяснилась нехватка одежды и обуви: оказалось, что некоторые контейнеры были выгружены в Челябинске. Украинские коллеги выручили гостей с Урала, срочно раздобыли недостающую концертную обувь и брюки. Уже потом стало известно, что в Челябинске самолет загружали контейнером с таким необходимым для ликвидаторов аварии свинцом.

Концерты Уральского народно-го хора имели большой успех. В программах звучали песни композито-

ров Евгения Родыгина, Владимира Горячих, Евгения Шекалева и других. Никого из зрителей не оставляли равнодушным танцы «Семера», «Барыня», «Крутихинские переборы». А венцом программы была вокально-хореографическая композиция «Ирбитская ярмарка» — масштабное полотно, которое живописало несокрушимую дружбу советских наций и народностей.

— Когда мы выступали с концертами на ВДНХ Украины, мне, разумеется, бросилось в глаза, что зрителей было совсем немного. Нельзя было не заметить и полупустые улицы Киева, и то, что асфальт в городе все время поливают водой, моют и моют... — вспоминает Ирина Докучаева.

Всеобщее спокойствие и благодушие в то время было беспредельным, пропаганда работала так, что артисты совсем не думали об опасности. Сегодня немногие знают, что спустя четыре дня после аварии двухмиллионное население жителей Киева организованно и дружно участвовало в первомайской демонстрации 1986 года. В обращении городских властей к жителям во время эвакуационных мероприятий говорилось о том, чтобы люди не забывали закрыть окна,

◀ Зажигательные пляски на поляне

выключить электрические и газовые приборы, перекрыть водопроводные краны. Вся трагичность этих советов и напутствий в том, что люди должны были отправиться во временную эвакуацию, а оказалось, что навсегда.

Поэтому совсем не удивительно, что к нашим артистам, когда они выступили в Киеве, обратились представители правительства и ЦК КП Украины с предложением дать концерт в зоне ликвидации аварии.

— И вот, только выехав из Киева, я понял, что обстановка не такая спокойная, как нам все время внушали. По трассе в сторону города Чернобыля шла и шла бронированная тяжелая техника, — рассказывает Иван Пермяков.

«После концерта на ВДНХ УССР артисты Уральского хора выехали в район Чернобыльской АЭС. Здесь дали шефский концерт для специалистов, которые выполняют дезактивацию местности, техники, построек, работают непосредственно у реактора. Концерт проходил воз-

ле палаток, прямо на поляне. Как тепло, радушно, какими горячими аплодисментами встречали артистов! Надо было видеть лица зрителей, улыбающиеся, загорелые и усталые. Они очень мужественны, эти наши советские парни, выполняющие свой долг...» — бодро рапортовали газеты.

11 мая 1986 года артисты Уральского народного хора от всей души пели и плясали на огромной поляне, в нескольких километрах от разрушенного реактора. Они видели перед собой людей, одетых в очень плотную военную одежду, у каждого на петлице висел дозиметр. Показатели дозиметров на фоне высокой радиации, скорее всего, зашкаливали.

Уже позднее, когда звезды советской эстрады давали свои концерты перед ликвидаторами катастрофы Чернобыльской АЭС, их очень тщательно структурировали: например, не брать цветы от поклонников, не обниматься с ними, несколько раз помыть голову после выступления и даже сжечь свой концертный костюм!

Если бы такие меры предосторожности приняли наши артисты,

то, возможно, многие впоследствии не почувствовали бы ухудшение своего здоровья. Через несколько лет после концерта на Чернобыльской АЭС один за другим ушли из жизни Любовь и Евгений Хохлачевы. Артисты Уральского народного хора, как один, единодушны во мнении, что причиной их преждевременной смерти стало радиоактивное заражение. Сегодня в составе Уральского государственного академического русского народного хора работают около двадцати участников того опасного концерта. Многие ветераны сцены с возрастом стали ощущать различную степень недомогания. Но в целом они благодарны судьбе, что она сохранила их жизни.

...С чувством скорби и печали всматриваешься в лица зрителей концерта в зоне аварии Чернобыльской АЭС, запечатленно на фотографии. Красивые, молодые, здоровые парни в гимнастерках беспечно отдыхают, сидя и лежа на зараженной траве, полной грудью дыша нездоровым воздухом. Никто еще не знает, что эта весна для очень многих станет последней. **УС**

Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90Л01 номер 0009433.

Центр дополнительного образования УГЛУ

Приглашает пройти обучение по дополнительным профессиональным образовательным программам

Повышение квалификации, обучение и проверка знаний

итоговый документ — УДОСТОВЕРЕНИЕ о повышении квалификации, проверке знаний; формы обучения: очная, заочная

● Работников предприятий и организаций автомобильного транспорта, лесозаготовительной и деревоперерабатывающей отраслей промышленности

- Предаттестационная подготовка в системе ОЛИМПОКС
- Обучение и проверка знаний Охрана труда и промышленная безопасность; пожарно-технический минимум и др.

Требования к уровню образования слушателей

- 1) лица, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее образование;
- 2) лица, получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование.

Формы обучения:

ОЧНАЯ и ЗАОЧНАЯ (с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, без отрыва от работы)

Профессиональная переподготовка

итоговый документ — ДИПЛОМ о профессиональной переподготовке, дающий право на ведение нового вида профессиональной деятельности

- Лесное хозяйство
- Основы охотоведения и охотхозяйственной деятельности

● По программам реализации 287 Приказа Минтранса России от 28.09.2015

Требования к уровню образования слушателей

- 1) лица, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее образование;
- 2) лица, получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование.

Форма обучения:

ЗАОЧНАЯ (с исключительным применением электронного обучения, без отрыва от работы)

По всем вопросам обращаться:

Центр дополнительного образования УГЛУ, Учебно-консультационный центр

«Государственное и муниципальное управление и экономика»,

620100, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 35, каб. 313, 314. Тел./факс: (343) 254-63-45, e-mail: ukc.gmu@yandex.ru

С Богом «На рельсах»

В полночь с 14 на 15 октября 1896 года на железнодорожной станции Челябинск открылось регулярное движение по Западно-Сибирской железной дороге, чем было положено начало Великому Сибирскому пути (Транссибирской железнодорожной магистрали). Хотя «большое видится на расстоянии», но уже тогда было ясно непреходящее значение этого события.

Тем интригующе звучит определение, которое дал дню 19 октября того же года корреспондент «Оренбургских губернских ведомостей» Ананий Павлович Кузнецов: «Знаменательный для Челябинска, не менее чем 15 число октября». Чем же эта дата заслужила такую оценку?

В этот день на железнодорожную станцию, расположенную в трёх километрах от Челябинска, прибыл необычного вида вагон под номером 141. Вагон был выкрашен в приятный синеватый цвет — под лак. Снаружи его поверхность была украшена изящной резной позолоченной отделкой из тика — дерева с крупной и выразительной текстурой, известного своей стой-

костью к воздействию внешней среды (даже без дополнительной обработки защитными средствами). Также выделялся вагон из числа прочих своими сводчатыми окнами и особой надстройкой вдоль конька крыши — вентиляционно-световым фонарём.

Но прежде всего обращала на себя внимание небольшая звонница из трёх колоколов, устроенная над входом, и два православных русских креста, увенчивающих крышу по торцам вагона. Эти архитектурные элементы однозначно указывали на предназначение вагона — служить совершенно богослужений.

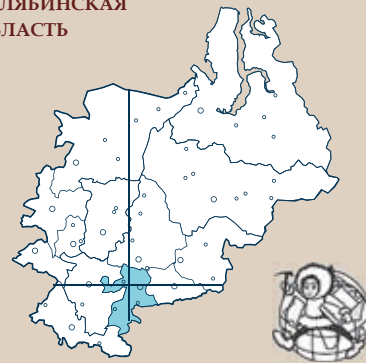
О необходимости появления подобного рода передвижного хра-

Александр Булгаков

Родился в Челябинске. Окончил Челябинский политехнический институт. Инженер-технолог. Член Международной гильдии писателей. Живёт и работает в Челябинске. Интересуется историей своей семьи, авиацией.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором

◀ Необычного вида вагон оказался храмом на колесах

ма говорили все, кто знал обстоятельства жизни в Сибирском крае и для кого было дорого удовлетворение религиозной потребности и духовного просвещения. Особенно это было важно в отношении остяков (так русские поселенцы называли коренные народы, проживающие в Сибири), которые хотя и приняли христианство, но были подвержены влиянию язычества.

Этот вагон-церковь был сооружён в ознаменование радостного для всей России события — рождения у императорской четы первенца, Великой Княжны Ольги Николаевны. Управление Сибирской железной дороги пожертвовало на это богоугодное дело 10.000 руб. для постройки самого вагона с его наружной отделкой, а 20.000 руб. — это был добровольный взнос Путиловского завода на внутреннюю отделку храма. Великолепные облачения для священнослужителей, а также на престол, жертвенник и аналой, выполненные из алого шёлкового бархата, — приношение от царственных щедрот Государя Императора Николая II. Освящение церкви во имя святой равноапостольной княгини Ольги последовало 11 июля 1896 года в Новом Петергофе. Присутствовавший при этом Государь Император объявил своё Высочайшее удовольствие всем принимавшим участие в сооружении вагона-церкви.

Среди тех, чьими трудами вагон-церковь заслужил не только одобрение Императора, но и благоволение простого народа, прежде всего, следует назвать Евгения Евгеньевича фон Баумгартена. По его рисункам, тогда ещё молодого, но уже подававшего надежды архитектора-художника была выполнена внутренняя отделка храма.

Позднее он прославится как автор проекта Каслинского чугунного павильона (экспонируется в Екатеринбургском музее изобразительных искусств), получившего на Всемирной Парижской выставке в 1900 году гран-при и в настоящее время внесённого в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Также следует упомянуть Анну Михайловну Микешину-

Баумгартен, жену Е.Е. фон Баумгартена, унаследовавшую несомненный художественный талант от своего отца — известного скульптора М.О. Микешина, автора памятника Тысячелетию России в Великом Новгороде. Ею было выполнено выжигание по дереву орнамента на филёнках, размещённых на стенах.

Иконы, украсившие храм, принадлежат кисти Валериана Степановича Крюкова. Религиозная тема стала главной в его творчестве. Валериан Степанович занимался иллюстрированием книг русских писателей и поэтов, работой над библейскими сюжетами, написанием икон и росписью храмов. В настоящее время его имя известно толь-

ко узкому кругу краеведов на его родине (г. Рославль, Смоленская обл.).

Для совершения богослужений к церкви был определён иеромонах Стефан (Алексей Данилов), окончивший в 1895 году Санкт-Петербургскую духовную академию с присуждением ему учёной степени «кандидат богословия». Содержание причта (о. Стефан с причетником) было отнесено на счёт Сибирской железной дороги.

Руководство Западно-Сибирской железной дороги заблаговременно известило о прибытии вагона-церкви в Челябинск и пригласило церковный причт во главе протоиерея и нескольких пев-

▶ Интерьер храма на колесах

чих. Узнав об этом, городской голова П. Ф. Туркин сделал соответствующее распоряжение о подобающей встрече. За час до назначенного времени (12 часов дня), сопровождаемая колокольным звоном, на станцию от главного православного храма Челябинска Христорождественского собора тронулась торжественная процессия со святыми иконами и хоругвями. Когда процессия прибыла на станцию, то вагон был уже установлен возле вокзала напротив зала для пассажиров I и II классов. Стояла обычная для этого времени года челябинская погода – то есть не особенно хорошая, тем не менее, народу на вокзале собралось много. Преобладала интеллигенция, представленная железнодорожными служащими.

После прибытия заместителя начальника работ по сооружению Западно-Сибирской железной дороги инженера для особых поручений М. А. Мухлинского и заместителя начальника Западно-Сибирской железной дороги инженера Свинцова протоиерей сказал весьма прочувствованное слово. По окончании слова начался благодарственный молебен при участии иеромонаха о. Стефана, завершившийся неслышанным доселе на станции колокольным звоном, после чего святые иконы и хоругви были унесены обратно в город.

В церкви было так много народа, что стало душно, а между тем, тут не поместилось и десятой части желающих совместно помо-

литься, и это притом, что вагон-церковь был рассчитан на 70 человек молящихся. Давка и толкотня были таковы, что жандармы едва сдерживали людей, осаждавших порог церкви. Чтобы как можно больше живущих на станции рабочих и служащих, по недосугу лишённых возможности посетить городские церкви, могли принять участие в службе, вагон простоял на станции ещё неделю.

После убытия со станции Челябинск этот вагон курсировал по Западно-Сибирской железной дороге, на дистанции Челябинск – Кривошёрково (посёлок, давший начало безудельному городу Новониколаевску, сейчас это – Новосибирск). После того как там было построено достаточное количество стационарных храмов, он был передан на Средне-Сибирскую железную дорогу.

Известно, что до 1917 года было построено ещё шесть подобных передвижных храмов, обращавшихся на Николаевской, Закаспийской, Среднеазиатской, Мурманской и Полесских железных дорогах. По своей конструкции они отличались как друг от друга, так и от вагона-церкви св. Ольги. С 1913 года все вагоны-церкви стали окрашиваться единообразно – в белый цвет.

В 1918 году этот вагон-церковь, вместе с другими подобного назначения вагонами, был перенесён на Амурскую железную дорогу и активно использовался Директорией (Временным Всерос-

сийским правительством), а затем и Военной диктатурой адмирала А. В. Колчака. В этом же году зафиксировано пребывание вагона-церкви № 141 во Владивостоке.

По окончании Гражданской войны некоторым из этих вагонов удалось уйти за границу, в Маньчжурию по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), но церкви-вагону св. Ольги в этом отношении не повезло.

Дальнейшая его судьба сложилась печально. У новой власти были свои «боги», и для служения им были нужны совсем другие «храмы». Свою последнюю остановку вагон-церковь св. Ольги совершил в 1923 году на железнодорожной станции Кругобайкальской железной дороги (сейчас это порт Байкал), находящейся на мысе Малый Баранчик (на современных картах – мыс Устьянский). Здесь внутреннее убранство бывшего вагона-церкви было принято в бессрочное пользование небольшой общиной верующих. Его разместили в арендованном частном доме, используемом под молитвенный дом. В марте 1927 года, в связи с роспуском общины верующих, вся церковная утварь из вагона-храма православной общины п. Байкал была передана в Свято-Никольский храм п. Листвянка. Храм большевики в 1930-х годах закрыли и подвергли поруганию, поэтому судьба церковной утвари из вагона-церкви неизвестна. Что стало с разукрупленным вагоном № 141 – тоже неизвестно. **УС**

Путешествия рисованных писем

О первом международном проекте «Мэйл-арт» на Урале

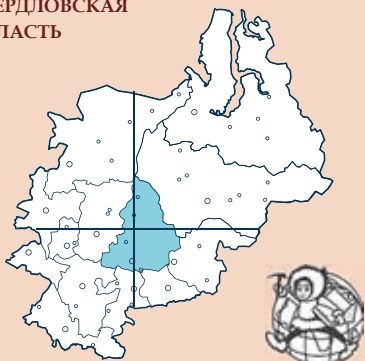

Ольга Карякина

Окончила филологический факультет УрГУ. Много лет работала в Центральной городской библиотеке имени П.П. Бажова в Лесном. Литератор, краевед, организатор выставок.

Фото из архива автора

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▼ Заштампованный конверт из Москвы

Помните, как широко советские граждане пользовались почтовыми услугами? Выписывали газеты и журналы, посылали массу писем и поздравительных открыток. Многие с детского возраста коллекционировали марки и конверты. И даже те, кто ничего не коллекционировал, с интересом разглядывали почтовые марки, порой обращали внимание на картинки, напечатанные на конвертах. В нашей стране все это выпускалось на государственных предприятиях по определенным правилам. Большинству жителей и неведомо было, что на почтовом конверте можно самому что-то нарисовать, приклеить картинку, даже просто почеркнуть. И письмо дойдет до адресата! Главное, чтобы адрес был правильный и оплата пересылки осуществлена.

Превращение обычных почтовых конвертов в произведения искусства или, если скромнее, в объект творчества — это самое простое объяснение термина «мэйл-арт». С английского словосочетание mail art переводится как «искусство по почте» или «почтовое искусство». Мэйл-артисты обмениваются своими самодельными открытками, графическими и акварельными работами, и еще много чем. С одной стороны — это способ общения творческих людей, с другой — одно из направлений современного искусства. «Искусство художественной коммуникации» — таково научное определение мэйл-арта.

А появился мэйл-арт как движение в середине прошлого века, когда американец Рэй Джонсон, художник, дизайнер и поэт, создал «Нью-Йоркскую школу корреспонденции», что

внесла смысл и некий порядок в хаотические обмены художников своими работами посредством почты. Она стала прообразом современной мэйл-арт сети. Привлекательными для участников являются демократические принципы, установленные Джонсоном, по которым мэйл-арт живет и теперь. Не поддерживаются идеи насилия, работы не продаются и не покупаются, на проектах нет жюри, не применяется отбор, качество работ не обсуждается, бесплатно рассылаются каталоги всем участникам проекта и т.д. Творческий поиск, эксперименты, в том числе с применением нынешних технических достижений, поощряются.

В 1998 году автор данных строк ничего этого еще не знала. Сейчас популярны всевозможные «кроссинги», сделанные вручную сувенирные открытки, с использованием массово выпускаемых наклеек и разнообразных деталей для их украшения. А тогда, 20 лет назад, все это для большинства населения нашей страны было или неизвестно, или в диковинку. Тем более, для жителя закрытого города, кем я и являюсь. За границу никогда не выезжала, с иностранцами не переписывалась.

Связь с миром у меня и моих коллег по библиотеке имени П.П. Бажова города Лесного возникла разом, практически моментально, в конце 1990-х, через проект «First Mail Art exhibition in Ural» («Первая выставка мэйл-арта на Урале»). Возможность организации международной выставки в закрытом городе осуществилась благодаря почте. Реализация задуманного и зависела напрямую от качества работы почтовиков стран-участниц. Не знаю,

▲ Автор проекта О. Карякина на выставке

можно ли было тогда отправить такое от нас, но к нам, в библиотеку, почтовые служащие добросовестно несли все эти «странности».

Предыстория замысла сама по себе, на мой взгляд, интересна. В одном журнале я прочитала о подобном проекте в Москве. Очень кратко было сообщено, ничего особо не объяснялось. Но что-то меня зацепило, захотелось сделать нечто похожее в своей библиотеке. Написала письмо без точного адреса — примерно, как «на деревню дедушке». И... получила ответ от организатора московской выставки, мэйл-артиста Юрия Гика, который стал заочным консультантом проекта в нашей библиотеке. Директор Бажовки Р.И. Березина идею поддержала и выделила необходимые для рассылки корреспонденций средства. Некоторые коллеги помогли с переводами текстов и в оформлении экспозиции. А помощь потребовалась, ведь на библиотеку просто обрушилась лавина необычных писем с поистине необъятной географией. Добавили же мы работы нашему почтовому отделению! На 100 приглашений участвовать в проекте «First Mail Art exhibition in Ural» пришло более 140 посланий. Художники Италии, США, Англии, Японии, Франции, Испании, Панамы, Австралии, Германии, России и дру-

гих стран прислали свою графику, акварели, коллажи, марки, открытки, выполненные в разных стилях и техниках. Были плакаты, диски, книжки ручной работы, стихи и большие статьи. А в каких оригинальных, необычных конвертах все это явилось! Конверты желтые, красные, синие, черные. Конверты, раскрашенные красками, обклеенные разнообразными картинками, наклейками, марками, «украшенные» авторскими штемпелями. Даже конверт, сделанный из географической карты. Мы получили, кажется, все разнообразие техник и направлений, весь возможный ассортимент, так сказать.

Открывшаяся в феврале 1999 года выставка оказалась такой большой, что те посетители-лесничане, которые не успели разобраться в сути явления, восприняли ее как ре-

► Конверт из Италии

зультат многолетней переписки. На самом же деле вся эта корреспонденция нам поступила за 7 месяцев. Видимо, приглашение из России заинтересовало многих. Ведь на то время это был всего лишь пятый подобный проект в нашей стране. А если подумать, что первые четыре осуществлены в западной части России (Бейск, Калининград, Москва), то привет на Урал, далекий и непонятный, видимо, захотели послать многие «артисты». Тем более, что мы не сделали ограничений по теме и размерам работ.

► Конверт из Японии

«Здорово! Интересно! Ново! Приветствую!».

«Спасибо! Через эту выставку чувствуется водоворот жизни...».

Благодаря той экспозиции, может быть впервые, прежде засекреченный Лесной открылся миру еще и в культурном плане. В международной сети Интернет библиотека имени Бажова «засветилась» как художественная галерея. Через некоторое время экспозиция из Бажовки переместилась на месяц в «Пушкинский дом» библиотеки им. Герцена в Екатеринбурге.

Консультант проекта — филолог, искусствовед и художник Юрий Гик, в журнале «Новое литературное обозрение» после написал: «В феврале-апреле этого года прошла Первая выставка мэйл-арта на Урале — в городе Лесном (Свердловская обл.). Проект был успешным, в нем участвовало 123 артиста из 28 стран с красивыми незаурядными работами».

Сегодня мэйл-арт — это огромная сеть адресатов по всему миру. А в Санкт-Петербурге, при Центральном музее связи им. А.С. Попова, создан центр мейл-арта.

В нынешнем году, к 20-летию нашего международного проекта, мы

▲ Коллаж на тему Уральских гор (Италия)

вновь открыли в читальном зале Бажовки экспозицию мэйл-арта. На ней были представлены экспонаты из довольно обширного архива библиотеки, ведь после проведения первой выставки и закрытия проекта (что выразилось в отправке всем участникам каталогов) в Лесной продолжали приходить оригинальные письма из разных стран. Повторение выставки для лесничан — не только дополнительная возможность вникнуть в суть необычного художественного явления, но и воспоминание об одном из самых масштабных и успешных культурных проектов Лесного. **УС**

▲ Авторская открытка из Германии

Тогда, в 1999-м, в книге отзывов отдела искусств библиотеки имени П.П. Бажова появилось немало записей. Среди авторов — известные художники нашего города.

«Впервые! Международная! Ошеломляет и заставляет завидовать людям, которые находят время не только писать письма друзьям, но и обрисовывать их».

► Художник-карикатурист С. Ашмарин — участник презентаций 1999 и 2019 гг.

Виртуальная экскурсия по Ипатьевскому дому

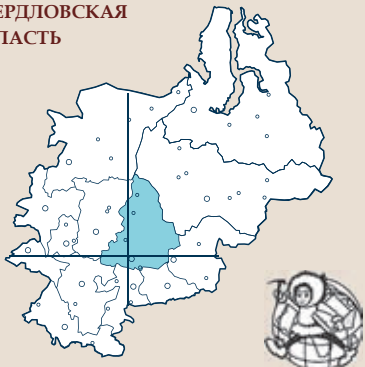
Каким интерьер особняка перед гибелью видела семья последнего российского императора

Сергей Скробов

Екатеринбургский историк искусств, журналист, фотограф. Автор многих исследований и книг по истории Екатеринбурга и Урала. Хранитель Музея истории Екатеринбурга.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

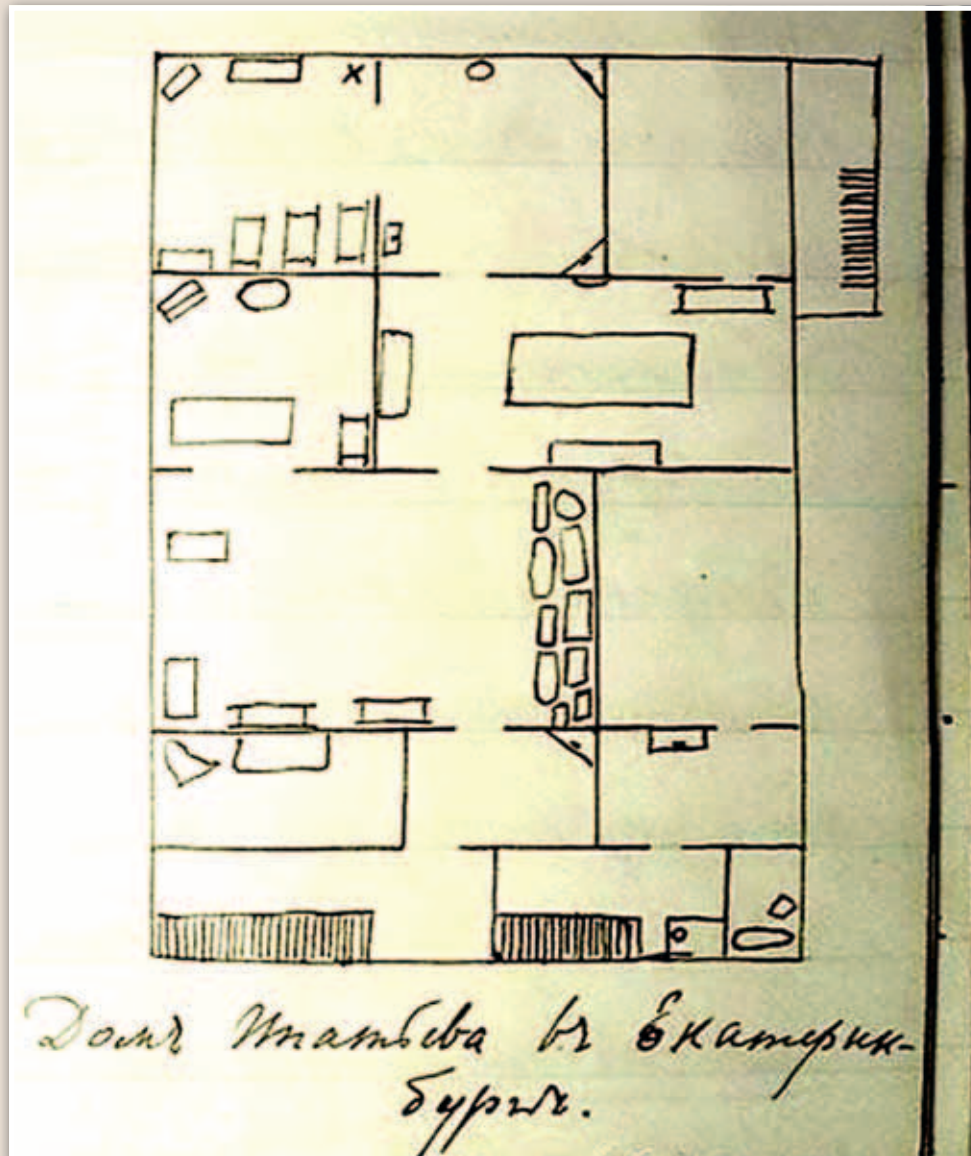
Иллюстрации
предоставлены автором

Дом Редикорцева-Ипатьева в планировочном отношении являлся типичной постройкой старого Екатеринбурга.

Из вестибюля, расположенного вместе с ватер-клозетом в специальном пристрое, можно было подняться на верхнюю площадку, а затем пройти в «людскую». В советские годы она называлась «прихожая».

Слева находился кабинет хозяина, а прямо — главный зал.

А теперь включим воображение и совершим виртуальную экскурсию. Главный зал визуалью с помощью арки соединялся с гостиной.

◀ Вестибюль дома Ипатьева незадолго до сноса

ским, известным охотником и ценителем таксидермии.

Фойе. Это помещение играло вспомогательную функцию, поэтому ничем особенным не отличалось. В правом его углу располагалась уборная, и справа же — лестница из девятнадцати ступенек с простыми, точёными, крашеными балясинами из липы.

В правой наружной стене было два окна. Напротив них располагалось внутреннее окно, освещавшее прихожую, рядом с которым находился шкаф с двумя створками, оклеенный снаружи обоями. Стены комнаты были покрыты такими же тёмно-серыми полосатыми обоями.

В переднем углу этой внутренней стены находилась двухстворчатая дверь, рядом с которой была печка уборной и водопроводный кран с железной раковиной.

Ванная комната. При входе в ванную комнату слева, на стене, была прибита деревянная вешалка с железными крючками, окрашенная белой краской. На этой же стене в центре была установлена фаянсовая раковина с водопроводным краном. Над ней под потолком во всю ширину комнаты располагался железный бак, в который заливали воду для утилитарных нужд. Вода самотёком наполняла и эмалированную ванну, располагавшуюся у правой стены. Рядом с ней стоял небольшой деревянный диванчик.

В передней стене комнаты располагалось продолговатое узкое окно, справа от которого находилась чёрная железная колонка с трубой, уходящей в потолок. В ней нагревалась вода для принятия водных процедур. Пол в ванной был покрыт линолеумом.

Уборная. Она имела одно окно, оклеенное в нижней части матовой бумагой. У входа в правом углу размещалось фаянсовое судно (обычно в Екатеринбург их доставляли из Англии) с дубовым сиденьем. Рядом с ним в правом переднем углу находился писсуар с двумя водопроводными кранами, что говорило о высоком уровне оснащения дома, находившегося в городе, где вплоть до 1926 года не было водопровода. Интерьер уборной дополнялся в левом переднем углу простой печью.

Оснащение уборной и ванной было выполнено при последнем хозяйине дома в 1910-х годах.

◀ Лестница в фойе дома Ипатьева, по которой семью Николая Второго вели на расстрел. 1918 год

Ещё одним дополнением в доме была терраса, находившаяся в юго-западном углу здания, выход на которую был из столовой. На ней летом пили чай «за самоваром», принесённым из столовой, хозяева дома.

Полуподвальный этаж полностью повторял планировку основной части дома. В этих помещениях со стороны Верх-Вознесенского переулка в начале XX века находилась контора Н. Ипатьева. Остальные комнаты использовались как жильё для немногочисленной прислуги и в качестве кладовых комнат.

Вестибюль. Входя в здание, на внутренней стороне парадной двери посетители видели небольшой дубовый шкафчик для корреспонденции. Далее шло помещение, оклеенное светлыми обоями. Справа от входа располагались два окна. Гости дома поднимались по девяти деревянным ступенькам на верхнюю площадку, держась за точёные перила, выполненные из клёна и окрашенные тёмной краской. На верхней площадке, как раз напротив входа, располагалось большое зеркало в чёрной оправе с подзеркальником. Другой мебели здесь не было. Но существенное дополнение было — огромное чучело медведицы с двумя медвежатами, подаренное Ипатьеву его соседом — дворянином Соломир-

Окна этих двух комнат акцентировали центр фасада и являлись главной его частью.

Далее из зала можно попасть в самое красивое помещение — столовую, из которой, в свою очередь, можно было войти в будуар и спальню, расположенные в юго-восточной части дома, и комнату для гостей.

С западной стороны от столовой шла проходная комната, кухня и ванная с ватер-клозетом. Отсюда из коридора был спуск в первый полуподвальный этаж.

Приёмная. Эта комната была без окон, если не считать внутреннего, выходящего в вестибюль, но имела три двери — входную, напротив неё дверь в главный зал, а налево двухстворчатую дверь в кабинет.

Стены были окрашены серой масляной краской. Справа от входа можно было увидеть сосновый, окрашенный светло-жёлтой краской, шкаф с пятью полками. Рядом с ним по стене стояла темно-коричневая деревянная вешалка с десятью крючками, а далее находилось большое чучело бурого медведя с медвежонком.

Налево от входа в зал располагалась стенная печка с герметичной заслонкой. Также в приёмной стояли четыре берёзовых стула с венскими сиденьями и резными спинками — для посетителей.

Кабинет. Основная часть кабинета была создана при купце Шаравьеве в 1900-х годах. Толстые, узорчатые, под тиснёную кожу, финишного цвета обои, вделанные в позолоченный багет, дополнялись узорчатым потолком и полом, выкрашенным под паркет.

Напротив входа располагались два стандартных окна. Окна завешивались тюлевыми шторами и драпери. Между окнами стоял ломберный столик с зелёным сукном, а у правого окна на стене располагался стенной телефонный аппарат. Под ним помещался деревянный угловой треугольный стол с полочкой, выкрашенной жёлтой краской, к тому же полированный.

Попадая в помещение кабинета, посетители отодвигали портьеру из пеньковой материи оливкового цвета, налево от которой виднелась печь, расписанная тем же рисунком,

что и потолок. Возле печки был установлен небольшой липовый шкафчик с двумя створчатыми дверками. Рядом с печью по стене, что напротив окон, находился стенной шкаф тёмного дерева. Симметрично ему слева от входной двери был ещё один стенной шкаф, книжный, со стеклянными дверками и двумя выдвигающимися ящиками.

По левой стене от входа у окна находился большой турецкий диван с двумя валиками и подушкой, покрытый такой же тканью, что и входная портьера.

Стены кабинета украшали фотографические снимки железнодорожных сооружений в коричневых деревянных рамках, а стену над турецким диваном украшала большая оленья голова.

Главный зал. Стены главного зала Ипатьевского дома, соединённого визуально с гостиной, были выполнены во время пребывания здесь купца Шаравьева и лишь частично переделаны при последнем владельце. Его стены были обиты толстыми тиснёными обоями, декорированными по краю посеребрённым багетом. Потолок же был простой, окрашенный белой краской. Дополняли убранство многочисленные лепные тяги, расписные картонные волоты, приклеенные к стыку стены и потолка. На нём были укреплены цветы из папье-маше, а в центре круглый типовой лепной узор. Посреди него в зал спускалась большая электрическая люстра.

Стена с двумя окнами, закрывавшимися тюлевыми занавесками и портьерами с палевыми цветами, дополнялась большим зеркалом с подзеркальником в простенке.

Рядом с левым окном у северной стены в углу стоял небольшой дамский письменный стол с двумя ящичками по бокам. Возле него размещалось кресло красного дерева в стиле «модерн» с мягким сиденьем и прямой спинкой. По северной же стене висели две картины в золочёных огромных рамках художника Лаврова. На них были изображены пейзажи. А под картинами располагался аквариум с декоративными рыбами.

Стена напротив представляла собой слева направо огромную арку, созданную ещё при первом владельце дома Иване Ивановиче Редикорцеве и соединявшую зал с гостиной; простенок, в котором висела копия картины «Лес и волнующаяся нива» художника Шишкина. Перед ней располагалась огромная пальма. Далее шла дверь в столовую.

Как выглядела стена, располагавшаяся напротив окон, к сожалению, неизвестно. А вот центр зала акцентировал рояль фабрики Шредера, который во время пребывания здесь последней императорской четы перетащили в кабинет. Произошло это в первых числах мая 1918 года.

Гостиная. Помещение гостиной визуально соединялось с главным залом, объединяясь в одно помещение. Их разделителем являлась лишь полуовальная арка.

Прямо под ней был установлен большой письменный, отделанный под красное дерево, дубовый стол на двух тумбах с тёмно-зелёным сукном. Этот стол удачно гармонировал со всем убранством гостиной. Паркетный пол, на стенах толстые золотистые, тиснёные под шёлк обои в рамке из багета, расписной потолок.

▼ Интерьер дома Ипатьева после бегства большевиков, июль 1918 года

▲ Кабинет инженера Ипатьева в 1918 году

▲ Гостиная в доме Ипатьева в конце 1930-х годов

Таким образом, гостиная была выполнена в изысканной гамме, что подчеркивалось большим зеркалом в золочёной раме с подзеркальником из чёрной мраморной доски, расположенном в простенке между окон. На окнах также присутствовала золотая отделка в виде узорчатых карнизов. Дополнялись окна огромными фикусами, установленными на деревянную тумбу, отделанную под красное дерево с выгравированным золотистым рисунком.

На потолке, посередине, висела огромная люстра на девять свечей.

В дальнем углу у окна располагался мягкий диван, обитый шёлком с зеленовато-золотистыми цветами. За ним находилась керосиновая лампа с шёлковым абажуром цвета бордо. По этой же дальней стене в центре стоял восьмиугольный лакированный коричневого цвета на четырёх ножках гостинный стол, на котором располагалась

гипсовая статуэтка, изображавшая двух солдат и офицера на разведке (скульптор Николай Захваткин — ученик Екатеринбургской художественно-промышленной школы, 1915 год).

Слева и справа от столика стояли два кресла. Над ними висели три пейзажа в золочёных рамах. Ещё две картины помещались на стене напротив окон. В центре же этой стены висело зеркало в золочёной раме.

В правом дальнем углу находилась деревянная тумба пёстро (тигрового) цвета с белой мраморной доской, рядом с которой стояло два кресла из уже упоминавшегося гарнитура.

Столовая. Попадая в самое великолепное помещение особняка, посетители проходили по дубовому паркету. Ему вторил рисунок на потолке — великолепная роспись в стиле «гризайль». Рисунок на потолке был выполнен на холсте, который затем наклеили на деревянную основу — прообраз натяжных потолков. Волюты же были выполнены промышленным способом из картона и приклеены к потолочным тягам.

Вообще, дуб в помещении столовой был ведущим мотивом. Под него были сделаны и толстые тиснёные коричневого цвета обои с рисунком, изображающим вазу, и вделанные в дубовые же рамки с багетом. Дубовыми панелями был отделан и низ стен.

В центре комнаты стоял огромный светлый дубовый с резными ножками стол на шесть человек. Вокруг него располагались стулья с плетёными спинками и сиденьями в стиле стола. Обычно к столу было приставлено до шести подобных стульев, остальные шесть располагались по комнате.

У стены напротив окна стояли симметрично два кресла, а центр «оформлял» большой дубовый буфет из того же гарнитура. Буфет был на три отделения, причём центральное из них двухстворчатое. Под ним располагалась открытая площадка.

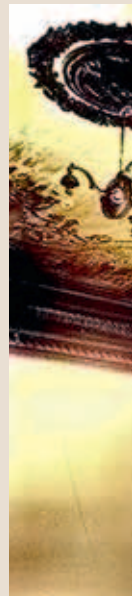
Северную и южную стены с углов акцентировали четыре двери из дуба.

Южную стену по центру декорировал прекрасный камин с маскаронами каслинского литья, над которым находилось огромное,

◀ Столовая дома Ипатьева. Фотограф Введенский. Екатеринбург. 1918 год

▼ Роспись столовой дома Ипатьева, сделанная купцом Шаравьевым

почти до потолка, полукруглое зеркало в дубовой раме тёмного тона под цвет обоев и дверей. С обеих сторон камина располагались два лесных пейзажа кисти художника Воронкова в чёрных резных рамках. Под картинами симметрично располагались ещё два стула из столового гарнитура.

Напротив, в центре северной стены, стоял небольшой дубовый шкафчик под цвет остальной мебели с одной наружной полкой, под которой было два выдвигающихся ящика. Над шкафчиком напротив каминного зеркала висела картина, выполненная акварелью и изображавшая паяца, играющего на мандолине. Вероятнее всего, она была китайской. Слева и справа от акварели напротив картин висели две олени головы на деревянных овальных дубовых досках. Под ними располагались два стула из общего гарнитура.

Западная стена слева имела балконную дверь, а справа обычное окно. В простенке между ними висели небольшие стенные парижские часы в тёмном футляре. Под ними была повешена декоративная картина-поднос, на которой под стеклом по чёрному бархату были наложены цветы из разных металлических блёсток. Окна же были задрапированы портьерами, выполненными из пеньковой ткани темно-коричневого цвета с цветами. В углу стояла небольшая финиковая пальма в огромной плетёной корзине. Декоративное оформление стены дополняли два стула из гарнитура, располагавшиеся под окном.

Интерьер являлся прекрасным образцом эклектического

стиля, созданного единым замыслом декоратора. Интерьер столовой, созданный во время проживания в доме купца Шаравьева между 1900–1908 годами, дополнялся бронзовой люстрой, низко спускавшейся над столом.

Комната для гостей. В помещении, имевшем два окна с деревянными подоконниками, такими же карнизами и зелёными полузанавесками в верхней части окон, стены были оклеены тёмно-серыми обоями. Потолок и дверь изнутри выкрашены желтовато-белой масляной краской. Посредине комнаты спускалась зелёная люстра с тремя лампочками.

Слева от входа находился круглый крашенный тёмно-коричневой краской стол на шести ножках. В комнате находился ещё один подобного вида маленький круглый столик.

О другой мебели в интерьере этой комнаты ничего неизвестно.

Кухня. Стены были выкрашены серо-сиреневой краской. Низ был обит деревянными панелями тёмно-сиреневого цвета. Потолок белый, а на полу линолеум коричневого цвета с паркетным рисунком.

Проникая из проходной комнаты в кухню, посетители видели слева на стене деревянную коричневого цвета полку для банок.

Пространство у окна занимал большой кухонный, деревянный, окрашенный жёлтой краской, стол с тремя внутренними ящиками и столькими же внизу отделениями, затворяющимися дверками. Далее в левом переднем углу располагался большой комнатный ледник.

Для кухонных нужд в центре комнаты был установлен простой белый деревянный стол на четырёх ножках с внутренним выдвигающимся ящиком.

Напротив окна справа от входа по стене находился стол с внутренним большим ящиком, закрывавшимся дверкой жёлто-красного цвета. Рядом громадная плита с духовым шкафом и деревянная вешалка, состоящая из трёх палочек, на которых развешивались кофеники и сотейники.

Будуар. Эта комната, служившая вспомогательным целям, была отделана светло-серебристыми обоями с розовато-зеленоватыми цветами. По верху обоев был наклеен золотой бордюром с зелёным багетом. На полу настелен линолеум коричневого цвета. А потолок, как, впрочем, и дверь, был окрашен розовой масляной краской.

При входе в комнату справа и слева находились две угловые печки с герметическими топками. Они были окрашены клеевой краской в розовый цвет, а перед ними располагались металлические экраны. Один светло-зелёного цвета с изображением букета и сидящей на сучке птицы, другой зелёный, с нарисованным цветком.

С потолка в помещение спускалась электрическая люстра в виде цветочной ветки с тремя лампочками.

Напротив входной двери окно, закрытое белой шторой. Справа от него в углу огромное трюмо с коричневой рамой и со столиком, а слева деревянная тумба для цветов.

Комнату украшал гарнитур из четырёх кресел, сиденья кото-

◀ Столовая дома Ипатьева перед уничтожением, 1977 год

торого находились электрические лампочки. Стол был оклеен дубовым шпоном.

У южных окон между ними располагался письменный стол конторского образца на четырёх точёных ножках с зелёным сукном. Справа от него ломберный столик, аналогичный находившемуся в кабинете, и в углу высокая полированная подставка для цветов в виде небольшого столика.

▼ Спальня императора Николая Второго, императрицы и наследника в 1918 году

рых были обиты красным кретоном, а спинки и ножки чёрные, резные. Он дополнялся гостиним столом коричневого цвета на четырёх ножках, который стоял рядом с дверью в спальню. С другой стороны двери у печки располагалась высокая, окрашенная чёрной краской, подставка для цветов.

Спальня. Помещение спальни было угловым, поэтому имело четыре окна, по два на двух стенах. Напротив входа между окон находилась коричневая этажерка с четырьмя полками и резными точёными колонками. Рядом с этажеркой перед окном небольшой круглый столик с расписной полированной круглой крышкой. У другого окна — оклеенный дубом столик прямоугольной формы с четырьмя точёными ножками. Рядом с ним в правом углу находился туалетный стол на двух тумбах с зеркалом, по той и другой стороне ко-

▼ Чехословацкий генерал Гайда в комнате Николая Второго сделал рабочий кабинет. 1919 год

В северо-восточном углу спальни был гардероб с двумя створчатыми дверками, отделанными под орех. Рядом с ним по северной стене стояла кровать, описание и изображение которой не со-

хранилось. Здесь же ночной столик, отделанный под орех, с морской верхней доской.

Слева от входа небольшой круглый столик.

В дополнение ко всему перечисленному нужно отметить, что стены комнаты были оклеены полосатыми одноцветными бледно-палевыми обоями с волнообразными цветами, «подававшимися» широким фризом.

Полуподвальный этаж. О характере интерьеров можно судить лишь по описаниям члена суда Сергеева 1918 года. Так, нижние комнаты по этому описанию имели тепло-жёлтую раскраску. Деревянные полы выкрашены в жёлтый цвет.

На стенах обои с бордюром. К счастью, сохранился маленький клочок бумаги, на котором чернилами на немецком языке было написано: «В эту самую ночь Валтасар был убит своими холопами».

Несколько комнат были со сводчатыми потолками.

Досконально узнать остальные подробности интерьеров Ипатьевского дома не удастся, наверное, никогда, так как во время выселения последнего хозяина членами Чрезвычайной комиссии значительная часть бытового убранства

особняка была закрыта в кладовых первого этажа. В документы попали упоминания лишь о нескольких предметах, местонахождение которых во внутреннем пространстве дома не установлено.. **УС**

Простая история

В ее истории нет героических подвигов и рассказа о блистательных, знаменитых событиях, участником которых она стала. Она простая мансийская женщина с очень нелегкой судьбой. Судьба отмерила ей столько испытаний, что не выдержал бы, казалось, и закаленный, умудренный опытом человек.

Жизнь все время опрокидывала ее, швыряла оземь — она вставала и упорно шла вперед. Слова простой женщины, рассказывающей о своей жизни, пробирают до сердца. Никакого пафоса, красотостей и театральности. Все просто и одновременно пронзительно. Сколько таких судеб? Сколько драм и трагедий скрывают морщинки на лицах

стариков, о чем могут рассказать их мозолистые руки?..

«Трудовой стаж у меня сорок лет, из них тридцать работала на почте начальником, — так говорит о себе Дарья Петровна Ермачкова. — А последние десять лет работала в администрации на разных должностях. Ушла на пенсию в 1999 году. Имею награды «Вете-

ран Труда», «Материнской Славы» и от губернатора ХМАО-Югры Александра Васильевича Филипенко имею почетную Грамоту за воспитание детей. Я родила семерых детей, всех вырастила и воспитала. В нашей семье я была четырнадцатым ребенком, и еще после меня была сестренка, но она умерла в младенчестве. Всего нас было пятнадцать детей, и на сегодня я одна жива».

И начинает свой рассказ Дарья Петровна:

— Жили мы в Юильске. Муж постоянно любил выпить и шкурки продавал летчикам, привозят ему авиационный спирт, и он «дурнет». Я, думаю, нас скоро тут кончит, и тайком собираюсь в Березово. Я начальником почты работала, бесплатно отправляю большие

Никита Партанов

Родился в 1960 году в ХМАО-Югра. В 1994 году поступил в Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Получил высшее образование учителя культурологии и истории. В настоящее время работает лектором-экскурсоводом в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа». Публикуется в различных изданиях. Член Союза журналистов с 1996 г.

Фото предоставлены автором

**ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ**

◀ Мансийские женщины

коробки с вещами. И так все отправила, осталось только немного. Все делаю тайком, муж не знает. Когда улетаю с детьми, мы ему сказали, съездим в Березово. И улетаю, передала почту и как будто в отпуск пошла. И все, до свидания. Мой отец приехал в Березово и купил мне дом. В этом доме и жили, а муж приехал за нами в Березово, опять начал продавать шкурки. Заем лежал в больнице, когда вышел из больницы, то учинил большой семейный скандал.

Он говорит: «Ладно, я поеду в отпуск к отцу и уеду насовсем и больше не приеду». Я говорю: «Слава Богу! Езжай!». Уехал. Через две недели звонит с аэропорта Березово. Сапоги мне принесли резиновые, я не могу добраться до дому. В то время в Березово такая грязь была, что без сапог никуда. Я говорю: «Ты что, обратно вернулся?». «Меня отец отправил обратно за семьей».

Тогда я Галиной беременна была. Он говорит: «Давай проси де-

кретный отпуск». Я говорю: «Никуда не поеду, мне отец дом купил в Березово. Зачем я куда-то поеду? Неизвестно куда поеду с детьми». Он давай портить вещи, сжигать шторки, мою одежду все прожигает папироской. Что делать? Пришлось собираться. Собрались и контейнер собрали, дом закрыли и поехали.

Приехали мы в Заводоуковск Тюменской области, они начали выпивать с отцом, у них произошел конфликт с отцом, подрались... А до этого он устроился на работу, его отец пошел к директору предприятия, куда он устроился, и пожаловался на него. Пришел директор и говорит: «Вот вам двадцать четыре часа, чтобы вас в Заводоуковске не было, уезжайте отсюда». Он начал собираться. А контейнер в дороге, там все наши вещи и мебель. И вещи, и мебель все оставили там. Он говорит: «Меня друг вызвал в Братск, там хорошую зарплату платят». Более шестисот рублей в месяц — по тем временам большие деньги. Мы собрались и по-

ехали в Братск. Когда прилетели в Братск, сразу вызвали скорую, и меня увезли в роддом, я там родила Галю. А Ивану в то время было три года, за мной бежал и сел на машину скорой помощи, кричит: «Мама, ты куда?».

Из роддома позвонили и его обратно забрали. Забрал его и они уехали в Наратай, где живица, где сера бежит, там собирали живицу. Сосны там очень высокие, я первый раз видела в Иркутской области такие большие сосны. Природа там очень плодотворная, все растет. Нас с дочкой выписывают из роддома, и он приезжает за нами с сумкой и одной простыней. Вещей у нас нет, они идут с багажом, и пеленать ребенка не во что. Ребенка не отдают, идите, покупайте покрывало. Он говорит: «У меня денег нет, покрывало стоит двадцать рублей, а у меня всего двадцать рублей». Я сказала: «У нас багаж идет». Врачи говорят: «Ой, да ладно!» Пришла старшая сестра роддома и говорит, выпишите ей шесть пеленок. Выписали нам шесть пеленок и выписали из роддома. И дал мне десять рублей, а сам отправился работать.

А мы на катере поехали в Наратай. Какой Наратай? Куда я еду? А дети уже там, общежитие нам дали. Приезжаю в Наратай, все затоплено. Там водохранилище Братское. Бревна плавают везде, в общем, берегов не видать. А водохранилище такое большое, как море. Думаю, на море, что ли, приехала. Приехала, спрашиваю, где мои дети остановились. Сказали люди, что в общежитии. Я, только подхожу к общежитию, они кучей выскочили, кричат: «Мама! Мама!». Только один хлеб у них на столе. Потом соседи узнали, что я приехала, принесли еду, огурцы, картошку пожарили, всех накормили нас... На второй день он приезжает и взял аванс. Я там жила, и Гале стало пять месяцев. Он работал плотником и начал получать четыреста рублей. На работу, на которую он рассчитывал, его не взяли, нет опыта. Как получит получку, приведет свою бригаду и начинает пить, при этом ругается... Ой, думаю, не доживу, на каникулы ребяташек собрала, вещи взяла, продала скатерть, подушки и перины, продала бурки, все продала. А он мне денег не давал, чтобы я не уехала. Ему как раз надо было получать деньги. Я говорю: «Иди получай деньги». Вечером он напился спирта и спит...

Я в это время все свои мешки сложила и завязала. В воскресенье обещали спецрейс на Братск. Я попросила машину у директора предприятия, чтобы нас увезти до самолета. Загрузила ребятишек с сумочками. Мы уже в самолет загружались, он пришел и смотрит на нас. Дети говорят: «Вон папа стоит и смотрит на нас». Он не подумал, что я такая решительная, что смогу найти машину, самолет и уеду со столькими детьми. В Братск прилетели, нас машина грузовая встретила, передали, что многодетная мать едет с детьми. И сразу нас в отдел перевозок, я оформила билеты до Тюмени. Промежуточная остановка в Новосибирске. Прилетели в Новосибирск, а Ване денег не хватило на билет. Люди раньше помогали друг другу, а сейчас ни за что бы не отправили Ивана без билета. У меня маленький ребенок на руках, ко мне нельзя, его посадили на колени к старшему брату. Прилетели в два часа ночи, в Новосибирске пурга, а дети все сонные, всю еду и воду оставили в самолете. Нас сразу в детскую комнату определили, из медпункта пришла медсестра, всех проверили. Мы на полу расстелили большой ковер и подушки с одеялами, ребятишки легли там, а я с маленьким на кровати. Утром проснулись, позавтракали, и нам говорят: « Вам надо ехать в другой аэропорт оттуда летят самолеты на Тюмень». Поехали на автобусе в другой аэропорт. Приехали в десять, а без десяти самолет летит на Тюмень. Мы приехали рано, а дети давай бегать туда-сюда. Не могу их успокоить, чуть зеркало не сломали. Технички говорят: «Успокойте своих детей, мы полы моем...». Комнату нам выделили, я их быстро завела в отдельную комнату, там поели, и на Тюмень рейс полетел. Прилетели в аэропорт, поднялись на второй этаж, все занято, везде люди спят. Думаю, куда нам устроиться, увидела пустой стол, Галю туда положила. А их на чемоданы по коридору разложила, им говорю: «Вот чемоданы, ложитесь на них и спите, не балуйтесь». А я встала и пошла за билетами, а билетов на Березово нет, были билеты на 17-е января, а сегодня 11-е. Я говорю: «Мы как здесь будем жить, у меня деньги только на билеты и остался один рубль на хлеб».

◀ Д.П. Ермачкова в национальном костюме манси

► Д.П. Ермачкова выдает замуж дочь Галину, рядом сыновья Иван (в очках) и Александр с женой Еленой

Детям то, что в сумке, уже надоело, они на это не смотрят. Идут в ресторан, там все видно, там стоят и туда смотрят. Оттуда пахнет вкусно. Потом я пошла к начальнику аэропорта и говорю: «Я с детьми, шестеро детей, с маленькой на руках, у меня денег нет. Давайте мне билеты!». Он отвечает: «Нет билетов! Уедете 18-го».

Нам сидеть еще семь дней. Но ладно, я расстроилась и пошла в комнату. Через тридцать минут прибежала сотрудница аэропорта, принесла билеты. И говорит: «Давайте деньги, в четыре тридцать отправляется самолет на Березово». Оказывается, там погода была нелетная и Березово не принимало. Вышли мы на посадку, там муж с женой стоят такие в больших шляпах с лисьими воротниками. Они, видать, богатые, а детей у них нет. И говорят: «У вас столько детей, продайте одного». Они глаз на Ваню положили. Я отвечаю: «Вот один палец откусите. Больно будет? Своего ребенка никому не отдам. И пусть мы нищие, но все равно долетим и будем жить все вместе». Они давай Ивану конфеты давать, а он раздал все своим братьям. И потом нас всех посадили, и мы полетели на Березово. Прилетели, там пурга, и как раз племянник Анатолий пришел встречать. Пришли родственники, собрали наши вещи, и пошли домой к брату. Наутро приехал из Сыгар отец Петр Никитич на двух лошадях. Был сильный мороз, аж сорок градусов, трещит все на улице. Рассадили нас на двух санях, он говорит детям: «Не выглядывайте, а то отморозитесь, и закрол их сукном».

А Иван все равно выглядывал, потом мне рассказывал.... Приехали домой в Сыгары через Шайтанку и Неремово. Через три недели вызывают меня на работу, есть для вас три места: Ламбовож, Няксимволь, Анеево. Отец говорит: «Поезжай в Ламбовож. Там рыба есть, всю зиму ловят сырка. Лосей добывают, место хорошее». Я согласилась на Ламбовож. Приехали туда, дали нам самый плохой дом, весь перекопился, печка уже падает. Сколько клопов и тараканов? С этого дома убежали в другой, где должна быть почта. Тоже страшная, неухоженная квар-

тира. Ну ладно, Бог с ними, главное, что работа была. Думаю, заработаю и весной сделаю ремонт. На почте тоже грязно, там мужчина работал, все запустил. Потом занялась ремонтом, давай выгонять клопов. Ложимся на пол — клопы идут на нас. Я давай в Сосьву звонить в аптеку, в больницу, чтобы прислали средства против клопов. В то время дуст был эффективным средством. Я добавила этот дуст в известку и побелила несколько раз.

А Ермачков в апреле приехал на лошади с Сосьвы, туда прилетел на самолете из Березово. Он не знал, где мы находимся, брат мой подсказал. При встрече мне говорит: «Ты такая маленькая стала». Я говорю: «Избушка маленькая, и я маленькая». Он посмотрел, какие поля, лето настало, начал ремонтировать. Рамы сделал новые, сделали ремонт, побелили. Пол и печку перестелил, и все нормально стало. Поехали за старшими ребятами, я их оставила в Ванзетуре в интернате. Вот так прожили три года, он опять начал пить. Играл на гармошке, везде его приглашали. И простудился. В то время хирургом в Березовской районной больнице был Филиппов, Ермачков умер в пять часов утра, а хирург скончался в девять часов. Его похоронили в Березово. Он брался за заготовку дров для почты, а мне надо сдать двадцать кубов для отделения почты, передать заготовленные дрова. Надо, чтобы эти двадцать кубов в поленище стояли. А там болото, вода. Туда пой-

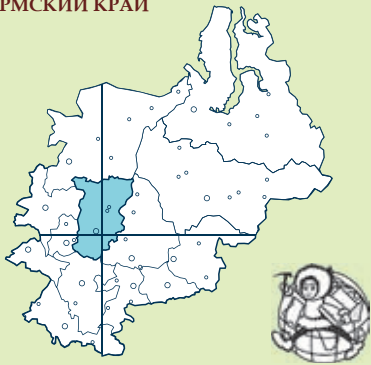
дем с Колей, Сашей, у них не получается, потому-то что маленькие. Я чурки колю — так работала, что чуть себя не угробила.

Передала почту, перевели меня в Ванзетур, стали там жить. И только год исполнился, сказали, езжайте в Анеево. Приехала, а дров нет, по берегу ходим, дрова собираем, дети зайца увидели, за зайцем гонялись, а ворона закричала, они испугались. Кушать надо было что-то. Они у меня очень дружные были. В Анеево большой пожар был, наш дом сгорел, всем миром люди мне помогли из Игрима, Березово...

В Анеево прожила шесть лет. Корова у нас была, когда переезжала в Игрим, продала ее. Детей надо было учить, устроить на работу. Потом Саша уехал работать, за ним Толя устроился. Все подстраивались. Вот такая тяжелая жизнь была, плачешь, но вперед идешь. Надо накормить, а кушать они любят мясо, любят борщ, здоровые дети. Трехкомнатную квартиру дали в Игриме, сейчас здесь живу двадцать пять лет. Теперь если дети меня обидят, то слезы текут, думаю, как вас поднимала...»

Вот такую житейскую историю поведала Дарья Петровна Ермачкова. Слушал её и у самого слезы подкатывали. Благодаря упорству и жизненной силе этой маленькой, хрупкой женщины все ее дети выросли, получили образование, имеют свои семьи и воспитывают своих детей на примере бабушки Дарьи Петровны. **УС**

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Сергей Каленик

Окончил Харьковский политехнический институт. С 1976 по 2013 год работал инженером-метрологом в объединении «Азот» в г. Северодонецк Луганской обл. Автор 6 книг по истории Донбасса. Живёт в г. Радомысль Житомирской обл.

Борис Кочешков

Окончил Донецкий политехнический институт, горный инженер-механик. Работал в НИИ обогащения углей в г. Луганске. Автор книги «70 лет в пути. История Луганского трамвая» (2001), схем для «Трамвайного атласа бывшего СССР» (2004), ряда газетных публикаций. Проживает в Киеве.

Александр Шлемов

Родился в 1966 г. в г. Нижняя Тура Свердловской области. В 1988 г. окончил Уральский политехнический институт по специальности инженер-механик заводов черной металлургии. Работал в ПО «Ижсталь», на предприятиях нефтегазовой отрасли. В настоящее время — главный инженер МКУ «Управление городского хозяйства» г. Лесной Свердловской области.

Николай Аврамов: Неизвестные страницы жизни

Морозный декабрь 1792 года... На краю заснеженного утёса над замёрзшим Северским Донцом стоял немолодой уже человек и молча смотрел в заречную даль... О чём он думал?

Может, вспоминал родной Урал, где родился и вырос, или строительство Нижнетуринского завода — свою первую большую самостоятельную работу? Может, вспоминал он стыльную Карелию и Кончезерский завод между двумя озёрами, где довелось служить, и не просто служить, а управлять заводом под началом самого Аникиты Ярцова? Или леса и реки Орловской губернии, когда потребовалось срочно эти леса и найденную там железную руду обследовать, и выбрать места для создания новых заводов? А ведь доверили именно ему...

Но, может, его мысли были более прозаичны: «А нельзя ли будет эту реку, что лежит под горой и укрыта ледовым панцирем, использовать для перевозки найденного угля в далёкие южные города — Таганрог, Ростов, донскую Нахичевань? Совсем другая река... Не похожа на Туру, Кушву, Чусовую...».

Или он просто рассматривал лес на другом берегу реки, размышляя, как бы его доставить к «угольной ломке» для крепления раскопок

найденным пластам: «Лиственниц да сосен — надежного, «красного» матерого лесу совсем нету...».

Или думал он совсем не об этом: «Сорок уж с лишним лет, а ни дома своего, ни семьи... За вечной неотложной работой заводской да горной, по разъездам и жизнью своей заняться недосуг... Вот и сейчас, и сам, и вся команда разместились у потеснившихся хозяев в селе Высшее или Вышнее — не сразу и разберёшь, как верно называть! А то ещё называют его — Третья Рота... Непонятно... А вчера были другие... Другие и хатёнки — те ж, однако, избы, да только не дранью крыты. Да и речки-то в здешнем краю со смешными названиями — Селезень, Утка... И так много, много уж лет...».

А может, ему просто хотелось выпить кружку горячего, обжигающего чая, а потом лечь в постель, закрыть глаза и забыться... Так кто же он, этот загадочный человек? Имя ему Николай Федорович Аврамов — горный офицер, геолог, металлург, гидротехник, экономист...

▼ Кончезерский завод, 1884 г.

Уральский следопыт, июль 2019

▲ Вид на Нижнетуринский завод с горы Шайтан, ок. 1910 г.

В истории промышленного Донбасса он остался, как первооткрыватель месторождения угля в Лисичанске, организатор его добычи и перевозки к дальним потребителям. Этот уголь ждали новые Черноморские верфи в Херсоне и Николаеве, солепромыслы Бахмута и Славянска. По предложению Николая Аврамова было не только выбрано место под строительство Луганского литейного завода, но и как можно предположить сейчас, с большой долей уверенности, именно он и был одним из создателей системы водоснабжения этого предприятия — первенца чёрной металлургии юга страны.

В историю промышленного Урала Аврамов вошел как видный горнозаводской деятель, в котором органично сочетались и опытный администратор, и практический инженер. Он построил Нижнетуринский завод (ныне г. Нижняя Тура), блестяще провел реконструкцию плотины Верхне-Туринаского завода, на посту Командира Камских заводов реконструировал Воткинский завод, успешно возглавлял департамент Екатеринбургского горного правления в трудный период реформ, вызванных принятием основного закона для заводов Урала — «Горного положения».

Род Аврамовых

Николай Фёдорович Аврамов появился на свет в семье потомственных крупных мастеров горного дела, которыми всегда славился Урал. Его деда Ивана Васильевича Аврамова можно характеризовать так, как дают определение словари и энциклопедии: «Деятель горнозаводской администрации на Урале с 1718 года...». Выходец из «тобольских детей боярских» — мелкопоместных (или беспоместных)

служилых дворян, он состоял в горной службе на Уктусском заводе, а затем был переведен на чугуноплавильный и пушечный Каменский завод. Иван Васильевич прошёл все ступени заводской службы, дослужившись до исполняющего обязанности заводского комиссара. Наконец, был назначен управителем, с «высочайшим» указанием «... по принятии вышеписанных Каменских заводов со всем старанием и с припасами во всё исправить и привести в лучшее состояние...».

Пришлось послужить Ивану Аврамову и земским комиссаром Катайского дистрикта (границы этого старинного административного образования сейчас находятся в пределах Свердловской, Челябинской и Курганской обл.).

Надо заметить, что род Аврамовых недостаточно изучен. Например, в Екатеринбурге, в школе открытой В. Н. Татишевым, на протяжении 15 лет с 1735 года преподавал черчение и основы живописи Мирон Васильевич Аврамов. «Тобольский беспоместный дворянин» Мирон Аврамов успел послужить в солдатах, затем обучался живописи в Петербурге, а вернувшись на Урал, занимался исследованиями месторождений минеральных красок; некоторое время служил живописцем и на заводах Демидова, писал иконы. Не приходится ли братом Ивану Васильевичу один из первых «живописцев» и графиков на Урале?

О детях Ивана Аврамова, кроме сына Федора, подробных сведений не обнаружено. Известно, что зятем Ивану Васильевичу приходился горный офицер Н. Ф. Кривцов, что служил на Екатеринбургском заводе.

Сын Ивана Васильевича, Фёдор Иванович, состоял на горной служ-

бе с 1740 года. Будучи еще шихтмейстером, в 1753 году с «железным» караваном он был отправлен в Петербург, выполняя ответственное задание императрицы, когда она потребовала прислать в Царское Село черные и белые мраморные плитки для обустройства территории «между Армитажем и новоделанного в округе его канала». После возвращения Федор Иванович был назначен управителем Чусовских пристаней, откуда железо и чугунные припасы отправлялись водным путем в центральную Россию, на продажу за границу. «Знатно» разбирался Аврамов и в горнозаводской бухгалтерии: был ревизором по заводским счетам в конторе Уктусского завода, в 1763–70 годах назначен управителем всё того же Каменского завода, а затем в чине обер-гиттенфервальтера служил в Березовской золотой экспедиции «при ревизии заводских счетов». Незадолго до ликвидации Берг-коллегии и передачи горных заводов под ведомство Казенных Палат, Федор Иванович занимал должность второго члена Гороблагодатского начальства в Кушвинском заводе.

Его сын Яков Федорович по семейной традиции также выбрал путь горного офицера. В начале 1770-х годов берг-гешворен Я. Аврамов служил чертежником в конторе Екатеринбургских заводов; на рубеже 1770–80х годов в чине гиттенфервалтера управлял Верхне-Туринаским заводом. Ликвидация централизованной горной власти обусловила «разрушение Гороблагодатского начальства» и начало общего упадка казенных горных заводов, когда предприятиями стали управлять «отставные писцы, а горные офицеры расселись по судебным палатам». Яков Федорович вынужден был оставить горную службу, поступив казначеем в уездное казначейство г. Оханска (ныне город в Пермском крае). С 1790 года Аврамов перешел на службу в Пермь, в Экспедицию по соляной и винной части. Последние обнаруженные сведения о нем относятся к 1796 году, когда бывший горный офицер служил стряпчим земского суда в Перми.

Что касается другого сына, Николая Федоровича, то его судьба сложилась иначе. Ареалом его деятельности стали тысячи квадратных верст от гор Урала до озер Карелии, от Балтийского моря и до Черного...

От Туры до Невы

Известные архивные документы по-разному указывают год рождения Николая Аврамова — 1748, либо 1749-й. Место рождения точно не установлено. Следует полагать, что родился он в одном из заводов Екатеринбургской округи, если не в самом Екатеринбурге. С 26 ноября 1761 года, то есть с 12–13 лет Николай, ещё мальчишкой, начал работать «пробирным учеником» — учеником и помощником лаборанта в горной лаборатории Екатеринбурга. Так началась его горная служба.

Традиционным возрастом зрелости той эпохи был возраст 15-ти лет: именно по достижении пятнадцатилетия дворянский «новик» получал коня, саблю, поместье... В течение XVIII — первой половины XIX вв. дворяне часто поступали на военную или статскую службу в возрасте 13–15 лет; служили, воевали и управляли. Тем более это было характерно для незнатного дворянства и непривилегированных сословий. На заводах Урала «малолеты» мастеровых с 12 лет зарабатывали копейку собственным трудом, а дети заводских чиновников служили в заводских конторах «при разных поручениях» — писцами, маркшейдерскими учениками, копиистами...

Ученик Аврамов прилежно познавал и исследовал образцы руд, минералов и других полезных ископаемых, которыми так богаты недра Урала. Работал начинающий пробирер с увлечением, стараясь как можно глубже вникать во все тонкости своей будущей профессии. Одновременно учился горной науке у отца и других опытных мастеров, которых было немало в окружении семьи Аврамовых. Его ум, старание и мастерство были замечены начальством, и по истечении двух лет Николай Аврамов был сам назначен пробирером. Молодой лаборант на практике применял знания о рудах: был «найден им в самом городе Екатеринбурге весьма не убогого содержания золотой рудник и объявлен бывшему тогда Главным командиром генерал-майору Ирману, за что учинить ему особенное награждение».

С расширением чугуноплавильного производства в Гороблагодатских заводах (с пуском двух доменных печей на Туринском верхнем заводе), Главный командир заводов Андрей Ирман принял решение

дополнительно к Серебрянскому заводу построить еще один железодельный завод на реке Туре. Строительство его предполагалось еще Татищевым, но окончательно выбор места под завод состоялся лишь в 1752–53 гг.

В апреле 1765 года Н. Аврамову было приказано отправиться в Гороблагодатские заводы, где он получил ответственной задачей — построить новый железодельный завод, названный Нижнетуринским. В 17 лет он был назначен его управителем. Как записано в «формулярном списке» о службе Аврамова, этот завод, в состав которого на первых порах входили плотина с заводским прудом и молотовая фабрика, был «под ревностным его присмотром построен и пущен в одно лето» (т. е. за один год). В тот же год (т. е. 1766) завод дал первые 1760 пудов полосового железа.

Первый экзамен заводского строительства был сдан Аврамовым на «отлично», хотя «экзаменаторы» были строгие. Работу Аврамова контролировали старший член Гороблагодатского начальства, опытейший специалист, ассессор Алексей Москвин — основатель Серебрянского, Ижевского и Воткинского заводов, а также плотинный мастер Никита Малый, уже «бывший у устройства четырех заводов».

Завод строился силами приписных к Гороблагодатским заводам крестьян. Первые поселенцы-мастеровые с семьями — кузнецы Д. Торопов, С. Вторыгин, К. Петров, Ф. Федоров, Т. Никонов, братья Шарнины, плющильный подмастерье С. Поздин, якорный мастер И. Баянов, угольный мастер Ф. Закопаев, плотинный подмастерье К. Вершинин и др. — были переведены с других Гороблагодатских и Екатеринбургских заводов.

Уже на третий год управления Аврамова заводом предприятие дало почти 70 тысяч пудов раскочного железа, а в 1769 году выпущенный из Воткинского завода мастер Грязных обучил местных мастеровых выделке под молотом кровельного листа. Выделка этого нового вида продукции, начатая при Аврамове, всего несколько лет спустя достигла такого совершенства, что даже в С.-Петербурге было отправлено караваном почти 7000 пудов нижнетуринского железа для кровли Александро-Невской лавры.

▲ Адмирал Н.С. Морозов

Плотина под руководством Аврамова была построена настолько основательно и надежно, что проезжавший через Нижнетуринский завод в 1770 году выдающийся немецкий ученый П. С. Паллас подивился, что ее «еще ни разу не прорвало». Река Тура в то время была совсем не похожа на современную Туру; она была быстра, глубока, многоводна. От Верхнетуринского завода чугунное литье и железо отправлялось по ней в полубарках до самого Тобольска...

Когда в 1770 году как раз возникла опасность прорыва плотины Верхнетуринского завода, то начальство не нашло никого иного, как шихтмейстера (прапорщика) Н. Аврамова, чтобы направить его для перестройки верхнетуринской плотины, а заодно и обветшалой фабрики завода, «что так же в одно лето с должным рачением им исправлено».

Следующие два года Аврамов служит помощником Москвина в главной конторе Гороблагодатского начальства, разбирается с непростой заводской бухгалтерией. После — неожиданный перевод уже в Карелию, на далёкие от Урала Олонекские Петровские заводы. Там вершилось дело государственного масштаба — шло строительство Александровского пу-

печного завода под руководством А. С. Ярцова. Не всё там ладилось; требовались опытные металлурги, руководители-организаторы. В команду Ярцова «худых» специалистов не брали. Перевод Аврамова с Урала случился по распоряжению самого директора Берг-коллегии Соймонова, что свидетельствует о высокой репутации Аврамова как специалиста уже и на самом верхнем уровне горного начальства.

Служба под начальством Ярцова длилась 6 лет. 5 декабря 1773 года шихтмейстер «при разных должностях» Аврамов получил звание берг-гешворена (подпоручика), а в августе 1776 году награжден чином гиттенфервалтера (поручика) с назначением на должность управителя Кончезерского чугуноплавильного завода. Требовательный начальник Ярцов подчиненных чинами и наградами попусту не жаловал. Уж кто-кто, а он-то понимал толк и в заводском деле, и в людях...

В 1779 году Аврамов получает от Сената новое задание: обследовать найденные железорудные месторождения в Орловской губернии, выяснить состояние рек и лесов, то есть определить топливно-энергетическую базу для возможной постройки новых «железных» заводов и выбрать места для их строительства. Схемы, планы и обширный отчет был

▼ Светлейший Князь
Г.А. Потемкин-Таврический

▲ Памятный знак на месте первого рудника Донбасса в Лисьей балке

представлен по окончании экспедиции — как и везде, горный офицер Николай Аврамов «должность отправлял со всяким рачением и усердием». Интересно отметить, что в то время правительство не проводило последовательных мер по охране лесов. Аврамов же не только выполнил свои прямые задачи, но в отчете еще и пытался обратить внимание начальства на «сбережение» леса от нерационального использования и вырубку.

Возвращение Аврамова из Орловской губернии в Петербург, в 1783 году совпало с ликвидацией центра горной власти. Горные заво-

ды в губерниях и наместничествах теперь подчинялись местным, т. н. Экспедициям Казенных Палат, которые осуществляли, по большей степени, лишь финансовый контроль, а заводы приходили в упадок. Многие горные офицеры остались не у дел, но, по понятной причине, Аврамова это не коснулось.

В этом же году он был определен в Петербурге в Экспедицию о государственных доходах по горной части. А когда управляющему Экспедицией князю С. И. Вяземскому потребовался «Отчёт о заводских капиталах», Аврамов выполнил и это задание, доказав, что кроме прочего, он еще и знающий

бухгалтер-экономист. Его работа удостоилась «высочайшей апробации», князь остался доволен. Он нашел в Аврамове «достойного помощника». 23 февраля 1784 года Николай Федорович был произведен коллежским асессором (чин статской службы равный званию капитана).

Дела новороссийские

Особый период жизни Аврамова – начало 1790-х годов.

Ещё в 1774 году Россия по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору с Турцией вышла к Чёрному морю. Но освоить и защитить отвоёванные земли, оказалось некому и нечем. Руководить этой огромной территорией, названной Новороссией, было поручено известному государственному деятелю, военачальнику и политику князю Григорию Александровичу Потёмкину.

Перед ним сразу же встала проблема обороны приобретённых земель от посягательств беспокойных соседей. Началось строительство новых и возрождение старых крепостей, создавались верфи в Херсоне и Николаеве, на которых были заложены корабли будущего Черноморского флота.

Но как обеспечить корабли и крепости вооружением? Возить пушки и боеприпасы из Карелии или далёкого Урала было долго и накладно. Необходимо было срочно построить пушечный завод где-нибудь поблизости. Для этого нужна железная руда, а главное – топливо для печей.

Взоры Потёмкина и его ближайших соратников – капитан-командора М. Л. Фалеева и командира строящегося флота вице-адмирала Н. С. Мордвинова обратились к восточной окраине Новороссии – горному массиву, названному впоследствии Донецким кряжем.

Ещё лет 70 назад в тех землях где-то были обнаружены выходы угольных пластов и рудные проявления. Но за прошедшее время имена первооткрывателей – Никиты Вепрейского, Семёна Чиркова, Григория Капустина были практически забыты, а документы об их открытиях найти не удалось. Приходилось начинать всё сначала.

Вначале поиск полезных ископаемых был поручен двум профессорам – М. И. Афонину и его ученику М. Г. Ливанову. Ими была осмотрена огромная территория

северной части кряжа, где были обнаружены выходы на поверхность угольных пластов и места с признаками рудных залежей. При обследовании долины речки Белой подтвердилась находка, сделанная ещё Вепрейским и Чирковым в 1721–22 годах на землях капитана Ивана Яковлева. Там на обрывах и в оврагах выходили из-под земли пласты угля.

А также обнаружили и признаки того, что кто-то когда-то этот уголь «ломал». Это было у местечка Селезнёвка, где в реку Белую впадали небольшие речки Селезень и Утка.

Тяжёлая болезнь, однако, вынудила Ливанова отказаться от дальнейших исследований. Ему была нужна достойная замена. Профессор Афонин не подходил, он не был геологом...

В июне 1790 года по инициативе Потёмкина срочно организуется поисково-разведочная экспедиция военно-морского флота, получившая у историков и краеведов название Черноморской. Вначале М. Л. Фалеев в ходе 40-дневной поездки сам осматривает огромную территорию – включая Криворожье и Донецкий кряж. Но заботы о строительстве флота не позволяли ему заниматься ещё и поиском полезных ископаемых. Нужно было срочно найти специалиста, который не только хорошо разбирался бы в геологии и металлургии, но был бы ещё и отличным организатором работ.

Но почему выбор пал на незнакомого для Новороссии коллежского асессора Николая Аврамова? Не найдено никаких докумен-

▲ Северский Донец в окрестностях Лисичанска

тов, объясняющих внезапный перевод именно его, бухгалтера Горного стола (читай: отдела) Экспедиции, на юг. Есть только соответствующий Указ Сената, которым Николай Фёдорович направлялся в распоряжение князя Потёмкина.

Вероятно, Потемкин был крайне обеспокоен медленным ходом поисковых работ и необходимостью защиты новых, вверенных ему земель.

В поисках опытного руководителя для Черноморской экспедиции Потемкин мог обратиться либо к князю Вяземскому, либо в Сенат, либо напрямую к императрице. В любом случае, требование светлейшего князя, надо полагать, было переадресовано Вяземскому – главе Экспедиции о государственных доходах, представлявшему тогда высшую горную власть. Дело государственной важности не терпело долгой переписки и канцелярских проволочек. Да и кого нужно было искать князю Сергею Ивановичу, если в его ведомстве служил Аврамов, «достойный помощник», зарекомендовавший себя как многоопытный специалист очень широких областей знаний.

Вопрос был решен оперативно: «по требованию князя Потемкина Таврического... с высочайшего соизволения от его сиятельства князя Вяземского» Николай Аврамов отправлялся на юг... **УС**

(Окончание в следующем номере)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТУРИСТСКАЯ ВЫСТАВКА
INTERNATIONAL TRAVEL & TOURISM EXHIBITION

EXPOTRAVEL-2019

5–6 апреля прошла крупнейшая на Урале международная туристская выставка «ЛЕТО-2019» на площадке Президентского центра Б. Н. Ельцина, участники крупнейшего отраслевого события представили свои услуги и новые предложения для партнеров и посетителей выставки.

На совещании Совета по развитию промышленного туризма в РФ, которое состоялось 5 апреля, «Гора Белая» представила новый проект, который включает в себя 500 километров гостевых туристических маршрутов, которые будут открыты в туристическом кластере «Гора Белая» летом 2019 года. «Гора Белая» — первый на Урале туристический кластер, проект, инициированный губернатором Свердловской области Евгением Куйвашевым. Кластер включает в себя различные виды отдыха: от экстремального зимнего на горе до спокойного семейного в окрестностях реки Чусовой. В кластер входят горнолыжный комплекс «Гора Белая», природный парк «Река Чусовая», буферная зона Висимского заповедника, поселки Висим, Усть-Утка и другие. На территории создан особый экономический режим для бизнеса.

На заседании межрегионального Совета по развитию детского и молодежного туризма УрФО с участием депутатов и экспертного Совета Государственной Думы по направлению «ту-

ризм» интерес вызвала презентация каталога по проекту «Живые уроки в музее», который при поддержке Фонда президентских грантов реализует Частное учреждение культуры «Музей «Русское золото». С февраля 2019 года здесь проходят бесплатные экскурсии для учащихся школ Березовского городского округа. Организаторы прошли добровольную сертификацию своих услуг и продемонстрировали возможности интеграции музейной составляющей в учебный процесс, поделились опытом и желанием развивать проект дальше, распространяя его практику

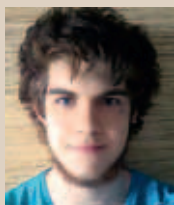
на Свердловскую область и Уральский регион.

Еще больше узнать о новых направлениях для путешествий, почувствовать атмосферу национального колорита вы сможете 4–5 октября на международной туристической выставке EXPOTRAVEL-2019 в президентском центре Б.Н. Ельцина! **УС**

EXPOTRAVEL
туристская выставка
4-5 октября 2019

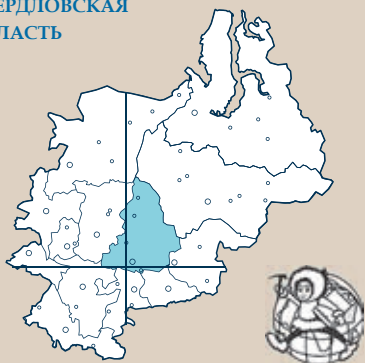
www.uralstalker.com

Никита Шматов

Начинающий журналист и моделист-художник, любящий путешествия и репортажи.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором.

Никакого GPS

Спортивным ориентированием занимаются ребята с поражением опорно-двигательного аппарата

Какие только проблемы мы не находим, на что только не жалуемся. Всегда отыщем повод пожалеть себя, обозначить причину своих неудач, ошибок. Но есть люди, которым на самом деле живется нелегко, но они не теряют оптимизма, словно не замечают житейских трудностей, более того, подают пример стойкости и целеустремленности.

Мне удалось пообщаться с такими. Это наши земляки, победители проходившего этой весной в Санкт-Петербурге Чемпионата России

по спортивному ориентированию для лиц с поражением опорно-двигательного аппарата, молодые люди с ограниченными возможно-

стями здоровья, добившиеся успехов в своем деле.

Тренер команды — **Ольга Геннадьевна Корчагина**. Сама она с 13 лет занимается этим видом спорта, в 16 лет стала чемпионкой России, в 18 — мастером спорта, бронзовым призером Чемпионата СССР. На протяжении 45 лет участвует в чемпионатах мира в беговом и лыжном ориентировании. Можно сказать, что ориентирование стало ее образом жизни. А теперь она приобщает к этому своих учеников, с каждым разом поднимая их на все более высокий уровень.

«Симулятор для шпиона»

Что из себя представляет турнир по спортивному ориентированию? Спортсмены начинают движение по маршруту, останавливаясь у контрольных пунктов — специальных зон, в радиусах которых расположены призмы, проще говоря — флажки.

Спортсмен должен либо выбрать одну призму, которая находится ближе всего к центру окружности, либо обозначить находже-

ние всех призм в радиусе зоны, условие зависит от категории соревнования. На первый взгляд, все просто, не так ли? Но таких зон на пути может быть около 18, а то и все 30, на решение которых дается до 3 минут. Дистанции могут отличаться и по протяженности — от 800 метров до 3-4 километров. Время тут играет второстепенную роль, ведь людям на колясках сложнее передвигаться, поэтому самое главное — точность определения призм на карте, из-за этого «Точное ориентирование» — второе название вида спорта.

Кстати, спортивное ориентирование — это настоящий симулятор шпиона, разведчика. Быстрое передвижение по лесу с картой, компасом и нахождение призм очень напоминает диверсионную миссию спецслужб или других силовых структур.

И это не пустые домыслы! Действительно, спортивное ориентирование входит в список игр, организуемых военными для укрепления навыков. Но больше всего это напоминает шахматы, как под-

У любых спортсменов есть своя уникальная терминология, спортивные ориентировщики не стали исключением (я уже говорил про сходство со шпионажем)

- **тайм-кафе** — тот случай, когда два участника завершили испытание с одинаковым количеством очков, им требуется решить один дополнительный контрольный пункт, но с одной поправкой: кто раньше правильно ответит, тот и выиграл
- **темпо** — способ прохождения дистанции, где главный параметр — это время, в нем на равных могут участвовать люди с инвалидностью и без
- **горизонталь** — линия на карте, обозначающая изменение высоты рельефа.
- **носик** — уже сугубо географический термин, обозначающий изгиб на горизонтали карты, некое возвышение рельефа
- **лощина** — то же самое, но обозначающее понижение рельефа и на карте изгиб отмечен черточкой
- **траверс** — ходьба по линии горизонтали, обозначение промежутка подъема/спуска
- **визир** — ситуация, когда центр окружности попадает между двумя видимыми ориентирами, проводя мысленную линию, например, между двумя деревьями, стоящими на одной линии, спортсмен ищет призму, ведь если она есть, она, скорее всего, и поставлена в самом центре контрольной зоны.
- **zero толерантности** — некий радиус погрешности (2 метра) определения нужной призмы на карте, при сложности определения, например, из-за большого расстояния от маршрута.

менена электронным устройством, считывающим ответ.

Как в шахматах: внимательность и расчет

— Занятия по спортивному ориентированию мы начали еще в 1995 году в школе-интернате «Особый ребенок», — рассказывает Ольга Корчагина, — спустя год мы набрали еще группу колясочников, 20 человек. Кто-то, конечно, отселялся по желанию или по состоянию здоровья, но костяк остался до сих пор. У нас все ребята — члены сборной страны и области. Выезжаем на международные старты и чемпионаты России. По сути, мы первооткрыватели этого вида спортивного ориентирования в России. У нас начали появляться результаты, были международные основания отборочных туров, сформировалась команда для поездок на зарубежные чемпионаты, то есть появилась мотивация, стимул, интерес участвовать, соревноваться и выигрывать, смотреть мир.

Спортивное ориентирование — это интеллектуальный спорт, своеобразные шахматы на ходу, здесь главное — это внимательность и расчет, точно так же, как и в шахматах. Тут самое важное не упустить детали всей картины и продумать план наперед. Приходится много думать. Важно иметь хорошее воображение и внимание.

Нужен целый комплекс знаний, необходимых, как и ориентировщику, так и обычному человеку.

Ребята, занимаясь так долго, а некоторые больше 20 лет, показывают хорошие результаты на соревнованиях, встречаются с друзьями, знакомятся, выигрывают.

Все это — большой опыт и усердные тренировки — помогают нам достичь первых мест.

Дождь не помеха!

— Тренировки проходят практически каждый день, — продолжает Ольга Корчагина, — но зимой мы выезжаем всего два раза в месяц из-за того, что социальный автобус нам дают только ограниченное количество раз. А на такси добираться весьма затратно. Положение спасают индивидуальные и групповые занятия по скайпу. Мы расписываем график и имитируем реальные упражнения на внимательность с помощью фотографий. То, чем мы занимаемся на улице, можно частично повторить и дома.

Удалось мне пообщаться и спортсменами. Первому я задал вопрос **Андрею Панову**, отставшему от лидера на Чемпионате России всего на несколько секунд в дисциплине «Спринт», поэтому занявшему второе место: Андрей, почему ты выбрал именно этот спорт?

— Пожалуй, случайно. Меня вообще, можно сказать, поймали в коридоре и предложили пойти в спортивное ориентирование. Сначала спросили, чем я занимаюсь, а я в это время ничего не делал, да и в разбитом состоянии был. Пытался реабилитироваться после несчастного случая. Так что меня заинтересовала эта идея, к тому же я был наслышан о нашем тренере — Ольге Корчагиной. Ну а потом, на занятиях, мне понравилось, затянуло в эту атмосферу.

Екатерина Панова, жена Андрея, заинтересовалась увлечением мужа, побывав на одной из его тренировок. Сама она занималась беговым ориентированием еще в школе, до травмы, полученной в ДТП в 15 лет. В этом году девушка впервые поехала на Чемпионат России и сразу заняла первое место в дисциплине «Спринт».

метила тренер команды — Ольга Корчагина, ведь важно не столько быстро передвигаться, сколько думать и анализировать ситуацию.

Спортсменам во время прохождения маршрута запрещено разговаривать, пользоваться телефоном или любыми другими гаджетами, кроме допустимых: компаса и карты.

Современному человеку будет не очень комфортно оказаться в лесу без телефона, а тут ведь еще и маршрут искать нужно. Никакого GPS!

Каждый участник носит с собой специальный лист с ячейками, напоминающий бланк ответов на экзамене. Эта штука нужна для того, чтобы отмечать компостером название нужной по заданию призы. На Чемпионате бумажка за-

Надежда Пересмехина увлекается спортивным ориентированием с 5 класса, несмотря на врожденный ДЦП. Благодаря своей целеустремленности, Надежда несколько раз побывала на международных соревнованиях и в 2007 году стала чемпионкой России.

Наталья Салахова, самый взрослый участник команды и, с уверенностью скажу, что самый опытный. Она 20 лет из своих 33 занимается ориентированием и изрядно в этом преуспела: многократные победы на чемпионатах области и России.

В прошлом году заняла второе место на Чемпионате Европы в командной эстафете, а на Чемпионате мира была бронзовым призером. Дело в том, что Наташу в 10 лет укусил энцефалитный клещ и ей пришлось долго восстанавливаться, заново привыкать к телу после паралича.

Спустя три года попала в школу для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата и начала заниматься спортивным ориентированием.

Каждый из ребят, с которыми я познакомился, яркая индивидуальность. Их тренер говорит про это так:

— Они разные даже в подходе к прохождению этапов участка. Екатерина Панова определяет расположение призм более интуитивно: увидела нужное место и сразу поняла, что где стоит. Наталья Салахова же изучает этап по-другому. Из-за большого опыта и багажа знаний, она всегда будет искать, в чем организаторы трассы хотели ее «обмануть». Иногда из-за этого она тратит далеко не лишнее время.

Я понял, что это очень похоже на то, как в школе подростки изучают математику!

Одни могут интуитивно решать задачи, просто понимая алгоритм действий и не пытаясь найти ловушки, а другие могут долго сидеть над несложной задачкой, перепроверя ее несколько раз, потому что ответ показался им уж слишком простым.

Разговаривая с ребятами, я узнал много нового. Так они акцентируют внимание на миллиметре траже работы, ведь точность — это самое главное в этом виде спорта.

Нельзя забывать и об умственной активности, ведь это неотъемлемая часть спортивного ориентирования.

Другим немаловажным фактором является погода и дорога, ведь во время дождя земля с гравием превращается в грязь, по которой очень трудно передвигаться всем людям, а колясочникам тем более.

Отвечая на вопрос, что более всего в спортивном ориентировании им нравится, молодые люди ответили, что это общение, возможность победить, умственная нагрузка, постановка и достижение целей. Поддержка друг друга и связанное с этим хорошее настроение как способ отвлечься.

Команда екатеринбургских победителей уверена, что любой результат нуждается в постоянном совершенствовании и тренировках. Нельзя стать чемпионом, не работая над собой постоянно. Одним талантом не достигнешь высоких результатов.

Наши герои желают удачи всем, кто идет к достижению цели или только начинает свой путь к ней!

Пусть опыт этих ребят, которых мы называем «людьми с ограниченными возможностями», будет мотивировать тех, кто видит вокруг лишь проблемы, барьеры и ограничения. **✎**

ПОХОД ВЫХОДНОГО ДНЯ: ШЕСТЬ ВПЕЧАТЛЯЮЩИХ МЕСТ БАШКИРИИ

Ближе к началу теплых летних дней все чаще возникает желание проводить время вне дома. Конец весны и начало лета — самая лучшая пора для посещения Башкирии, солнечной республики.

Наше путешествие пришлось на начало мая. В Уфу мы отправились проходящим ночным поездом Тюмень — Махачкала. Стоит заметить, что ночной вокзал в Екатеринбурге по-своему великолепен. Толпы туристов, нагруженные рюкзаками и чемоданами, ждали своих рейсов. Жадно глотая ночной воздух, каждый из нас тихо предвкушал яркие впечатления и мечтал скинуть накопившийся груз проблем.

Итак, тронулись. После семнадцати часов в пути мы сошли на башкирскую землю.

В Уфе нам было отведено всего два часа на экскурсию. За это время гид, безумно любящая родную республику

и с уважением относящаяся к ее истории, рассказала нам о ней.

Первое, что бросилось в глаза: 20.00 часов, вечерняя дымка окутывала город, а центральные улицы Уфы пусты. Из окон автобуса отчетливо видно большое количество скверов и парков, очень чисто, но почти безлюдно.

«Большая часть людей выехали из города на праздники», — объясняет гид, уловив наше недоумение от вида безлюдных улиц.

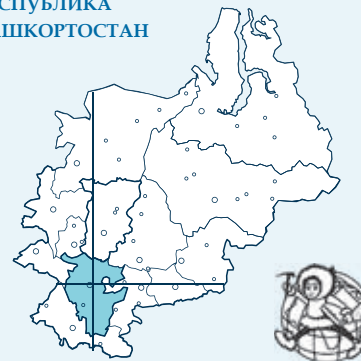
Республика Башкортостан — это 21 город, 54 района и 160 национальностей. Уфа — столица Республики, площадь 700 кв. км, нужно 5–6 часов, чтобы ее проехать. Особенность города за-

Наталья Довжик

Историк. Журналист. Кандидат исторических наук.

РЕСПУБЛИКА
БАШКОРТОСТАН

▲ Для тех, кто любит сплавляться

Порог Айгир

начинается ниже по течению от одноименной деревни. Деревня Айгир расположена в 18 километрах в сторону востока от поселка Инзер (164 км от Уфы) на пересечении двух рек: Малого Инзера и Айгирики. Порог по большой воде превращается в бурный поток воды, и в начале мая туристы-водники устраивают на нем соревнования. Летом вода сильно успокаивается, протекая между камнями, и для сплава не пригодна.

ключается в том, что он лежит на семи холмах, имеет семь административных районов. Ловишь себя на мысли, что число 7 можно считать счастливым для башкир.

Единственное место, куда успеваем сходить, — это этнический парк Ватан, расположенный в Черкалихином овраге, созданный как один из проектов для гостей саммитов ШОС и БРИКС, которые состоялись в 2015 году. Отсюда открывается вдохновляющий вид на набережную реки Белая и на возвышающийся на скале памятник национальному герою Башкортостана Салавату Юлаеву.

Здесь же расположены семь юрт, в каждой из которых представлены быт башкир. В юртах можно познакомиться с ремеслами и обычаями башкир и отведать национальной кухни. Нам повезло, мы застали закат солнца — розово-оранжево-фиолетовое зарево. Поистине чудо природы. Так закончился наш единственный день в Уфе.

На утро следующего дня мы отправились в поселок Инзер (Белорецкий район Башкортостана) — здесь свое начало берут популярные пешеходные и горные маршруты. У нас впереди — покорение высшей точки хребта Караташ (с башкирского «Черный камень») — горы Уфа (919,9 м). Подъем выдался нелегкий, многие из группы (18 человек), как и я, пришли к умо-заклочению, что пару уроков альпинизма и скалолазания перед покорением башкирских гор взять не мешало бы. Это притом, что у большинства за плечами не одно восхождение и не один подъем. (С учетом того, что мы начали маршрут около 9 часов утра с минимальным количеством остановок и перекусов на электричку в 18 часов, следовавшую на место нашего ночлега — базу отдыха «Арский камень», мы все же опоздали и почти до ночи пришлось ждать следующую. Но какой же

Инзер

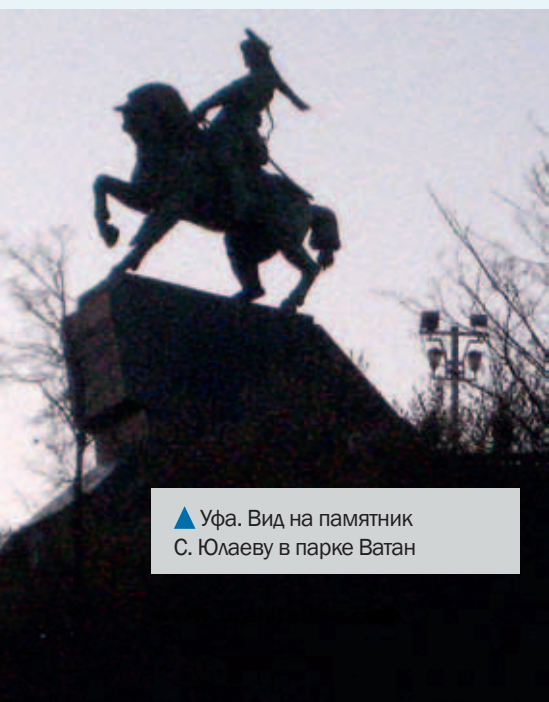
(от башкирского «слушать») — село в Белорецком районе Башкортостана. Село расположено на берегу одноименной реки (также именуемой Большим Инзером), в месте впадения в него Малого Инзера. Через Инзер проходит автомобильная трасса 80 К-031 Уфа — Белорецк. В поселке есть железнодорожная станция Инзер Куйбышевской железной дороги, которая является станцией стыкования постоянного тока (со стороны Уфы) и переменного (со стороны Магнитогорска). Расстояние до районного центра — города Белорецка — 85 км.

Земля Инзерская — историческая родина башкир-кайтаев: племени опытных скотоводов, удачливых охотников и рыбаков. В конце 18 века на месте старой части поселка Инзер существовала башкирская деревня Хасаново. По переписи 1795 года в деревне было 30 дворов. С середины 19 века начала развиваться лесная и горная промышленность. Появились чугуноплавильные заводы. В 1972 году со станции Карламан до станции Белорецк началось строительство железной дороги. На этой трассе экспериментировали, проверяли способы строительства, которые потом уверенно применяли на БАМе.

Инзер называют второй Швейцарией. Места здешние являются объектом паломничества туристов-водников, спелеологов.

поход без непредвиденных приключений!). Но это я отвлеклась от описания!

Вот стоим мы на вершине. На большом камне на горе Уфа табличка

▲ Уфа. Вид на памятник С. Юлаеву в парке Ватан

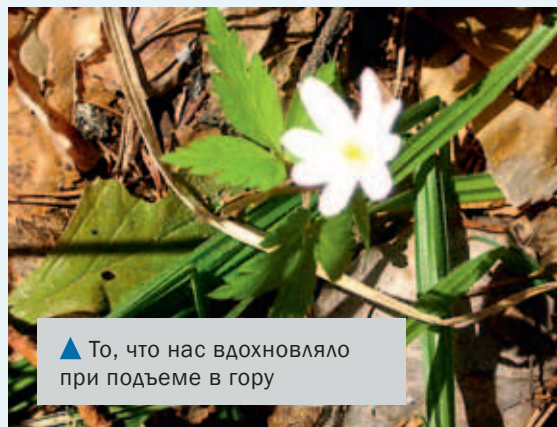
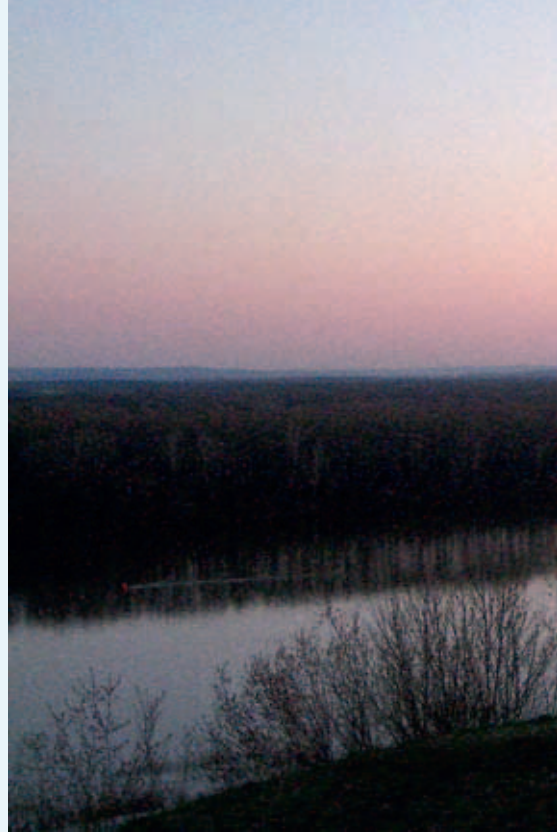
▼ Капова пещера

Борисовы печи

У подножия Караташа, в четырех километрах вверх по течению ручья Айгир, расположены очень красивые покосные поляны, на самой дальней из них находятся остатки трех печей, в которых шел обжиг деревьев. Печи эти называются Борисовы. В 18 веке для сталелитейных цехов Белорецких металлургических заводов требовался древесный уголь, который получали из обжига могучих сосен. Так в этих местах появились Суховы печи, Степановы печи, Борисовы печи, Красавины печи, уголь по железной дороге отправлялся на завод. Технология была простая, но работа очень трудной. Все лето углежogi валили лес, выжигали уголь. А по зиме складывали его в короба и вывозили к заводам. Борисовы печи стоят в одноименном урочище, недалеко от ручья Айгир. Сохранилась одна из печей и останки других. Сохранившуюся печь переделали в жилую хижину, снаружи напоминающую хижину колдуны.

▲ Озеро Банное

▲ То, что нас вдохновляло при подъеме в гору

Хребет Караташ

расположен в центральной части Белорецкого района Республики Башкортостан. Хребет Караташ (в переводе с башкирского «Черный камень») вполне доступен и поразительно живописен, чем и привлекает туристов. Его северная часть обрывается к реке Малый Инзер грандиозными скалами-зубцами, которые башкиры называли Зубами Шурале. Именно здесь Малый Инзер пробивается в горной теснине между Караташем и вершиной Малый Ямантау. В большую воду тут река бурлит и пенится на двух порогах — Айгир и Синие скалы.

Высшая точка Караташа находится на 919,9 м и называется Уфа, хотя раньше ее все называли Караташ. Вершинная часть самого хребта — гребневидный скальный выход, тянущийся с севера на юг, с отвесными стенами высотой до 50 м с восточной стороны и скальными уступами с западной. Отсюда открываются захватывающие дух виды. Вокруг горного массива раскинулся Южно-Уральский заповедник.

919,9 м. Ура! Нам удалось. С этой точки открывается завораживающий вид на вершину Малый Ямантау.

Как это обычно бывает в горах, после 400 метров начинается курумник, и башкирские горы не исключение. Спуск нам дался тяжело, но виды редких растений, красивая природа, обзор порога Айгир на реке Малый Инзер и сплавляющихся туристов-водников на красных катамаранах компенсировали боль и все

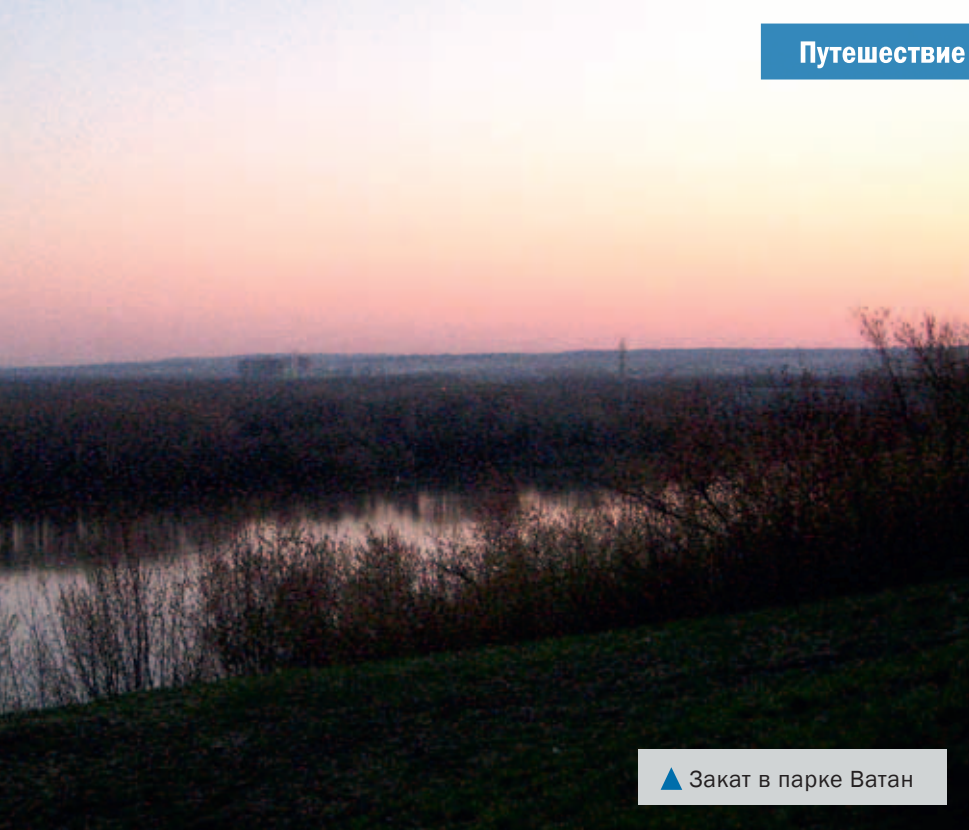
неудобства. Благодаря нашему руководителю группы, дружескому командному плечу, взаимопомощи и взаимоподдержке восхождение на Уфу состоялось. Хотя, не скрою, пологие скалы и невероятно шатающиеся под ногами глыбы камней с острыми обломанными краями заставляли порой прощаться с жизнью.

Спускались мы тяжело, неприятно ныли ноги, но нет — мы были не с обломленными крыльями, мы,

наоборот, достигнув отметки 919,9 м, вспорхнули над обыденностью. Мой трекер показывал пройденное расстояние — 23 км.

Спустились мы ближе к 19.00 часам. Два часа электричку мы ждали не на улице, а в тепле — на соседней базе отдыха, гостеприимство местных сразу чувствуется. Здесь, недалеко от станции Айгир, находятся Борисовы печи — по сути, это остатки печей, где шел обжиг деревьев для Белорецких металлургических заводов в 18 веке. Уголь, который получали из древесины, направляли на Урал для выплавки качественной стали на Уральских заводах. Вообще, природа здесь удивительная! И дышится свежо, и думается легко!

На следующий день нас ждал поход на Инзерские зубчатки — горный хребет в междуречье рек Большой Инзер и Тирлян в Белорецком районе. Но сильный дождь спугнул нам все кар-

▲ Закат в парке Ватан

Инзерские Зубчатки

Пики Инзерские Зубчатки условно разделяют самые высокие горы Башкортостана — Ямантау и Иремель. В южной части указанный хребет раздваивается, и здесь наблюдается скопление разбросанной в хаотичном порядке скальной породы. Северная область горы образует так называемую «крепость», стенами которой являются сформированные естественным образом возвышенности. В центральной части горного хребта находится его наивысший пик, который известен среди скалолазов как «Маяк». С древних времен у подножия Инзерских Зубчаток селились путешественники и отшельники. Здесь сохранились их многочисленные рукотворные кельи. Структура возвышенности богата природными ископаемыми, в частности горным хрусталем. Такие камни не добываются здесь в промышленных масштабах. Однако их традиционно собирают геологи-любители и коллекционеры.

ты и хребет протяженностью 8 км воочию увидеть не удалось. Поход заменили поездкой на озеро Банное и прогулкой на фуникулере в горнолыжном центре Абзаково.

Озеро Банное (на башкирском Якты-куль) переводится как «Светлое», находится оно в уникальном комплексе лесов и гор Южного Урала, в 40 км от города Магнитогорска. По легенде, название озера связывают с именем донского казака, предводителем народного восстания Емельяном Пугачевым. В 1774 году пугачевское войско останавливалось возле озера мыться. Отсюда и название «Банное» начинает фигурировать в письменных источниках с начала 18 века и закрепилось за ним и поныне. На озере чувствуется особенная атмосфера, я бы даже назвала ее философской.

Последний день нашего путешествия был падящим для наших ног, но очень насыщенным на впе-

чатления. Мы посетили удивительное место — природный заповедник Шульган-Таш, известный бортевым пчеловодством и Каповой пещерой с наскальными рисунками эпохи палеолита.

Завершая свой рассказ, отмечу, что путешествие в Башкирию запомнится надолго. Да, это не только автобусная комфортная экскурсия, посещение музеев и знаковых мест, но это и удивительная подпитка на эмоциональном и моральном, да и на физическом уровнях. Такой отдых вдохновляет тех, кто хочет черпать новые идеи, лицезреть красивые виды, почувствовать насыщенную энергию Башкирии, увидеть башкирское гостеприимство и обрести настоящих друзей. **У**

▶ Та самая табличка на вершине

Шульган-Таш

Государственный природный биосферный заповедник Шульган-Таш образован в 1958 году, является природо-охранным, научно-исследовательским и эколого-просветительским учреждением. Расположен в западных предгорьях Южного Урала, в Бурзянском административном районе Республики Башкортостан, в широтной излучине реки Белой. Центральная усадьба находится в д. Иргизлы. Площадь заповедника составляет 22531 га. Наиболее известным представителем фауны является бурзянская бортевая пчела, для поддержки популяции которой и был создан заповедник. Встречаются: рыбы — 30 видов, земноводные — 5, пресмыкающиеся — 6, птицы — 206, млекопитающие — 61 вид. Беспозвоночных выявлено около 1700 видов, из них бабочек — 378, жуков — 458. В Красную книгу РФ занесен 31 вид животных, в Красную книгу Башкортостана — 67 видов. Здесь обитают все типичные лесные виды средней полосы России. Необычно велика плотность обитания буроого медведя.

Заповедник упоминается во многих мифах и легендах башкир. На территории заповедника находится уникальная карстовая Капова пещера. Протяженность всех ходов пещеры составляет более 2,9 км. Пещера имеет три яруса, внутри пещеры протекает речка Подземный Шульган, которая и образовала эту пещеру. В 1959 году зоолог заповедника А. В. Рюмин открыл в Каповой пещере наскальные рисунки эпохи палеолита. Рисунки выполнены в основном охрой — природным пигментом на основе животного жира, возраст их около 18 тыс. лет, изображены мамонты, лошади и другие животные, сложные знаки, антропоморфные фигуры. Есть редкие изображения углем.

Торговая компания
Люмна
книги учебники канцтовары

г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 1В;
(343) 228-10-70 - отдел реализации ;
г. Березовский, ул. Уральская, 132
(343) 344-40-60 - отдел реализации

www.lumna.ru

- **КНИГИ**
- **УЧЕБНИКИ**
- **МЕТОДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**
- **НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ**
- **ОТКРЫТКИ**
- **КАНЦТОВАРЫ**
- **ИГРУШКИ**
- **СУВЕНИРЫ**

Магазины "ЖИВОЕ СЛОВО"

г. Екатеринбург

ул. Победы, 38 ..... +7 (343) 330-16-82
ул. Пехотинцев, 6 ..... +7 (343) 323-81-81
ул. Родонитовая, 9 ..... +7 (343) 381-35-43
ул. Волгоградская, 190 ..... +7 (343) 234-47-73
ул. Блюхера, 12 ..... +7 (343) 374-53-81
ул. Крауля, 44 ..... +7 (343) 278-40-46
пр. Космонавтов, 72 ..... +7 (343) 216-38-21
ул. Красных Командиров, 23 ..... +7 (343) 367-71-23
ул. Грибоедова, 12 ..... +7 (343) 258-43-45
ул. Гагарина, 1 ..... +7 (343) 374-76-37
ул. Кировоградская, 4 ..... +7 (343) 317-25-95
ул. Вильгельма де Генина, 37 ..... +7 (343) 205-98-29
ул. Баумана, 35 ..... +7 (343) 300-17-44
ул. 8-марта, 167 ..... +7 (343) 300-65-50

г. Каменск-Уральский

Комсомольский б-р, 39 ..... +7 (3439) 540-510
ул. Победы, 4 ..... +7 (3439) 370-567

г. Нефтеюганск

М-н «Канцлер», 13 микрорайон, 4 ... +7 (3463) 244-141

г. Сургут

ул. Университетская, 29 ..... +7 (3462) 95-14-46

г. В.Пышма

ул. Кривоусова, 55 ..... +7 (34368) 7-91-56

г. Березовский

ул. Гагарина, 17 ..... +7 (343) 385-66-52

г. Ишим

ул. Горького, 28/9 ..... +7 (34551) 5-09-05

ул. Советская, 19 ..... +7 (34551) 5-12-38

г. Асбест

пр. Ленина, 21 ..... +7 (34365) 2-95-73

г. Серов

ул. Ленина, 148 ..... +7 (34385) 7-50-70

г. Новоуральск

ул. Комсомольская, 18 ..... +7 (34370) 7-100-7

г. Миасс,

пр. Автозаводцев, 52 ..... +7 (3513) 26-65-74

г. Н. Тагил

пр. Мира, 37 ..... +7 (3435) 379-731

ул. Фрунзе, 42 ..... +7 (3435) 379-732

ул. Пархоменко ..... +7 (3435) 379-733

г. Челябинск

ул. Комарова 110 ..... +7 (351) 220-28-70

УРАЛЬСКИЙ **снеговiм** ISSN 0134-241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговiм** ISSN 0134-241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Июль 2019

Элита

50

Законы Вселенной

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ

Декабрьский дождь

50

71

Повод для улыбки

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

Любители

71

Декабрьский дождь

Евгений Абрамович

Родился 24.05.1989 г. в Новополоцке, Беларусь. Окончил Полоцкий государственный университет в 2012 году. Инженер-строитель. По работе много путешествует по стране. Публиковался в «Самой страшной книге 2016», альманахе «Redrum» и вебзине «Darken».

Мне часто снится один и тот же сон. Очень странный, красочный и необычный. Я редко запоминаю свои сны, они забываются почти мгновенно, стоит мне только проснуться, услышав звон будильника. Я помню только какие-то отдельные образы, которые выветриваются из моей головы ближе к обеду. Но не в этом случае.

Я иду по серой улице какого-то незнакомого мне города. Идёт дождь, хотя я почему-то знаю, что уже наступила зима. В последние годы дожди зимой стали вполне обыденным явлением. В моей руке зонт, крупные холодные капли барабанили по туго натянутой ткани над головой. Мои ноги промокли, тяжёлые влажные штанины джинсов неприятно липнут к коже. В ботинках при каждом шаге противно хлопает холодная вода. Я дрожу и ёжусь, мне холодно. Останавливаюсь на пешеходном переходе и жду, когда загорится зелёный сигнал.

В этом сне я нахожусь сразу в двух телах. Одно из них сидит за столиком в маленьком тёмном кафе и смотрит в окно на мокрую улицу. Это молодая женщина, я смотрю на мир её глазами. Сквозь стекло, по которому стекают прозрачные холодные струйки дождя, я вижу себя самого, стоящего под зонтом на пешеходном переходе, спиной к окну кафе, спиной к находящейся там женщине. Если бы я, стоящий на улице, обернулся, то сразу узнал бы её. Она выглядела точь-в-точь, как должна выглядеть двадцатидвухлетняя студентка, которую я когда-то знал. Женщина в кафе узнаёт человека под зонтом, несмотря на то, что он стоит к ней спиной. Я знаю это, ведь я нахожусь в её теле. Она берёт свою сумочку, до этого стоявшую на свободном стуле и достаёт оттуда мобильный телефон.

Я, стоящий под дождём, вижу зелёный свет и начинаю переходить улицу. На середине дороги я чувствую, как в моём кармане начинает вибрировать мобильник. Я останавливаюсь и свободной рукой залезаю в карман, извлекая наружу звенящий, вибрирующий аппарат.

На горящем экране я вижу номер звонящего. Я знаю, что это она. Моё сердце громко ухает в грудной клетке и падёт куда-то вниз, в район живота. Это неправда, она не может мне звонить, думаю я про себя. Я даже не замечаю, что стою прямо посреди проезжей части. Я нажимаю на кнопку ответа и подношу телефон к уху. Что-либо сказать или услышать я не успеваю, на полной скорости меня сбивает машина.

Я выпускаю из руки зонт, который тут же подхватывает и уносит прочь резкий холодный порыв ветра. Удар приходится на нижнюю часть левого бедра, я слышу громкий хруст. Моё тело, как тряпичная кукла, перелетает через капот, ударяется о лобовое стекло, разбивая его вдребезги. На мгновение я даже могу рассмотреть сквозь трещины силуэт водителя. Затем моё туловище оказывается на крыше автомобиля, который продолжает движение по инерции, не смотря на то, что слышен визг тормозов. Машину заносит вправо, я перекатываюсь через крышу и безвольно сползаю на мокрый асфальт. Шум дождя поглощает все остальные звуки, боли я не чувствую, это ведь сон. Хотя мне положено было бы проснуться уже давно.

И вот я лежу на спине, неподвижный и переломанный. Вокруг суетятся какие-то силуэты. Хлопают двери автомобилей. Я, не моргая, смотрю в низкое серое небо, которое омывает лицо ледяной водой.

Я просыпаюсь только сейчас. Иногда с криком вскакиваю в постели, как показывают в кино, когда героям снятся кошмары. Иногда просто открываю глаза, с трудом осознавая, кто я и где нахожусь. Иногда несусь в ванную, зажав руками рот, пытаясь побороть внезапный приступ нахлынувшей тошноты. Но каждый раз я просыпаюсь в холодном поту. Влага на лице слишком похожа на тающий мокрый снег. Я боюсь этого, боюсь снова увидеть стены общаги в тусклом свете уличных фонарей, когда меня везут на каталке головой вперёд, а во-

круг меня кричат и бегают люди, а кто-то орёт басистым голосом над самым моим ухом: «Чего вы поставили машины возле самого входа! У меня ещё раненые! Убирайте всё! Я вам...». Я не знаю, чем заканчивается фраза...

Ко мне в дверь постучался призрак. Когда я открыл ему, он не был прозрачным на вид и не издавал жутких звуков.

Вместо этого он пьяно шатался, стоя на лестничной клетке, и держался одной рукой за перила для сохранения равновесия. С его одежды стекала дождевая вода. Несмотря на то, что на дворе было уже десятое декабря, на улице шёл проливной дождь. Я слышал его мерный шум за окнами. Призрак моего прошлого одновременно виновато и радостно улыбнулся, глядя на меня. Его растрёпанные мокрые волосы тонкими сосульками прилипли ко лбу.

— Леха, братан, — сказал призрак, от него несло спиртным за несколько метров, — ты это... прости, что я вот так вот... без э-э-э-э, предупреждения... Но я с Танькой поссорился, мне короче ваще некуда идти... а тут дождь. Прости, братуха, а? Можно войти?

Призрака звали Сергей Буневич. Мы с ним учились на одном курсе университета. В те времена друзья называли его Буня. Мы с ним не виделись уже почти десять лет, с самого выпуска, хоть и жили в одном городе. Честно сказать, из своих прежних друзей я вообще ни с кем не общался.

— Здорово, — смог выдавить я из себя, — Серый...

— Здорово, Лёша, — грустно усмехнулся призрак, — я ведь даже забыл поздороваться.

Я до сих пор стоял в дверях квартиры. Было уже поздно, я лёг спать, когда услышал звонок в дверь, и теперь стоял в одних трусах и шлёпанцах. Я вышел на лестничную клетку, мы с Сергеем-Буней неловко пожали друг другу руки.

— Привет, — тихо сказал он, — привет, дружище...

Странной, наверное, порой мы казались со стороны. Один промокший и в стельку пьяный, едва держался на ногах, другой сонный и лысеющий, с наметившимся волосатым пузом, в одних трусах и шлёпанцах на босу ногу.

— Так можно войти? — переспросил он.

— Да, конечно, пожалуйста...

— Спасибо, братан.

Он, шатаясь, проскользнул в мою узкую прихожую, негнуцимися пальцами начал расстёгивать куртку, тихо ругаясь про себя.

— Дай помогу...

Я стянул с него куртку, не зная, куда её деть. С неё текло, она промокла насквозь. Сергей остался во влажном полосатом свитере.

Он тяжело опёрся плечом на шкаф и, подтянув вверх правую ногу, пытался расшнуровать ботинок, что тоже получалось у него плохо. С него всё капала вода, на потёртом линолеуме уже образовалась небольшая грязная лужа.

— Ты прости, Лёш, я тут тебе напачкал... такое дело, с Танькой поссорился... я, короче, совсем уйду от неё...

В борьбе с ботинками он проиграл. Потеряв равновесие, растянулся на полу, грязно ругаясь и пытаясь подняться. Я помог ему, всё ещё держа в руках его мокрую куртку.

— Да брось ты её на пол, пусть лежит, — сказал он.

— Ты весь промок, Буня, — сказал я, даже не заметив, как назвал его старым прозвищем, — может тебе ванну принять, согреешься.

Он согласился.

— Ванна сейчас самое то. Горячая ванна с горячей бабой. Прости, братишка, ещё раз... От души...

— Да ладно...

Я отвёл его в ванну и помог раздеться, усадив его на унитаз и включив воду. Он уже почти засыпал.

Его мокрую одежду я развесил на батарее в кухне. Жил я в однокомнатной квартире, поэтому решил ему постелить на полу, достав из шкафа старое ватное одеяло вместо матраса и второе, чтобы ему было чем накрыться.

— Серёга! — я постучался в дверь ванной, — на полу поспишь?!

Ответа не было. Я открыл дверь и увидел, что Сергей уснул, лёжа в горячей воде, запрокинув назад голову. Я выключил воду и потянул его за плечо.

— Эй, вставай. Ты что у меня тут утопиться решил?

С трудом его растолкав, я помог ему выбраться из ванны и дал полотенце. Он уже немного протрезвел и стал выпираться.

— На полу поспишь? — снова спросил я.

Он молча виновато кивнул.

— Прости, Лёш... — в который уже раз извинился он.

Некоторое время спустя он громко храпел на полу, закутавшись в старое одеяло. Теперешняя мерзкая дождливая погода и неожиданный визит Сергея спровоцировали то, чего я боялся больше всего. То, с чем я жил все последние годы. Моё сознание вновь разделилось на две части, как многие разы до этого. Один я остался лежать в своей холостяцкой постели, потеряв всякий сон, слушая шум дождя за окном. Второй я вернулся почти на десять лет назад, в тесную комнату университетского общежития.

— Уже уходишь?

— А ты хочешь, чтобы я остался?

— Мне всё равно.

— Тогда пойду, раз тебе всё равно.

Я встал с кровати и стал натягивать джинсы. После того, как закончился наш непродолжительный и не слишком страстный половой акт, она встала с кровати и села за письменный стол, даже не одеваясь. Как будто ей было неприятно лежать рядом со мной. Сейчас она

сидела, отвернувшись к окну, я видел её спину и родимое пятно на правой лопатке. Я не видел её лица, даже вполоборота, только затылок и разбросанные по плечам светлые с золотым волосы. В руке у неё тлела сигарета.

Не очень люблю курящих девушек. Нет, они не вызывают во мне отвращения, я не борец за здоровый образ жизни. Может быть это из-за того, что сам не курю и никогда не понимал этой привычки. Она курила мало, почему-то только после секса, как в плохих любовных романах. Она делала это молча и с такой грациозностью, как будто позировала для обложки журнала. Даже Одри Хепбёрн с плаката «Завтрака у Тиффани» рядом с ней показалась бы неуклюжей короной.

Я сидел на кровати и смотрел на неё. С натянутыми до середины бёдер джинсами, с голым торсом и растрёпанными волосами. Казалось, нет ничего больше во всём мире, только эта тесная комната, заваленная тетрадами, конспектами и незаконченными курсовыми. Только мягкая, растрёпанная постель, ещё хранящая тепло. Только эта бледная спина с родимым пятном и струящиеся на плечи волосы. Весь мой мир сжался в это унылое молчаливое здесь и сейчас. Откроешь дверь и провалишься в бесконечную пустоту, безжизненный космический вакуум.

Окно в комнате было открыто, на дворе стоял на удивление тёплый ноябрь. Семнадцатое число, день студента. Праздник ума и молодости по сообщению университетской газеты и лишний повод напиться для всех остальных. Из коридора доносился шум, смех и топот чьих-то ног.

— А я не уйду... — послышался весёлый мужской голос.

— Ну, Игорь, — отвечал ему тоненький женский, — я сейчас вообще не могу. Я думала, Ленка со своим уйдут сегодня. А они поссорились, она весь вечер в комнате сидит.

— А Ленка нам не помешает, — настаивал парень, — можно и втроём...

— Дурак, — с деланным укором пролепетала девушка и тонко засмеялась, — и вообще, я не хочу, чтобы меня из-за тебя с общаги выгнали...

Голоса говорили о чём-то ещё, но больше слов я не расслышал, они ушли далеко по коридору. В комнате стояла тишина. Наши с ней отношения заходили в какой-то тупик. Всё меньше становилось тем для разговора, поводов встретиться. Мы отлично проводили время в шумной компании в кругу друзей, когда вокруг много народа. Оставаясь наедине друг с другом, мы молчали. Иногда помогали какой-нибудь фильм или музыка. Чаще мы занимались бессмысленным, безэмоциональным, механическим сексом. Как актёры в порнофильмах, которые занимаются такой механикой за деньги. Мы же компенсировали этим наше взаимное молчание.

— Говорят, — наконец сказала она, — в этом году будет очень тёплая зима. Дожди в декабре до самого Нового года. Это хорошо, я не люблю холод.

— Всё равно, дождь зимой это не нормально. Глобальное потепление и всё такое... да и в декабре дождь тоже очень холодный. А ещё и сырость. Нет, уж лучше снег.

Мы снова замолчали. Я продолжал одеваться. Она докурила и, повернувшись на стуле, стала смотреть на меня, подперев голову рукой. Теперь волосы спадали ей на лицо, закрывая один глаз. Второй, голубой и внимательный, наблюдал за мной.

Она, такая своя, мягкая, тёплая и обнажённая, была великолепна. Из-за этого великолепия я до сих пор продолжал проводить с ней вечера, несмотря ни на что. Ведь если прекратить это, перейти в разряд «бывших» и «просто друзей», я буду лишён всего этого. Этого молчания, этих голубых глаз. Принцип «разлюбил — уходи» здесь не работал.

Я оделся. Постоял несколько секунд в центре комнаты, свисающая с потолка лампочка почти касалась моей макушки.

— Уходишь? — снова спросила она.

Я не знал, что ответить.

— Ладно, иди, — ответила она за меня, — я ещё с девчонками собиралась сходить куда-нибудь...

Вот такой она и была всегда, непредсказуемой. Встречаясь со мной, у неё был приготовлен план действий наперёд. Я подошёл к ней, наклонился и поцеловал в щёку, затем в губы. Мгновенно её язык скользнул по моим зубам. Она снова отвернулась к окну, я не выдержал, наклонился и поцеловал её в спину, в родимое пятно на правой лопатке. Она коротко хохотнула. С минуту я постоял ещё, положив ей руки на голые плечи. Она наклонила голову и нежно, как ласковая верная кошка, потёрлась бархатной щекой о моё запястье. На прощание я поцеловал её в макушку, вдохнув запах её волос. Развернулся и пошёл к двери.

— Пока, Лёш, — сказала она мне в спину, — до завтра...

Общага шумела. Я спустился вниз, по дороге на лестнице мне встретился Монах, преподаватель кафедры механики. На первом курсе он вёл у нас информатику, потом сопромат и теорию упругости. Прозвище своё он получил из-за внешнего вида, он был очень толстым, над ремнём брюк нависал шарообразный живот. Лицо его обрамляла густая чёрная борода. Не хватало только рысы и огромного креста на груди.

— Здравсте, — сухо поздоровался я.

— Что вы делали на третьем этаже? — спросил он, третий этаж общаги был женским.

— Курсовую, — ответил я, спускаясь вниз.

Монах был здесь не просто так. Он проверял жителей общаги на предмет употребления спиртного. Пьянка в общежитии каралась жесточайшим образом. Прошло-

годний рейд Монаха привёл к тому, что нескольких студентов выселили. Одного, в стельку пьяного и начавшего качать права, даже отчислили из универа. Пить в общаге было главной ошибкой первокурсников и ботаников. Более опытные студенты занимались этим в кафе, парках, скверах и на съёмных квартирах, разбредаясь по городу.

На первом этаже общежития находился небольшой актёрский зал. Сегодня там шло музыкальное мероприятие, организованное студенческим комитетом, носившее громкое и гордое название «Рок-концерт», интересное только для самих организаторов, кучки первокурсников и нескольких наспех собранных «рок-групп». Что может быть бессмысленней студенческого рок-концерта? Пожалуй, только студенческие конкурсы красоты, которые проводились в этом же актовом зале.

Я постоял немного, глядя на сцену. Группа из трёх парней исполняла какой-то поп-панк, быстрый и однообразный, похожий сразу на всё, слышанное мной раньше в данном жанре. Звук был ужасным, барабаны заглушали и остальные инструменты, и голос вокалиста. Вскоре под жидкие аплодисменты зрителей музыкантов сменила новая группа, которая затянула знакомую мне мелодию. Это был кавер на «Аукцион».

— Я сааааааа себе и небо, и луна, — надрывался вокалист, — гооооооолая довольная луна...

На улице было уже темно, десятый час. Я решил пойти на съёмную квартиру, где жили два других моих друга — Дима Карасевич, которого чаще звали Карась, и Егор Чахлинский, более известный, как Чахлый. Они были, как говорится, не разлей вода ещё с первого курса. После печальных событий той памятной осени они по непонятным никому причинам рассорились и, насколько мне известно, не общались. Но раньше они вместе жили в одной комнате общаги, пока их обоих не выселил оттуда за неоднократные нарушения дисциплины.

Дверь мне открыл пьяный Чахлый.

— Опа, Леха, — удивлённо сказал он, оставившись на меня, — а че так? Романтический вечер не удался?

— Типа того...

— Ну, заходи, а то мне выпить не с кем.

В большом зале старой обшарпанной двушки стоял накрытый стол. На нём выстроились миски с салатами и закусками, несколько полупустых бутылок с водкой и вином. К стоящему на подоконнике ноутбуку были подключены старые убитые колонки, из которых с треском и шипением доносилась музыка. «Guns-n-Roses» играли песню «Novemberrain». В центре комнаты, возле стола, обнявшись, кружилась под музыку пара. Сергей Буневич, он же Буня и его девушка Таня Рюмина, которая тоже была полноправным членом нашей компании. Они встречались со второго курса, а после выпуска собирались пожениться. Я поздоровался с Таней и пожал протянутую Бунину руку. На диване расположилась ещё одна парочка, Семён и Варя. Он, приобняв её за талию, шептал что-то ей на ухо, она так же тихо отвечала и улыбалась.

Сёма был уже давно и безнадежно влюблён в Варвару. Он был тихим, спокойным, улыбчивым парнем. Такое у него было свойство, он нравился сразу всем, есть такие люди. Увидев меня, он на мгновение отцепился от Вари, встал и радостно пожал мне руку. Мы с ним всегда понимали друг друга без слов. Сёма был моим лучшим другом. Его полной противоположностью была Варя, объект его желаний. По-журнальному красивая, гордая и стервозная, дочка богатых родителей, непонятным образом затесавшаяся в нашу скромную компанию. Такие девушки, как говорится, могут менять парней по щелчку пальцев. Этим она и занималась. Семён, однако, был для неё другом, настоящим, верным и любимым, кто бы что не говорил о дружбе между полами. Он не был для неё жилеткой для соплей, как другие парни у дру-

гих девушек. У этих двоих были на удивление крепкие и на удивление странные отношения. Оба они могли встречаться с кем-то ещё, но всё свободное время были вместе. Эти двое были друг для друга..., не знаю, всем, наверное.

Тот вечер был нормальным, обычным. Не плохим и не хорошим, а всего лишь ещё одним мгновением в бесконечной череде обычных дней, вечеров и ночей.

Дождь закончился только с рассветом. Началось серое декабрьское утро. На полу громко храпел Сергей. Я чувствовал себя уставшим и полностью измотанным. Так было всегда, когда я возвращался из блуждания по закоулкам памяти назад, в своё тридцатидвухлетнее тело.

Сергей проснулся, начал ворочаться и стонать, вероятно, его мучило похмелье. Я сел на диване, опустив босые ноги на пол, и посмотрел на своего старого приятеля.

— Доброе утро, — тихо сказал я.

— Ага, — отозвался он, — тебе на работу не надо?

— Сегодня суббота, Буня...

— Ишь ты,.. получается, я три дня дома не был.

— Есть хочешь?

— Не, мне сейчас кусок в горло не пролезет... пива нет?

— Я не пью.

— Молодец.

Спустя некоторое время мы сидели на кухне. Сергей всё-таки не отказался от яичницы и кружки чая. Мы сидели молча и смотрели телевизор на стене. Только звуки какого-то музыкального канала нарушали неловкую тишину, повисшую в помещении. Когда не видел человека почти десять лет, темы для разговора найти сложновато, несмотря на степень близости ваших отношений в прошлом.

— Ты надолго пропал, — наконец сказал он.

Я промолчал. Это была вполне очевидная вещь. Я мог бы объяснить ему причину, но вряд ли он бы

мне поверил. Сложно объяснить, почему я не общался ни с кем из своих бывших друзей, почему я внимательно изучал прогноз погоды на каждый декабрь. Я боюсь зимних дождей, боюсь встреч с людьми, которые могут вернуть меня в прошлое. Семён бы меня понял.

— Знаешь, Карась с Чахлым так и не помирились. Как подрались в тот раз, так и всё. Даже вспоминать друг о друге не хотят...

— Как у них вообще дела?

— Да нормально вроде. Дима женился, ты знаешь, дочке его пять лет уже. Работает всё так же прорабом, секцию спортивную ведёт, школьников боксу тренирует. Молодец, короче. Егор Чахлый развёлся, фирму открыл, ремонты делает.

— А Сёма?

— Сёме я звонил недавно. Говорит, так всё нормально, но болеет.

— Простудился?

— Не знаю.

— На Варьке он там не женился?

— Ага, гляди ты. Она за год третью тачку меняет. А он ей всё цветы носит да стихи читает...

— В принципе, ничего нового ни у кого?

— Ну да...

Мы снова замолчали, потягивая стремительно остывающий чай и глядя в телевизор.

— Ты сам-то как? — спросил Буня.

Он не смотрел в мою сторону. Делал вид, что ему гораздо интереснее наблюдать за извивающейся поющей красоткой. По его виду я понимал, что ему стыдно и неловко за свой ночной визит.

— Тоже в основном по-старому... Работаю, по командировкам езжу...

— Бабу не нашёл себе?

— У меня в каждом городе по несколько... — попытался пошутить я.

Он снисходительно улыбнулся. От этого мне стало ещё более не по себе.

— Ты это, — начал он, — прости,.. я ночью сам не свой был. Ввалился к тебе бухой посреди ночи, не предупредил...

— Да ладно, проехали...

— Я с Танькой поссорился.

— Я понял.

Ещё какое-то время мы с ним говорили о чём-то отвлечённом, когда раздался звонок в дверь. Я не ждал гостей, но, судя по всему, гости в моей теперешней жизни взяли в привычку появляться на моём пороге неожиданно и без предупреждения. Так и было, открыв дверь, я с удивлением обнаружил на лестничной клетке Таню, в девичестве Рюмину, по мужу Буневич. Я узнал её, она осталась прежней, только изменила причёску (что неудивительно за десять-то лет) и немного поправилась. Ещё с возрастом у женщин каким-то непонятным образом меняются лица и глаза. Кажется, вот они, те самые, но, посмотрев в них внимательней, сразу видишь уже взрослых женщин, а не знакомых тебе когда-то улыбчивых симпатичных девчонок.

— Э-э-э, привет, Лёш, — она неловко и стыдливо улыбнулась, как будто я застал её за чем-то неприличным, и неуверенно спросила, — мой у тебя?

Я кивнул, отступить было некуда.

— Как ты узнала? — всё-таки я был немного удивлён её появлением.

— Он по пьяни мне эсмэски слал... ну, не важно... так, я зайду? Или девчонкам вход закрыт?

Глупо было держать её снаружи и разговаривать через порог.

— Да, конечно, — я отошёл, пропуская её.

Зайдя в прихожую, она быстро обняла меня и поцеловала в щёку.

— Привет, дорогой... как же давно не виделись...

Я кивнул, помог ей снять верхнюю одежду, взяв тёплое пальто и шарф. Она осталась в джинсах и темно-зелёной кофте, подчёркивающей её всё ещё неплохую фигуру. Она была настоящей красавицей, каштановые волосы едва касались плеч, появившиеся морщины только добавляли её лицу строгости и деловой, взрослой красоты. Теперь она неуверенно переминалась с ноги на ногу, стоя на линолеуме моей прихожей, удивительно и комично похожая на своего пьяного супруга прошедшей ночью.

— Где он? — тихо спросила она.

Я мотнул головой в сторону кухни. Она быстро, как мышка, проскользнула мимо меня. Я оставил их наедине для выяснения отношений, даже прикрыв дверь на кухню. В течение почти двух часов они оживлённо разговаривали, громко, напряжённо, иногда срываясь на крик. В смысл их слов я не вслушивался, сидя на диване в гостиной и погромче сделав телевизор. Несколько раз я отчётливо расслышал слово «развод», потом Танины всхлипы и тихий успокаивающий голос Сергея.

Наконец они вышли. Таня сразу прошмыгнула в прихожую, на ходу растирая ладонями раскрасневшееся заплаканное лицо. Следом вяло и виновато тащился Сергей. Он подошёл ко мне.

— Мы, это, пойдём... ты прости за всё...

За последнее время он уже извинялся бессчётное количество раз. Сказав это, он тоже поплёлся в прихожую. Я смотрел, как он помогает жене одеться. Накинув ей на шею шарф, он попытался её поцеловать, но она резко отстранилась, даже не глядя на него. Он жутко покраснел, от стыда за свой запой, свои слова или за то, что всё это видел и слышал я. Или от всего сразу.

— Танюш... — виновато промямлил он.

— Замолчи, Буневич, — резко прервала она мужа, называя его по фамилии, как всегда когда злилась, даже я это помнил, — просто замолчи...

Сергей протянул мне руку, я её пожал. Он открыл дверь, щёлкнув замком, и, покидая мою квартиру, проговорил на ходу:

— Я внизу подожду. Пока, Леха...

Дверь за ним громко хлопнула. От этого звука Таня резко вздрогнула.

— Прости нас, — сказала она и грустно улыбнулась дрожащими губами.

— Не за что вам извиняться, Тань.

Мы стояли, не зная, что сказать друг другу. Она, видимо, хотела закончить нашу встречу на более-менее хорошей ноте. Я испытывал странные чувства. Безусловно, я был рад увидеть её, их обоих, честно и искренне рад. В то же время я хотел, чтобы она поскорее ушла.

— Куда ты всё время пропадёшь? — спросила она, — Сам не звонишь. На звонки не отвечаешь. Мы ведь почти не общались, после... ну, после того случая. А после выпуска ты вообще исчез, как будто и не было тебя. Только на старых фотках остался...

Я молчал. Я не мог ей ничего объяснить, так же, как и её мужу.

— Ты чем-то обиделся на нас? Ну, мы-то ни в чём не виноваты. Мы же тебе не враги. И остальные ребята тоже. А, Лёша?

От этого вопроса я готов был провалиться сквозь этот покрытый старым линолеумом пол. Я молча стоял, опустив глаза.

— Сёма про тебя спрашивал...

— Я с ним как-то виделся.

— Он болеет, — сказала она.

Скорее всего, у неё не было желания покидать мою прихожую и моё общество, возвращаться домой с мужем, где их обоих ждали новые серьёзные разговоры, новые громкие слова и новые слёзы. Вместо этого она стояла, потев в душных четырёх стенах в своём тёплом пальто и допекая вопросами меня.

— Как у тебя жизнь вообще? Что нового? Скажи хоть...

— Я лысею... — надо было сказать хоть что-то.

Она коротко хохотнула.

— Дурак, — сказала она, громко шмыгнув носом, — утрюмый дурак.

Она снова неловко обняла меня, сцепив руки за моей спиной. Я обнял её в ответ. На секунду мне в спину ударило солнечное тепло, я услышал шум ветра в ветвях прибрежных сосен, чей-то смех, в лицо мне ударил порыв тёплого ветра, принеся с собой травянисто-мокрый запах озёрной воды. На секунду пальцы моих ног утонули в мягком тёплом песке, моё тело сбросило с десятка килограммов, вновь став молодым подтянутым и загорелым.

Когда-то она обнимала меня точно так же, только тогда на ней был светло-синий мокрый купальник, на мне такие же мокрые плавки. Нам было по девятнадцать, она ещё не встречалась с Сергеем. Мы провели прекрасный, незабываемый, летний день на озере. На глаза навернулись слёзы. Она заметила это и погладила меня по щеке.

— Как ты растолстел, — с улыбкой сказала она, — я тебя уже обхватить не могу.

— Сидячий образ жизни...

Она отстранилась.

— Ну всё, пойду... Меня муж ждёт. Прости ещё раз.

— Я сказал, не надо извиняться.

Открыв дверь, она снова повернулась ко мне.

— Пока, толстяк, — сказала она и шутливо похлопала меня по правой части живота, где до сих пор остался маленький круглый шрам, — не грусти.

Она выскочила из моей квартиры. Стук каблуков начал спускаться вниз по железобетонной лестнице к входной двери в подъезд. Я закрыл за ней дверь и вернулся на кухню, став возле окна. Я жил на втором этаже и видел, как они вдвоём отдаляются от моего подъезда. Впе-

реди шла Таня, быстро и не оборачиваясь, засунув руки в карманы пальто. За ней по пятам, не спеша, но и не отставая, плёлся Сергей. Он напомнил мне лохматого дворового пса, отчитанного за какой-то проступок хозяином, но всё равно верного, преданного и любящего.

Я задёрнул занавески и тяжело опустился на стул. Пол плыл у меня под ногами, моё сознание снова разделилось на две телесные оболочки. Я вернулся в тёплый студенческий ноябрь.

Первую жертву Студента, как его позже назовут в газетах, нашли утром восемнадцатого ноября. Сразу после дня студента, как бы каламбурно это не звучало. Местный дворник нашёл в куче жёлтой листвы оранжевый шарф. Потянув за него, он увидел там же труп девушки.

Слухи по университету поползли быстро. За день я услышал с десятка версий случившегося. Многие говорили, что лично знали найденную девушку. С кем-то она училась в одной группе, у кого-то была соседкой, кто-то даже встречался с ней. Я почему-то понимал, что большинство из этих историй неправда. Никто даже не назвал её имени. Все только говорили о знакомстве с ней. Как будто гордились этим.

Правду мы узнали только на следующий день. В холле главного корпуса университета вывесили её большую фотографию. Имя, фамилия, номер группы и чёрная косая полоска на нижнем углу. Вот теперь я сам убедился, что знаю погибшую. Она училась с нами на одном курсе. Мы даже перебросились с ней парой слов. Тихая незаметная девушка, всегда на первых рядах.

В холле собралось несколько десятков человек, преподавателей и студентов. Все смотрели на фотографию. Кто-то еле слышно перешёптывался, будто боясь кого-то спугнуть. Я огляделся по сторонам. Ко мне подошёл кто-то сзади и сильной рукой хлопнул по плечу.

— Здорово, Леха, — это был Карась.

— Привет. Где остальные?

— На улице. Кто курит, кто триндит...

Он посмотрел на фотографию на стене. Краем глаза заметил, как он побледнел. Его пальцы по-прежнему лежали на моём плече и теперь они сжали мою кожу с такой силой, что даже пришлось сцепить зубы, чтобы не закричать.

— Что такое, Дим? — спросил я.

Он отпустил меня и, ни слова не говоря, развернулся и пошёл в сторону двери, на улицу. Никто из стоящих не обратил на него внимания. Я удивлённо смотрел ему вслед. Постояв несколько секунд, я решил пойти за ним. Не успел я дойти до двери, как с улицы влетела в холл испуганная растрёпанная Варя. Она сразу не заметила меня, даже не глядя по сторонам, опустив голову, врезалась мне в грудь. Я осторожно взял её за плечи.

— Варя, что с вами всеми сегодня такое?

— Лёш, там это... гопники ваши друг друга убивают!

Я оставил её там, а сам выбежал на улицу. Там действительно была драка. Точнее, Буня с Семёном пытались удержать рвущегося, орущего Карася.

— Я убью тебя! — орал он, вырываясь. — Урод! Чахлый, какой же ты урод!

Чахлый сидел на земле, вытянув вперёд ноги, прямо на тротуарной плитке. Он опустил голову, а из его разбитого носа потоком хлестала кровь, заливая ему куртку и джинсы. Он пытался утереть её рукой, кровь стекала ручейками у него между пальцев. Над ним стояла испуганная плачущая Таня и протягивала ему носовой платок, которого он не видел. Таня просто стояла с платком в руке, тараща округлившиеся глаза на Карася. Тот, наконец, вырвался из цепких рук друзей и быстро подошёл к сидящему на земле.

— Ну, держите вы его! — это кричала Варя, снова оказавшаяся на улице, — он же его убьёт!

Сёма попытался остановить Карася, но тот легко сбросил с плеч его руки.

— Отвалите от меня все, — не оборачиваясь, спокойно бросил он.

Он занёс ногу и ударил сидящего Чахлового в грудь. Тот опрокинулся на спину, сильно приложившись затылком о тротуар. Таня с Варей испуганно закричали. Я, Сёма и Буня снова попытались его остановить. Но Карась теперь был на удивление спокоен.

— Всё, — сказал он Чахлому медленно, будто объясняя непонятный предмет, — я больше знать тебя не хочу...

С этими словами он ушёл прочь. Только глядя ему вслед, я заметил, что вокруг нас собралась приличная толпа зевак. Студентов и просто прохожих. Все смотрели на лежащего, избитого Чахлового. Тот плакал, это поразило меня больше всего. По его обычно улыбчивому лицу теперь катились большие, по-детски чистые слёзы. Таня наклонилась к нему и платком стала вытирать кровь с его лица. Она залила ему губы и подбородок, даже зубы стали красными, как будто он её пил.

— Че смотрите?! — грубо и громко обратился к собравшимся вокруг Буня. — В цирке что ли?

Зеваки стали расходиться. Мы подняли Чахлового на ноги. Он заплакал ещё сильнее. Теперь он просто рыдал, всхлипывая и тяжело вздыхая. Громко и горько.

После их визита я целый день просидел дома. Уже давно выходные стали для меня двумя днями безделья. Ничего неделанья и нио чемнедуманья. В воскресенье я решил прогуляться по городу, благо дождь, ливший несколько последних дней, наконец, закончился. Небо было серым и низким, набухшим от воды, как старая губка, которая уже с трудом удерживает в себе влагу.

Я люблю бесцельно ходить по городу. Шляться туда-сюда по улицам, слушать музыку в наушниках, заходить в случайные магазины, таращиться на их витрины. Сегодня я просто шёл вдоль главной улицы. Шёл несколько часов, глядя на прохожих, пока не устал. От долгой ходьбы заболели ноги. Вернуться домой я решил на ав-

тобусе. Дошёл до ближайшей остановки и стал ждать. Автобус подошёл через несколько минут. Я пробил талон и, взявшись за поручень, стоя смотрел в окно.

На следующей остановке в автобус зашла молодая симпатичная девушка. Она остановилась рядом со мной, даже не замечая меня, и стала что-то искать в своей сумочке, висящей на плече. Двери закрылись, автобус дернулся и, чтобы удержать равновесие, девушка вцепилась рукой в поручень. На мгновение её рука случайно сжала мои пальцы. Лёгкого прикосновения хватило, моё сознание поплыло.

В тот день пошёл первый в этом году снег. Для кого-то это оказался последний первый снег в их жизни. Мы не пошли на последнюю лекцию. Вместо этого сидели в кафе и замороженно наблюдали за вальсом огромных белых хлопьев за окном.

С детства мне нравилось, как такая простая, даже банальная вещь, как снег может украсить обычный ту-склый город.

Наши руки лежали на столе, она ласково гладила мое запястье. От этих прикосновений у меня по коже бежали мурашки. Время от времени я хватал её пальцы и сжимал. Так мы сидели уже больше часа. Начинало темнеть, но уличные фонари ещё не включили.

— Интересно, — сказала она, — белый снег... а если смотреть на небо, то летящие снежинки кажутся чёрными.

Я поднял взгляд. Действительно, на фоне серых облаков летящие вниз, кружащиеся хлопья были чёрными. Как кусочки пепла от какого-то исполинского пожара.

— Белый снег, чёрный снег, — задумчиво произнесла она, — всё так непостоянно...

— Я вообще где-то читал, что цветов в принципе не существует. Цвета — это то, как наш мозг воспринимает отражение солнечного света от предметов.

— Неужели? То есть всё это иллюзия?

— Ну, не знаю, наверное. Вот собаки же, например, вообще не различают цветов. И некоторые люди. Нельзя же сказать, что мы видим правильно, а они нет.

— Наверное. Цветов нет.

— Цветов нет, — согласился я.

— А как там твои друзья? Из-за чего они всё-таки подрались? Ну, тот боксёр и другой?

Это тема была очень тяжёлой для меня. Чахлый уже несколько дней лежал в больнице. У него было сотрясение от удара затылком об тротуар, также оказались сломанными нос и лицевая кость.

— Без понятия. Чахлону посоветовали заявление написать на Карася. Нанесение тяжких телесных всё-таки...

— И что он?

— Отказался, конечно.

— Ты у него был?

— Конечно, мы же друзья. Он, как это говорится, из плохой семьи. Были у него и приводы, на учёте стоял, рассказывал, что по малолетке даже в колонию чуть не попал...

— Да?

— Но он хороший парень. Взялся за ум, в универ вон поступил. Инженером скоро будет. Что у них с Карасём произошло, я вообще без понятия...

Мы снова сидели молча. Я был погружён в свои мысли.

— Скоро растает, — сказала она.

— Что?

— Снег, говорю, скоро растает. На следующей неделе будет тепло. Пойдут дожди.

— Дожди в декабре...

— Не правильно, знаю.

— И тяжело держать свечу, — тихо пропел я, — под холодным декабрьским дождём.

— Это к чему? — она улыбнулась.

— Это из песни Guns-n-roses, — ответил я, — только там у них про ноябрь.

Мы вышли из кафе, когда уже совсем стемнело. Теперь, в свете уличных фонарей, снег казался каким-то призрачным, ненастоящим. Попадая в их сияние, он светился, будто с неба падали тысячи неживых светлячков. Он еле слышно шелестел, задевая куртку, холодным мокрым пятном таял на руках и лице.

Она спросила:

— Чем займёшься вечером?

— Провожу тебя до общаги, может, даже в гости зайду.

Она взяла меня под руку, и мы пошли дальше. У неё в волосах застревали натающие снежинки. На нас сыпались тысячи холодных светлячков. Следующая неделя действительно была тёплой.

Воспоминания теперь нахлынули на меня неуправляемым потоком. Я уже не мог их контролировать, они приходили сами. Не нужно было уже ничего, что могло бы их спровоцировать. Теперь почти каждый день я находился в двух телах и в двух своих жизнях одновременно. Это теперь будет продолжаться до конца декабря, я знаю по предыдущим случаям. После Нового года пойдёт на спад, а к февралю утихнет окончательно. Ведь именно в конце января меня выписали тогда из больницы.

Вторую жертву нашли на следующую неделю после первой. Труп лежал в мусорном контейнере недалеко от общаги. На этот раз жертвой оказалась очень популярная девушка, красавица, неоднократная победительница тех самых конкурсов красоты.

Её фотографию повесили в холле главного корпуса рядом с первой. В социальных сетях стали появляться сообщества её памяти, люди плакали и обещали покарать убийцу. Я, однако, не помню, чтобы такой ажиотаж возник после убийства первой девушки. В тот раз студен-

ты куда оживлённее обсуждали драку между Карасём и Чахлым.

Чахлый шёл на поправку, скоро его должны были выписать. Когда мы его навещали, он смущённо улыбался и сжимал в руках принесённые нами гостинцы. На его лицо было страшно смотреть. Всё перевязанное, левая сторона приобрела жуткий синюшный цвет.

— Кто теперь? — спросил он.

Мы рассказали всё, что знали сами. В универ приходил следователь. Задавал много вопросов. На стенах университетских коридоров теперь стали появляться объявления. Студентов предупреждали о том, чтобы они не задерживались на улице после темноты и не ходили поодиночке. Все поздние пары и лекции перенесли на более раннее время.

— Молодые люди, — сказал однажды после занятий седовласый профессор, — провожайте до дома ваших подруг. Для всех это будет приятная компания и всем будет спокойнее...

Сейчас я понимаю, что воспоминания складываются не только из мысленных образов. Это ещё и ощущения, чувства, настроения, звуки и даже запахи. Всё это возвращает меня назад, в моё прошлое.

Это началось давно, ещё в детстве. Однажды, когда мне было лет пять, отец повёл меня в луна-парк, который приехал в наш маленький город. Там я впервые попробовал мороженное в вафельном рожке, фисташковое. Оно показалось мне невероятно вкусным. Некоторое время спустя, учась уже классе в седьмом, я попробовал точно такое же мороженное на празднике города. На несколько минут я вернулся обратно в свои пять лет. Я снова стоял в коротких штанишках среди шумной толпы людей. В одной руке я держал вафельный рожок с мороженым, другая — сильную ладонь отца. Я аккуратно слизывал холодную, тающую во рту массу и заворожено смотрел на крутящиеся вокруг нас карусели.

Можно, конечно, спросить, а что в этом, собственно, такого? Многие люди вспоминают своё прошлое, мысленно переносятся в другие моменты своей жизни. Но я делаю это по-другому. Моё сознание бесконтрольно разделяется на две половины. Я как будто бы живу сразу в двух телах одновременно, сразу в двух временных отрезках. Словно путешествую во времени. Путешествую по своему возрасту и воспоминаниям. Я нахожусь в прошлом не только мысленно, но и физически, явно, осязаемо, заново переживаю отрезки своей жизни.

Раньше это случалось не часто. После случая с мороженым на дне города всего два или три раза. Для самого себя я объяснял это своей чрезмерно богатой фантазией. Ангиной я болел два раза в жизни. В первый раз в первом классе, очень долго и тяжело. Я лежал на диване с высокой температурой, под ворохом одеял. Рядом сидела мама и нежной прохладной рукой гладила мой горячий лоб. Второй раз я так тяжело болел на втором курсе универа, даже попал в больницу с подозрением на воспаление лёгких. Меня часто навещали друзья. Карась, Чахлый, Буня с Таней, Семён с Варварой. Несколько раз приезжал из нашего города отец, к тому времени уже почти облысевший, опухший от пьянства старик. А однажды ночью, когда я не мог уснуть от жара и ломоты во всём теле, я снова стал маленьким семилетним мальчиком. Больничная койка стала нашим старым диваном. В палату пришла мама, она села рядом со мной и стала гладить мой горячий лоб мягкой прохладной ладонью. Я плакал и просил её остаться как можно дольше. К тому моменту мамы не было с нами уже больше двух лет.

До встречи со своей студенческой любовью я занимался сексом с тремя разными девушками. Они все были почему-то похожи друг на друга. Я познакомился с каждой из них при похожих обстоятельствах, они одинаково пахли, носили одинаковое бельё, говорили одинаковые вещи, одинаково несерьёзно относились ко мне и нашим

мимолётным романам. Когда я был с каждой из них, я был и с предыдущими одновременно. Я раздваивался и занимался любовью в прошлом и настоящем. Тогда это было для меня даром.

После декабря две тысячи двенадцатого это стало происходить чуть ли не каждый год. Каждый год, когда начало зимы было тёплым и дождливым. Чтобы максимально оградить себя от воспоминаний, я перестал общаться со своими старыми друзьями. Не отвечал на звонки, не посещал их редкие общие встречи. Не принимал приглашения на свадьбы и праздники. Со временем они стали думать, что я считаю их в чём-то виноватыми передо мной. Пусть так, всё равно я не смог бы ничего объяснить никому из них, почти никому.

Семён меня понял почти сразу. Он был особенным. Моим лучшим другом. Однажды он позвонил и напросился на встречу.

Я до последнего отнекивался, но, в конце концов, сдался. Почему-то казалось, что это встреча будет очень важна для меня. Мы встретились за столиком в каком-то безликом вечернем кафе. Неуверенно пожали друг другу руки. Долго сидели и разговаривали на какие-то отрешённые темы.

— Что случилось, Лёш? — наконец спросил он.

— В каком смысле? — ответил я вопросом на вопрос, хотя на самом деле, конечно, понял, что он имеет в виду.

— Куда ты пропал? Вот я и хочу знать, что случилось конкретно у тебя?

— Я думаю, ты знаешь.

— Ну да, наш однокурсник сошёл с ума и убил кучу народу. А при чём здесь я? И все остальные?

— Ты не поймёшь...

— Ты хотя бы попробуй. Вдруг пойму.

Я собрался с духом, с мыслями и решил рассказать всю правду единственному человеку.

— Понимаешь... я... — тут я понизил голос, боясь, что меня услышит кто-нибудь за соседними столиками, — я вроде как путешествую во времени...

— Неужели, — он внимательно посмотрел на меня.

— Неосознанно. Это никак от меня не зависит.

— Куда ты путешествуешь? В смысле в какое время?

Он смотрел на меня с неподдельным интересом. По началу я испугался, что Семён поднимет меня на смех, но он слушал внимательно и серьёзно, изредка утвердительно кивая.

— В прошлое, — продолжил я, — только в прошлое.

— Как ты это делаешь?

— Я же сказал, неосознанно. Это вообще никак от меня не зависит. Это может спровоцировать что угодно. Звук, запах, чьё-то прикосновение, настроение, погода, какие-то другие ассоциации с прошлым. Я возвращаюсь конкретно в тот момент, который связан с тем, что спровоцировало это путешествие.

Он снова внимательно и серьёзно посмотрел на меня.

— А есть ли такое место, — спросил Семён, — ну, как бы, момент времени, куда ты возвращаешься чаще всего? Теперь уже я посмотрел на него с удивлением.

— Ты что-то знаешь об этом?

— Возможно. Так есть ли такое время?

— Да. Декабрь двенадцатого.

— Тогда, когда Двидский...

— Да.

— Как думаешь, с чем это связано?

— Помнишь, в том году был очень тёплый и дождливый декабрь. Каждый день лили холодные дожди, иногда с мокрым снегом.

— Стрельба в дождливом декабре...

— Что?

— Есть такое стихотворение. В память о тех событиях.

— Да?

— Ага.

— Хорошее?

— Не очень... Так что дальше, ты возвращаешься туда?

— Да, каждый год. Когда в декабре идут дожди. Переживаю это снова и снова...

— А когда ты там, ну, как бы в прошлом... тебя нет сейчас, в настоящем?

— Я есть. Понимаешь, это сложно объяснить... я живу одновременно в двух телах. Как бы и сейчас, хожу на работу, смотрю телик. И одновременно я там, в прошлом. Понимаешь, существуют как будто бы два меня, сразу, одновременно. Я псих, да?

— Нет, — ответил он сразу, уверенно и не думая, — ты не псих.

— То есть ты мне веришь?

— Да, я тебе верю.

Я облегчённо выдохнул. Но в глубине души всё равно осталась мысль, что он принимает меня за идиота.

После нашего разговора он, скорее всего, позвонит в скорую.

Скажет, что его старый друг сошёл с ума на почве старой психологической травмы. И ему срочно требуется лечение, для его же блага.

— Понимаешь, Лёша, — он помолчал немного, — мне кажется, что я уже знал одного такого человека. С твоими... э-э-э, способностями.

— Серьёзно? — я был поражён. — Не шутишь?

— Да какие тут шутки?

— И кто он? Ты его знаешь хорошо? Где он живёт?

— Подожди с вопросами, Леха. Это был мой дед, он уже давно умер.

— Прости, мне жаль...

— Спасибо.

— И как это было у него? Как ты узнал?

Семён немного помолчал, сделал глоток кофе и начал свой рассказ.

— Когда я был малой, я много болел. Был очень слабым ребёнком. Чуть какой сквозняк, сразу ложился с температурой. И кости были слабыми. В общем, нужно было много лечения и лекарств. У моих родителей был свой бизнес, поэтому они постоянно были в разъездах. В детстве меня воспитывали бабушка с дедушкой. Я сказал, что много болел, поэтому мои первые детские воспоминания связаны с больницами и поликлиниками. И со мной всё время был мой дед. В молодости он воевал, был тяжело ранен, но об этом потом. У него хранилось много наград, боевых, с войны. Он надевал их только, когда водил меня по врачам. Считал, что внуку героя в таком случае окажут самое лучшее лечение. Мне выписывали дорогие лекарства, я отдыхал в санаториях. Всё это только благодаря моему деду, моему герою. Он меня очень любил, а я его.

Семён немного помолчал и продолжил.

— Он не любил вспоминать о войне. Все свои награды хранил в шкафу, не ходил на встречи ветеранов, даже фильмы про войну не смотрел. Награды он доставал только тогда, когда вёл меня к очередному врачу, делал это только ради меня. В общем, вспоминать о войне он не любил. Знаешь, почему?

— Воспоминания... Он возвращался в прошлое.

Утвердительно кивнув, Сёма вновь заговорил.

— Я долго этого не мог понять. Думал, что дед почему-то стесняется своего прошлого, хотя факты должны были говорить об обратном. Только после его смерти я узнал, что на фронте и после войны он вёл дневники, куда записывал все свои мысли. Из них я узнал о нём очень много, чего не знал раньше. Я даже смог разыскать нескольких его сослуживцев, которые всё ещё были живы. Ещё кое-что... снимая дома пиджак с наградами, дед выглядел очень уставшим. Я бы даже сказал истощённым, бледным и вспотевшим. Понимаешь из-за чего?

— Награды провоцировали его воспоминания, — снова произнёс я очевидное, — он возвращался на войну.

— Да. Он возвращался на войну. Его семья жила в Витебске. В сорок первом году их эвакуировали в Ташкент. Его отец, мой прадед, ушёл на фронт с первых дней войны. Осенью сорок первого он пропал без вести под Ленинградом, как выяснилось позже, попал в плен и умер в концлагере. В Ташкенте они жили очень тяжело. Летом сорок второго деду было семнадцать лет. Он оставил записку матери, сбежал из дома, приписал себе год и ушёл добровольцем на фронт. Поначалу на передовую он не попал, был то поваром, то санитаром в госпитале, то ухаживал за лошадьми. Осенью он попал в какую-то новую часть. Потом их отправили в Сталинград. Из его записок я узнал, что по прибытии туда в его роте было сто двадцать человек. Через месяц боёв осталось четверо. В семнадцать лет мой дед уже был прожжённым фронтовиком. Восемнадцать ему исполнилось в январе сорок третьего, через два дня он был тяжело ранен, подорвался на гранате. Хирург в госпитале сшивал его практически по кускам. Но дед остался жив, даже все руки и ноги остались при нём. Тот хирург оказался просто гением, после войны он стал известным врачом, профессором, даже получил какую-то научную премию.

— Зачем ты всё это мне рассказываешь?

Семён пропустил мой вопрос мимо ушей.

— В госпитале матрасы раненым набивали сеном. Дед лежал весь перевязанный и вдыхал его запах. А потом он пишет, что вернулся в прошлое. Летом в детстве он гостил в деревне, помогал взрослым на сенокосе. И благодаря запаху сена в матрасе он вернулся в прошлое. Возвращался в своё детство снова и снова. Он пишет, что только так смог перебороть боль и страдания. После госпиталя его хотели комиссовать, но он снова попросился на передовую. Его направили в офицерское училище.

На фронт он вернулся только в конце сорок четвёртого года, уже лейтенантом. Воевал в Польше и Германии. Был ещё раз легко ранен и контужен. Потом он пишет, что после войны стал снова возвращаться в прошлое, на фронт, в окопы. Это могло спровоцировать что угодно, громкий звук, чей-то крик, взрыв лопнувшего колеса, даже вкус тушёнки. Среди солдат она была очень популярна. Все его боевые награды напоминали ему о прошлом. Однажды в вентиляционную трубу его дома свалилась бездомная кошка. Она сдохла и начала разлагаться, по всей квартире стояла жуткая вонь. Однажды в Сталинграде дед свалился от усталости прямо в окопе, среди трупов. Он уснул там и всю ночь вдыхал их запах. Та дохлая кошка вернула его туда. Теперь ты понимаешь, как тяжело ему давалось ношение этих наград? На что он шёл ради меня?

Я кивнул.

— Но в последние годы жизни дед резко изменился. Повеселел, начал ходить на встречи ветеранов, с удовольствием носил все свои награды. Теперь он ими гордился.

Я вздрогнул.

— Он избавился от этого!? — чуть не закричал я и придвинулся ближе к Семёну. — Нашёл способ? Как?

Жестом руки он остановил мои вопросы.

— Когда дед умирал, я был с ним, в больнице. Однажды он взял мою руку в свои. Они были слабыми и сильно тряслись. Он сказал: «Сёма, внучек, никогда не живи прошлым. Оставь его навсегда. Даже если не можешь, нужно оставить там часть себя самого. Эта часть будет жить там и больше тебя не тронет». Не слово в слово, но смысл был такой. Тогда я вышел из палаты, пошёл в туалет и там разревелся. Я попрощался с дедом и сказал, что приду завтра. Но не успел, назавтра он умер.

Семён допил свой кофе и отрешённо смотрел куда-то в сторону.

— Потом я прочитал в его дневнике одну запись. Осенью сорок второго солдаты отмечали очередную годовщину революции. Тогда это был большой праздник. Дед тогда был в Сталинграде, остатки его роты, старики и новички, сидели в подвале разрушенного дома. Они собрались вокруг костра, плечом к плечу, передавали по кругу флягу со спиртом, ели трофейные немецкие консервы, рассказывали анекдоты, даже пели песни. Дед писал, что это был хороший вечер, было весело, хотя я лично не понимаю, как там могло быть весело. Дед нашёл способ вернуться именно в тот момент и остаться там навсегда. Точнее, там остался тот семнадцатилетний паренёк, которым он когда-то был. Дед оставил в прошлом частичку себя, а прошлое в свою очередь перестало его беспокоить. Такая вот жертва. Он всю жизнь боялся своего прошлого, а потом он его оставил. Оставил в нём часть себя.

Я молча смотрел на Семёна. Его деду было в тысячу раз тяжелее, чем мне. Я даже не могу представить насколько тяжелее. Подумать только, каждый раз, услышав хлопок петарды, возвращаться в промёрзшие, заваленные трупами Сталинградские окопы. Но это была его жизнь, его прошлое. У меня свои призраки и свои воспоминания. Было кое-что, в чём я мог признаться только себе. Я боялся оставлять что-то в прошлом. Я боялся оставить там её.

— Твой дед, в конце концов, забыл войну? — спросил я.

Семён посмотрел на меня и грустно покачал головой.

— Нет. Он не забывал её никогда. Ты тоже ничего не забудешь. Ты так ничего и не понял.

— Так что же это такое? В чём смысл?

— Я где-то читал, что, кроме нашей, есть ещё миллионы других вселенных. В них живут миллионы наших копий, не подозревая о существовании друг друга. Они проживают одни и те же жизни, но в разном времени.

Возможно, ты, бабушка и какие-нибудь другие люди могут перемещаться между этими людьми и между этими вселенными.

— Так, а в чём же всё-таки смысл всего этого? — повторил я свой вопрос.

Мой друг пожал плечами.

— Не знаю. Да и вообще, разве должен быть смысл во всём?

Я уже не помню, чем закончился наш разговор.

Не помню, как мы попрощались и что говорили на прощание друг другу. Обещал ли я позвонить и больше не пропадать? Если да, то этого обещания я не сдержал. Я запомнил только историю Семёна о тяжёлой жизни незнакомого мне человека и его последний совет любимому внуку. Никогда не жить прошлым, оставить его навсегда.

Ради интереса я нашёл в интернете новостную ленту за две тысячи двенадцатый год. Там я увидел короткую новость, которая начиналась со слов: Сегодня, около шестнадцати часов в общежитии N-ского государственного университета произошла кровавая трагедия. Один из студентов, вооружившись спортивной винтовкой и пистолетом Макарова, открыл стрельбу по прохожим и учащимся. По предварительным данным... Ссылка после текста предлагала мне открыть новость целиком. Делать это у меня не было желания. Описываемые там события я знал наизусть.

Большую часть жизни большинства людей составляют обычные дни. В них, как правило, человек проживает отведённый ему отрезок времени спокойно, как по заранее известному сценарию. В обычные дни люди ходят на работу или учёбу, проводят там большую часть дня, возвращаются домой, ужинают, смотрят телевизор, ложатся спать. Есть хорошие дни, о которых принято вспоминать. Эти дни насыщены хорошими событиями, положительными эмоциями и впечатлениями. Свадьбы,

общение с друзьями, встречи с любимыми, путешествия, всё это происходит в хорошие дни. Стучатся и плохие дни, о которых люди стараются поскорее забыть. Как правило, сначала они ничем не отличаются от обычных, только потом человек понимает, что этот день был действительно плохим.

Мой плохой день начался, как обычно. Скучные пары, лекции и практические занятия. Середина декабря, на носу зимняя сессия, для нас, пятикурсников, последняя. В январе начнётся подготовка к госэкзаменам и защите диплома. Весь день я провёл в универе. Вечером я должен был встретиться с ней. Мы договорились, как всегда, в её комнате в общежитии. Я не помню всех подробностей того вечера, но помню когда всё началось. Я переживал это снова несколько раз за последние десять лет.

— Кто-то кричит на улице, — сказала она и привстала из-за стола, глядя в окно.

Я встал тоже и посмотрел в гущающиеся сумерки. На тротуаре, с противоположной от общежития стороны лежал человек в белой дутой куртке. Её было хорошо видно в начинающейся темноте. Человек шевелился, как будто пытаясь встать. Ещё один человек лежал возле турников на спортивной площадке, лицом вниз, он не двигался. Потом писали, что их было четверо, плюс ещё один раненый, но остальных я не видел. Первых выстрелов мы даже не услышали, где-то на этаже гремела музыка, а выстрелы из спортивной винтовки очень тихие.

— Чёрт... — только и смог я сказать.

— Что? Что там? — она волновалась.

— Не знаю...

Зато всё, что было потом мы слышали очень хорошо. Сверху, с четвёртого этажа раздался приглушённый грохот, как будто кто-то выбил дверь. Потом два громких хлопка, кто-то громко закричал, послышался топот ног, люди бежали по коридору и вниз по лестнице. Хлопки раздались снова, за ними послышались новые крики.

— Что это, Лёша? — со слезами спросила она. — Мне страшно!

Я на секунду обнял её за плечи и прижал к себе. Быстро, пытаясь успокоить, поцеловал в висок. Это было моё последнее прикосновение к ней.

— Сейчас посмотрю, — на удивление спокойно сказал я и пошёл к двери на коридор.

— Не надо, — она заплакала и попыталась схватить меня за руку. Я не обратил на неё внимания.

Дойти до двери я не успел, она открылась сама мне на встречу. На пороге стоял Студент, или Стрелок, или Университетский душитель, как его называли газетчики, соревнуясь друг с другом в фантазии. Я узнал его сразу, это был мой однокурсник, Олег Двидский, высокий худощавый парень с копной вьющихся тёмно-русых волос на голове. Мы не были с ним близко знакомы, учились в разных группах, иногда здоровались, встретившись на коридоре. На нём была чёрная майка с эмблемой рэп-группы «Run-D.M.C» и свободные клетчатые хлопчатобумажные треники. Он как будто зашёл попросить ручку или одолжить до стипендии немного денег.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Затем он поднял правую руку. Заметив это движение, я подумал, что он протягивает мне её, чтобы поздороваться.

Только потом я заметил в ней пистолет. Чёрный, небольшой, какие носят милиционеры на дежурствах. Я даже не сразу понял, что он выстрелил. От звука заложило уши, что-то с огромной силой вонзилось в меня, в мягкий живот справа от пупка. Боль я тоже почувствовал не сразу. Сначала это место онемело, как от удара, я согнулся пополам и рухнул на бок, зажимая пальцами рану, сквозь них уже лилось горячее, почти обжигающее тепло.

Закричала девушка. Прогремел ещё один выстрел, я услышал, как упало ещё одно тело. Со стола что-то

звонко посыпалось, зашелестели летящие на пол листы бумаги. Я потерял сознание.

Не знаю, сколько я лежал без памяти. Я очнулся, меня тошнило и колотило от холода. Я лежал, скрючившись на полу, всё ещё зажимая рану на животе. Я лежал в целой луже чего-то мокрого и лишнего.

— Ого! — услышал я над собой удивлённый голос. — Сколько с тебя натекло.

Надо мной стоял Двидский. Почему-то я его не боялся. Он осторожно сел на краешек кровати. Вид у него был уставший, даже изнурённый, как будто он несколько часов подряд таскал что-то тяжёлое. В правой руке он по-прежнему сжимал пистолет.

— Все разбежались, — как будто даже грустно сказал он, — в общаге уже никого нет. Все на улице, там уже менты, я видел. Наружу не пошёл, вдруг у них там снайперы. Ну, знаешь, как в кино, мало ли...

Он замолчал и начал смотреть куда-то в сторону, я понял, что в окно.

— Стемнело совсем. Дождь со снегом. Читал, что погода испортится...

Он говорил так, будто мы с ним сидели в баре за кружкой пива и вели обычный, бессмысленный приятельский разговор.

— Я вернулся сюда. Знал, что ты ещё жив. Думал добить, а теперь че-то передумал. Тем более, — он щёлкнул чем-то на пистолете и достал обойму, — да, последний. Так и думал. Он для меня. Живым я им не дам. Хорошо бы если замочили, а так могут и арестовать. Этого мне не надо.

Я посмотрел на него снизу вверх. Колени его спортивных клетчатых штанов были вымазаны тёмно-красным. Он уловил мой взгляд.

— А, это я поскользнулся, — сказал он мне, поправляя штаны, — погнался за Ленкой Шутовой, ну, ты её должен знать, толстоватая такая, во второй группе учится...

училась. Она побежала в душевую и зажалась там в углу, сидит, ревет. А там скользко, я, когда шёл обратно, поскользнулся. Штаны вот испачкал.

Меня потом многие спрашивали, говорил ли он что-нибудь перед тем, как застрелиться. Я всегда отвечал, что не видел этого, был без сознания. Но он сказал, меня это поразило.

— Ты это... — сказал он, приставляя дуло к виску, — прости, если что. За девушку свою прости, она у тебя красивая... была...

Он открыл рот, как будто собираясь сказать что-то ещё, но потом, видимо, передумал и даже как будто пожал плечами, если мне не показалось. Что он хотел сказать напоследок? Что ему очень жаль? Или что-нибудь злобно-циничное, типа «Жизнь дерьмо»? Кто знает. Снова щёлкнул выстрел, его тело дёрнулось и распласталось на кровати, оставив после себя только пятно крови на стене. Его ноги несколько раз дёрнулись, одетые в резиновые шлёпанцы и испачканные кровью клетчатые спортивные штаны.

Я снова потерял сознание. На секунду пришёл в себя только для того, чтобы услышать скрип колёс каталки подо мной и чей-то басистый голос над самым моим ухом: «Чего вы поставили машины возле самого входа! У меня ещё раненые! Убирайте всё! Я вам...». Я не знаю, чем закончилась фраза.

Ещё одно прояснение случилось, когда каталку вместе со мной затаскивали в машину скорой помощи. С чёрного неба, вперемешку с дождём, сыпались огромные хлопья снега. Они падали мне на лицо и тут же таяли, стекая по щекам и лбу прохладными ручейками. Теперь, в свете уличных фонарей и мигании огней полицейских машин, снег не был ни белым, ни чёрным. Он был бесцветным, прозрачным, ненастоящим. Цветов не существует, это лишь иллюзия, созданная человеческим мозгом. Цветов нет.

Фотографии с чёрными ленточками висели в холле главного корпуса университета долго, до самого лета. Их сняли только когда у нас уже во всю шла подготовка к защите дипломов. Через год на стене общаги открыли мемориальную доску.

Госэкзамены я не сдавал, вышел из больницы только за неделю до их начала, мне их засчитали автоматом. Отец приехал меня навестить на следующий день после стрельбы. Он сидел возле меня и молчал, только редко что-то говорил и брал меня за руку. Нам обоим было одинаково неловко. После маминей смерти мы общались плохо. В больнице меня навещали друзья, вместе и поодиночке, Карась с Чахлым всегда приходили раздельно. Они так и не помирились. Сразу после получения диплома Чахлый уехал на место своего распределения, ни с кем не попрощавшись. Я поступил точно так же. Сёма потом позвонил и сказал, что я сволочь. Потом мне звонили другие мои друзья. Номер телефона я, в конце концов, сменил.

Кто-то из студентов в память о событиях сочинил пронзительное грустное стихотворение «Стрельба в дождливом декабре». Оно быстро стало очень популярным, автор даже получил какую-то литературную премию. Мне оно не понравилось. Ещё я узнал, что через неделю после бойни студенческая организация решила провести флешмоб возле общаги. Сотни студентов должны были стоять на улице с зажжёнными свечами, молиться и петь грустные песни. В итоге мероприятие прошло не так, как рассчитывали. Под холодным декабрьским дождём свечи плохо горели. Они не разгорались, шипели и быстро гасли.

Сергей уже в который раз промокнул носовым платком красные глаза.

— Чёрт, — сказал он, — хреново-то как...

Я промолчал. Мы с ним шли по тротуару в сторону больницы. Там находился траурный зал. Вчера Сергей

и Таня снова появились на пороге моей квартиры. Они принесли мне ужасную новость. Сегодня начался ещё один плохой день. Только теперь я заранее знал, что он будет плохим.

Траурный зал был погружён в полумрак. Там собралось несколько десятков человек. Родственники и друзья. Многих я узнал сразу, почти все они сильно изменились. Дима Карасевич, казалось, поздоровел ещё больше. Стал выше и шире в плечах. И полностью облысел, от его лысого черепа отражался тусклый свет электрических ламп. Варя сидела на складном стуле, зажав в руке платок, на ней были тёмные очки, из-под них текли слёзы, она вытирала их платком. Все они посмотрели на меня, Карась кивнул, Таракан грустно улыбнулся. Ко мне подошла Таня и поцеловала в щёку.

— Здравствуй, Лёша, — тихо сказала она, — хорошо, что пришёл.

— Как же иначе...

Я встал со всеми. Карась поздоровался со мной. Я пожал ему руку. Молча, без слов, как будто мы не виделись всего лишь несколько дней. Ко мне подошёл ещё один человек, тощий, с гнездом растрёпанных волос. Я с трудом узнал в нём Чахлового.

— Здорово, Леха, — грустно сказал он, протягивая мне руку.

— Привет, — ответил я.

Все мы снова были в сборе. Стояли друг возле друга небольшой толпой. Рядом не было только Семёна. Он лежал в гробу в центре комнаты, окружённый искусственными цветами. «Он долго болел», — сказала мне Таня.

Потом, после всех церемоний, мы сидели на поминках в ресторане. Варя громко расплакалась и стала кричать, обвиняя в чём-то собравшихся.

— Думаете, я не знаю?! Что вы про нас с ним говорили?! Что я его обманываю, за нос вожу?! А вы хоть знае-

те, что я ему предлагала вместе жить?! Он отказывался, не хотел быть обузой! Хотя один из вас за последнее время позвонил? Приехал? Спросил «Сёма, как дела?». Он был лучше всех вас! А сейчас все хорошие? Плачете тут, сидите! Водку жрёте! Эх, Семочка, как же я буду теперь одна!?

Она разрыдалась ещё сильнее и выбежала из зала ресторана. Таня бросилась за ней. Сергей неохотно поплёлся за женой. Возле меня сидел Чахлый, он молча пил водку. Я хотел поскорее отсюда уйти.

— Знаешь, — сказал мне Чахлый, — я ведь её так и не забыл. Кто бы что ни говорил...

Он говорил шёпотом, косясь на Карася, сидящего за соседним столом.

— Кого? — не понял я.

— Катю. Она была первая из всех. Кого он... ну... ты понял.

— Той самой?

— Да. Её портрет ещё висел в корпuse дольше всех.

Он говорил тихо, чтобы слышал только я, дыша мне в лицо алкогольными парами.

— Я любил её, понимаешь? Он этого никогда не поймёт, — он кивнул на Карася. — Она сначала с ним была. А потом со мной. Я вроде как отбил девушку у друга. Она не хотела, чтобы про нас кто-то знал. Стеснялась меня, наверное. Это понятно. В тот вечер я проводил её домой, Карась знал. Но я не довёл её до конца, оставил на полпути, пошёл бухать с вами. Наверное, тогда он её и перехватил. Этого я никогда сам себе не прощу...

Я молча слушал.

— Следующий день я валялся с похмельем дома. А потом мы всё узнали. Я её любил, — повторил он, — даже стишок ей сочинил... Я свою Катюшу поцелую в уши. Почему же в уши? Рифмы нету лучше... Она смеялась, когда я его ей читал. Выпьем, Лёша?

— Я не пью.

— Ну, как знаешь.

Он налил себе и залпом опустошил рюмку. Я искаса посмотрел на него. Чахлый сидел, опустив голову, и сосредоточенно разглядывал свою тарелку. По его щеке катилась одна-единственная слеза. Похоже, призраки прошлого мучили не только меня.

Я решил поступить так, как советовал мне Семён. Оставить своё прошлое.

Я снова был в тесной комнате студенческого общежития. Полуголый сидел на растрёпанной кровати. Она сидела полностью обнажённая за письменным столом, спиной ко мне, и курила.

Я разглядывал её волосы, рассыпанные по плечам. Её голую спину с родимым пятном на лопатке. Где-то на коридоре гремела музыка, смеялись и орали студенты. За окнами был на удивление тёплый ноябрь. Мы отменяли День студента.

Я встал в полный рост и глубоко вздохнул. Одеяло с шорохом упало на пол.

— Уже уходишь? — не оборачиваясь, спросила она.

— Нет, — сказал я, — я хочу остаться...

Она повернулась на стуле и внимательно посмотрела на меня. Улыбнулась.

Мой рассказ получился неровным. Какие-то моменты я описал подробно, много чего пропустил вообще. Я думаю, что точно также работает и человеческая память. Мы помним только самые ключевые моменты нашей жизни. Их я переживал снова и снова. Много раз за последние годы.

Даже если и не существует миллионов параллельных вселенных, где миллионы моих копий живут миллионами моих одинаковых жизней, теперь я точно знаю, что где-то, может быть в бесконечности световых лет от меня теперешнего, существует тесная комната студенческого общежития. Там навсегда осталась часть меня, она заперта в том прекрасном вечере. В хорошем моменте беско-

нечно времени. Где его не будут тревожить призраки. Где никто не умрёт.

Мне снится сон. В нём я иду по серой улице какого-то незнакомого мне города. Идёт дождь, хотя я почему-то знаю, что уже наступила зима. В последние годы дожди зимой стали вполне обыденным явлением. В моей руке зонт, крупные холодные капли барабают по туго натянутой ткани над моей головой. Мои ноги промокли, тяжёлые влажные штанины моих джинсов неприятно липнут к коже.

В ботинках при каждом шаге противно хлопает холодная вода. Я дрожу и ёжусь, мне холодно. Я останавливаюсь на пешеходном переходе и жду, когда загорится зелёный сигнал.

В этом сне я нахожусь сразу в двух телах. Одно из них сидит за столиком в маленьком тёмном кафе и смотрит в окно на мокрую улицу. Это молодая женщина, я смотрю на мир её глазами.

Сквозь стекло, по которому стекают прозрачные холодные струйки дождя, я вижу себя самого, стоящего под зонтом на пешеходном переходе, спиной к окну кафе, спиной к находящейся там женщине. Если бы я, стоящий на улице, обернулся, то сразу узнал бы её. Она выглядела точь-в-точь, как должна выглядеть двадцатидвухлетняя студентка, которую я когда-то знал. Женщина в кафе узнаёт человека под зонтом, несмотря на то, что он стоит к ней спиной. Я знаю это, ведь я нахожусь в её теле.

Женщина смотрит на человека под зонтом. Он начинает переходить улицу на зелёный свет светофора. Женщина кричит, называет его по имени, колотит кулаками в стекло. На шум оборачиваются другие призрачные посетители кафе. Они удивлённо смотрят на кричащую женщину. Она продолжает звать, но мужчина под зонтом её, конечно же, не слышит. Он спокойно идёт дальше по мокрой улице. **✎**

Любители

Александр Романов

Родился и живёт в Волгограде. Окончил Волгоградскую архитектурно-строительную академию (сейчас — Университет) в 2000 г. Служил в ВС РФ в 2000–2001 гг. Работал дизайнером. Сейчас архитектор-проектировщик зданий и сооружений. Писать начал в 2013 году.

Когда Артём выбрался, наконец, из кладовки — уставший, злой, с пучком отвёрток в одной руке, пучком проводов в другой, с пачкой дисков в зубах, избавился от этого всего — швырнул в угол, и взгромоздился за стол, пьянка уже была в самом разгаре.

Вадим спросил его, удалось ли поднять заглохший в очередной раз (стоявший в кладовке) сервак, но Артём только грозно рыкнул и опрокинул в себя один за другим два стакана притащенного с работы Романом вина.

В голове зашумело, в животе потеплело, гудящие от напряжения ноги и руки расслабились (сервак был намертво приделан к потолку Вадимовой кладовки, и добраться до него можно было только с лестницы или стола) — и тут же, как будто этого и ждала (а она наверняка и ждала), рядом из ниоткуда проявилась Янка, вся как всегда липкая, как всегда сладкая, и намертво к Артёму прилипла.

Достала откуда-то из лифчика свой полумёртвый, доживающий последние дни, а то и часы, телефон, который Артём давно уже обещал превратить ей из просто телефона в почти что смартфон, достала — опять же откуда-то из лифчика — пачку сигарет и принялась и первое и второе по очереди Артёму демонстрировать — напоминая о его обещании и о том, что ему будет, если он обещание выполнит.

При этом она забросила одну свою голую ногу (она была в шортах) на ногу Артёма, вторую свою голую ногу коленкой упёрла в стол, голое плечо её оказалось как-то само собой вдруг у Артёма под мышкой, его рука оказалась на другом её голом плече, голова её оказалась на его плече, и шее сразу стало горячо, мокро и щекотно.

Артём выпил ещё стакан и сказал (Вадим всё время, пока он устраивался и ждал, пока устроится Янка, смотрел на него в ожидании), что проклятый ящик сдох, сдох на этот раз окончательно, и, может быть, с ним и можно что-нибудь сделать, и, может быть, есть такой человек, кто знает, что именно с ним можно сделать, но это точно не Артём.

Вадима как будто ничуть это сообщение не расстроило, он даже не перестал улыбаться.

— Ну и гори он в аду! — сказал он.

Извлёк откуда-то снизу плоскую коробку жёсткого диска и принялся рассказывать, что на этом диске есть, где он это скачал, на что для этого ему пришлось пойти и что он сейчас со всем им будет делать.

Сидящие рядом с ним Роман и Гоша принялись слушать, сидящие рядом с Артёмом и Янкой Оля и Юля тоже принялись слушать; Артём же взял у Вадима диск, закинув руку за голову, извлёк из-за диванной груды засыпанный пеплом ноутбук, воткнул туда диск и принялся его содержимое изучать — слушать брехуна и показушника Вадима он не стал, он и так знал все его эти рассказы наизусть.

Конечно же, ничего особенного на диске не оказалось, — как всегда, несколько ещё не вышедших в прокат фильмов; несколько украденных, даже ещё толком несведённых музыкальных альбомов; несколько топовых, неприлично дорогих, удачно взломанных игр, одну из которых Артём уже успел пройти; две закрытые платные библиотеки книг — обе у него уже были; ну и всякая ерунда масштабом поменьше, навроде «пака» ключей к платным сайтам, к половине из которых даже не было доступа (если идти стандартным пу-

тём), телефонной базы мобильных номеров, зарегистрированных в Тимбукту (и на хрена Вадиму, спрашивается, данные на зарегистрированных в Тимбукту), и тому подобное — как всегда, в очередном своём «пиратском рейде» Вадим хватал всё, что можно было схватить.

Янка посмотрела и сказала, что всё это хлам, потом сказала, что не против продемонстрировать Артёму в соседней комнате свои почти фирменные трусы — они вчера стянули рисунок для них (защищённый авторским правом) с сайта производителя, и сделали потом всё, что нужно, прямо у Юльки на работе (он же знает, у неё там эта новая программируемая машинка), спрятала телефон, сунула руку Артёму под рубашку и, приспустив шорты, показала ему этого рисунка часть.

Он пробурчал, что он и сам мог бы такое нарисовать, ничего сложного в этом нет, нарисовать и потом тоже защитить его авторским правом, но ни рисовать, ни защищать он не станет, во-первых, потому что это всё бабские глупости и чушь, во-вторых, потому что искусство должно принадлежать народу.

Вадим последнюю фразу услышал, тут же забыл о том, о чём только что говорил, хлопнул по столу, жажнул из стакана, переместился к компьютеру — тот стоял на столе прямо посреди стаканов и тарелок, отобрал у Артёма диск и принялся — сопровождая это дело комментариями — это искусство народу дарить — то бишь перемещать добытый им контент на сразу два своих предназначенных для этого дарения сайта.

Артём стал смотреть, как он гримасничает; как к нему постепенно перемещаются Оля и Юля — они, по их собственному выражению, обожали смотреть, как он «дарит искусство народу»; смо-

треть на обои на стенах — с эксклюзивным и тоже защищённым авторским правом рисунком, страшно, по-настоящему дорогим и воспроизведённым ими на обычной бумаге (на чудо-принтере у Вадима на работе); на плакаты поверх этих обоев — тоже распечатанные у Вадима на работе, на которых были изображены личные, даже местами глубоко интимные фото знаменитых актрис (украденные с их личных аккаунтов); на висящие на шеях Оли и Юли почти настоящие — в упор не отличишь — «яблокофоны» (купленные за бесценок корпуса, набитые купленной опять же за бесценок начинкой и «прошитые» лично Артёмом); на бормочущие с крышки самодельного шкафа колонки — когда Вадим примолкал, когда переставали счастливо взвизгивать Оля и Юля, когда Янка выпускала изо рта Артёмово ухо, откуда доносилась музыка из толком ещё даже несведенного, но уже доступного в сети (если знать где) альбома чрезвычайно любимой Вадимом группы; на картинки мелькающего на экране полутораметрового телевизора — единственного купленного здесь предмета — фильма (ещё даже не анонсированного, ещё даже толком не смонтированного, с полуглухой звуковой дорожкой, извлечённого Вадимом бог знает с какого сервера).

Всё в этой комнате (кроме телевизора) было или скачано, или на скаченное выменено, или выменено на то, что было выменено на скаченное, или взято на время — а на самом деле навсегда, или просто украдено.

Даже диван, даже краска на потолке.

Даже плакат над дверью с надписью: «Искусство должно принадлежать народу!» — надписью красивой, трёхмерной, на плотном пластике — и тот был сделан у Гоши на работе.

Потом на какое-то время Артём отвлёкся и из общества выпал — его активно атаковала Янка — а когда, наконец, в это общество снова вернулся, Вадим уже с одариванием народа закончил, Вадим уже сидел во главе стола, одной рукой прижимая к себе Олю — та время от времени залиvisto и вроде бы без всякого повода смеялась, другой Юлю — глаза у той блестели, и обе руки её, судя по положению видимых над столом плеч, находились где-то у Вадима между ног, сидел и громко и уверенно вещал.

— А потом мы снимем фильм, и чёрта с два они смогут снять лучше!.. — похрюкивая то ли от удовольствия самим собой, то ли от удовольствия от того, что делала Юля, говорил он. — И знаете почему? Потому что мы будем делать это для нас! Делать для таких как мы! Мы возьмём, чёрт возьми, камеру, мы возьмём, чёрт возьми, нашу Олю, — та снова залилась смехом, — сделаем её галактической, чёрт возьми, принцессой!.. Возьмём нашу Янку — она сошьёт нам для нашей галактической принцессы костюм — из того, что будет под рукой, но любой зажавшийся декоратор («гримёр», — поправил его Роман; «художник по костюмам», — поправил его Артём), от зависти удавится. Мы возьмём и вот этими самыми руками, — он вытянул над столом руки и зашевелил пальцами, — сделаем оружие — настоящее. Мы напишем музыку — Артём нам напишет...

Он махнул в сторону Артёма рукой, тот с готовностью кивнул и тоже махнул рукой.

— Артём может! — заорал Вадим. — Артём у нас такой! Артём у нас лучше их всех! Он ещё и главную роль сыграет, вампира-пришельца!.. — Ему не хватило дыхания, он замолк, Оля тут же подсунула ему полный стакан, он посмотрел на этот

стакан с удивлением, потом взял, выпил, велел всем стаканы наполнить, выпил ещё раз вместе со всеми и продолжил:

— Любители!.. — кричал он. — Построили, чёрт возьми, ковчег. Любители придумали... — Что они придумали, Артём не расслышал — в его ухо снова вцепилась Янка. — Любители толкают искусство вперёд! — Вадим грохнул по столу кулаком. — Почему они его толкают?.. Потому что, — он икнул и произнёс по слогам, покачивая пальцем: — Эн-ту-зиа-сты! — Он снова икнул. — Потому что — ради идеи. Потому что — ради того, чтобы выразить то, что им выразить есть, что внутри них накопилось и что им выразить не дают, потому что...

Тут Артёмово ухо снова подверглось атаке, и довольно долгое время он слышал только сопение и хлюпанье.

Потом он кое-как ухо высвободил, кое-как Янку от себя отодвинул — чтоб не отвлекала — и присоединился к Вадиму.

Они дружно решили, что снять для них фильм — не хуже, чем тот, на который тратятся миллионы, да вот хотя бы тот, что они смотрели вчера — плёвое дело. Что вся эта мишура на самом деле ничего не стоит — главное, оно ведь внутри, главное ведь с душой, главное, чтобы от сердца, своими руками, главное, чтобы для всех — и когда эти «все» это почувствуют (что с душой и от сердца), — а они почувствуют, они не смогут не почувствовать, — когда они проникнутся, тогда мы и посмотрим, кто в этом деле лучший, и посмотрим, как они потом — те, кто требует за своё псевдоискусство денег, — посмеют запретить бесплатно нам брать то, что запрещать они по всем человеческим нормам не имеют права.

Как связан будущий их ещё не снятый, но уже, безусловно, знаменитый фильм с запретом и как связано и то и другое с человеческими нормами, Артём представлял слабо, но связь — ему казалось — точно была.

Потом они приняли ещё, и Вадим принялся орать, что искусство принадлежит народу, всегда ему принадлежало и будет принадлежать, и чёрта с два такой как он уступит своё право это искусство народу приносить или позволит кому-либо это право у него отобрать; что чёрта с два он позволит кому-либо у кого-либо вообще такое право отбирать; что не смеют те, кто считает, что это искусство создаёт, запрещать остальным этим искусством восхищаться, потому что оно тогда только будет считаться искусством, когда будет кем им восхищаться, а если это делать запрещать, если вероломно требовать за это деньги, то это и не искусство вовсе, а чёрт знает что...

— Да, это массовое искусство, да, это искусство, если можно так выразиться, второго сорта, созданное на потребу и заради выгоды, но всё-таки это искусство!..

В какой-то момент Артём утерял-таки разговорить, в какой-то момент он утерял нить вообще и в себя пришёл, лёжа головой в глубоком Янкином декольте, руками в её, с эксклюзивным рисунком, трусах; ноги его были голыми, голый зад отчаянно мёрз — было открыто окно — вокруг живота у него было обмотано одеяло вперемешку с Янкиной почему-то курткой, сама Янка, открыв рот, громко сопела, сама Янка была вся мокрая и, как всегда, липкая, и, судя по застывшему на лице выражению удовольствия, получила Янка от Артёма всё, что хотела.

Он кое-как встал, кое-как оделся. Убедился в том, что его диск на месте — он решил пока никому его не показывать и ничего о том, что на нём есть, не говорить. И, предвкушая, что он с этим диском дома сейчас будет делать, предвкушая, как он сейчас долго и с удовольствием будет в содержимом копаться, будет его сортировать, смаковать и перебирать, вышел на площадку, хлопнул дверь и спустился во двор.

Он уже почти дошёл до угла, уже почти за него свернул, когда из-за угла рядом стоящего дома вдруг вылетела машина, подцепила его бампером, подбросила в воздух, поймала на капот (на котором было написано: «Мы пиратов не ловим, мы их сразу топим!»), сбросила и тяжело придавила к асфальту колёсами.

Артём попытался было встать — ему показалось, что ничего страшного не произошло и он чувствует себя вполне даже ничего, — попытался было сказать что-нибудь бодрое, что-нибудь вроде: «А теперь давайте повторим, только за углом, чур, буду я!»; ничего этого у него сделать не получилось, и, пару раз дёрнувшись, он всхлипнул и отключился.

***

В себя он пришёл в тёмной и пахнувшей лекарствами комнате оттого, что рядом бубнили два голоса. Они бубнили уже давно, и он как будто бы давно уже их слышал и даже вроде как отчасти понимал — отдельные слова, не всё — но окончательно пришёл в себя он после слов одного из обладателей голосов о том, что сделать ничего сейчас нельзя, что они ничего не смогут сделать сейчас с таким как лежащий пред ними пациент... И никто не сможет: ни в столице, ни в Европе,

ни в Израиле, нигде... Но, может быть, когда-нибудь, и даже не может быть, а наверняка, что-нибудь всё-таки сделать будет возможно.

Обладатель второго голоса сказал, что на то, что здесь предлагается сделать, нужно разрешение, нужно собрать кучу бумаг, деньги нужны — откуда у таких как этот деньги? — нужно ведь разрешение самого покойника или его родственников, а родственников у него нет, а та ненормальная рыжая стерва, что четвертые сутки пытается к покойнику пробиться, его просто подружка.

Артём хотел было сказать, что никакой он не покойник — он почему-то сразу понял, что разговор идёт о нём, что никакое ни на что разрешение он никому не даст — ему почему-то показалось, что разрешение им нужно не на что-нибудь хорошее, а на какую-нибудь пакость, хотел было сказать, что никакая Янка не стерва, и пусть только попробуют её стервой ещё раз назвать, он их сам сделает покойниками, вот сейчас встанет и делает, но ничего сказать у него не получилось, не получилось даже открыть рот.

Он проморгался, огляделся, обнаружил, что комната не тёмная, а светлая, что это не просто комната, а палата, что весь он обвешан приборами, какими-то пузырьками, обмотан трубками, и вроде бы их столько, что и не поймёшь, где заканчиваются они и где начинается, собственно, он сам. По обе стороны от его кушетки стояли двое в белых халатах, у обоих были одинаковые остроконечные бородки и длинные мушкетёрские усы.

— Ничего не выйдет, я же говорю, — сказал тот, что справа. — А если оставлять его здесь... Кхм...

— Выйдет, — уверенно сказал тот, что слева. — Помочь мы ему не можем. А ТАМ, — он выделил слово «там», — смогут.

— Пф-ф!.. — фыркнул тот, что справа. Погладил бородку.

— Мы должны, мы просто обязаны, — сказал первый.

Артём вдруг преисполнился к нему благодарности, преисполнился самой настоящей признательности — за то, что тот в него верит и собирается, судя по всему, помогать до последнего, попытался было эту признательность и благодарность каким-нибудь образом выразить, но у него ничего не вышло, он даже не смог пошевелиться.

Потом первый вдруг сказал:

— Никто не знает, получится ли ИХ потом разморозить!..

Благодарность и признательность тут же испарились, Артем вдруг понял, что тот собирается делать, понял, почему он это собирается делать — это дошло до него со всей ясностью, — снова попытался открыть рот, чтобы сказать им всё, что он об этом думает, но тут в палате снова потемнело, исчезли оба врача, исчезли приборы и пузыри, Артём в последний раз попытался хоть что-нибудь сделать — ему удалось вроде бы даже двинуть рукой — потом всё исчезло окончательно и он провалился в глубокую, узкую, ледяную яму.

***

В следующий раз в себя он пришёл резко и сразу. Был он по-прежнему в палате, никого уже в этой палате не было, и никаких приборов и пузырей тоже не было.

Вместо трёх глухих стен были стены прозрачные, за ними колыхались, переливались и дышали сразу два моря — синее, с белыми клочками облаков, море неба, и зелёное, со стальными пятнами воды, море деревьев.

Они были как будто настоящими, но какими-то странными — но в чём выражалась странность, Артём понять не смог.

Не успел он встать, не успел как следует себя осмотреть — всё тело его было перемотано каким-то плотным материалом, ноги были какими-то странными — но вроде бы это были его ноги; руки тоже были странными — но вроде это были его руки; так вот, не успел он встать, не успел как следует осмотреть саму палату, как стена разделилась, части разошлись в стороны, и внутрь вошёл молодой человек примерно его возраста, в неприлично коротких шортах, в короткой майке, всклокоченный, улыбающийся, и громко Артёма поприветствовал.

Голос у него был звонкий, сильный; он без всякого вступления объявил, что разморозка прошла успешно, всё предварительное, проведённое ещё в коконе, обследование, а затем сделанный на его основе прогноз показал, что теперь уж они точно смогут Артёму помочь, теперь точно с Артёмом всё будет хорошо, и прямо завтра, в крайнем случае послезавтра, они вернут ему утерянную им в страшной аварии половину его прекрасного тела.

Артём содрогнулся. Ощупал себя — всё вроде бы было при нём.

Молодой человек сказал, что он его врач, зовут его Денис Егорович Есь, но можно просто Денис. Он будет с ним работать и будет ему эту половину возвращать. Ничего сложного в такой операции нет — он делал подобное уже много раз, и с нынешним уровнем медицины это вообще плёвое дело.

— С нынешним уровнем?.. — вдруг охрипшим голосом спросил Артём.

— С нынешним уровнем! — радостно повторил Денис Егорович Есь, которого можно было называть просто Денис.

Добавил — ещё более радостно — что с момента заморозки Артёма прошло сто семь лет, что сейчас две тысячи сто двадцать первый год, и прямо сейчас, не откладывая, они пойдут и сдадут оставшиеся анализы — дорогой Артём ведь хочет, чтобы его искусственную часть заменили на настоящую?..

Волноваться совершенно не о чем, и, если раньше вероятность ошибки всё-таки присутствовала, то теперь, когда разрешили онлайн-консультации прямо во время операций («В очередной раз их то разрешают, то снова запрещают», — доверительным тоном добавил Денис); когда разрешили участие в этих консультациях врачей с уровнем статуса ниже девяти — которые, между прочим, знают не меньше врачей с уровнем статуса выше девяти; когда разрешили в критических или околокритических случаях включение дистанционного режима, вероятность неблагоприятного исхода почти равна нулю.

Артём хотел было спросить, что это за ещё такой уровень статуса (ему показалось это знакомым, но не могущим быть с лечебным учреждением никаким образом связанным), при чём тут дистанционный режим и почему Денис говорит про какую-то искусственную часть и про какую-то операцию — у него, у Артёма, вроде как всё настоящее, и чувствует он себя вроде как совершенно нормально, но Денис спросить ему возможности не дал, Денис подхватил его за руку, помог встать на пол (Артём сделал это совершенно уверенно, у него даже голова не закружилась) и потащил из палаты.

Они прошли прямо сквозь стену — та услужливо разошлась перед ними, — вышли в коридор и зашагали в сторону огромного, во всю стену окна, с огромным за ним водопадом.

Денис принялся рассказывать об этом водопаде и о пейзаже за стенами палаты Артёма.

Это были не просто пейзажи, а так называемые «живые пейзажи». Все они были нарисованы лично Денисом (все подобные пейзажи на их этаже нарисованы лично Денисом), он лучший в этой больнице по таким вещам специалист. Его работы есть во многих больницах города; и начинал он именно как художник, а потом уже стал врачом.

Когда они оказались в помещении, заполненном невероятного вида агрегатами (это оказались агрегаты для взятия анализов и диагностики), Денис сказал, что читал о том, что было сто лет назад — он имеет в виду институт авторского права, всю эту борьбу с пиратством и прочую, направленную против людей и их естественных желаний чепуху, и он рад сообщить о том, что теперь у них всё совсем по-другому и ещё больше он рад, что сообщает Артёму об этом именно он, Денис, — одна из причин того, что он вызвался Артёма вести, состоит как раз в том, что именно он хотел ему об этом сообщить.

Также он хотел, чтобы Артём — как человек здесь совершенно новый, мыслящий непредвзято, человек из прошлого (прошлого страшенького, тёмненького) смог его, Дениса, работы оценить, и, возможно, он, Денис, не настаивает, но вдруг — написать о них отзыв. Мнение такого как Артём будет по-настоящему ценным. Оно будет — он не побоится этого слова — очень ценным. Мнение его — чего уж скрывать — будет очень востребованным.

Уже сейчас к нему — Денис имел смелость создать для Артёма для начала простенький базовый социальный аккаунт — выстроилась многотысячная очередь. Мнение такого как Артём повысит статус такого как Денис сразу на несколько пунктов — несколько чрезвычайно важных для Дениса, для которых в обычных условиях понадобится несколько лет, пунктов.

Он заставил пройти уже порядком одуревшего и ничего уже толком не соображающего Артёма через все аппараты, показал ему карту результатов мгновенных анализов, объяснил, что остальные будут готовы только завтра.

Показал ему голограмму его тела — наполовину пока искусственного, но которое завтра или послезавтра превратится в полностью настоящее, потом ещё раз попросил его оставить о нём отзыв — о его картинах, о его песнях (он сочинял и сам исполнял песни!) и, конечно же, о его работе как врача; велел чувствовать Артёму себя здесь как дома, сообщил, что Артём может пойти пока и по территории больницы погулять; вывел его в коридор и удалился.

Артём какое-то время постоял, приходя в себя, — всё происходило с такой скоростью, что он просто не успевал как следует всё осознать. Подумал было вернуться в палату, потом понял вдруг, что, несмотря на то, что тело его настоящее лишь наполовину, несмотря на то, что пролежал он в отключке сто семь лет, чувствует он себя, как ни странно, прекрасно (так, что вполне мог бы прогуляться), и двинулся к выходу.

***

Обратно он вернулся вечером, совершенно от увиденного обалдевший.

Всё здесь было как будто бы таким же, как и сто лет назад, и в то же время другим. И дело даже не в том, что автомобили и вагоны ездили не на колёсах — колёс у них никаких не было, и, строго говоря, они вообще не ездили, а парили; и не в том, что здания были внешне такими же, как раньше, но сделанными из какого-то совершенно нового и неизвестного Артёму материала, и не в прочих вполне прогнозируемых новшествах, а в том, что всё — здания, транспорт, дорожное покрытие, одежда, даже деревья — было словно состоящим из отдельных частей.

Всё было разнородным, оно было специально сделано разнородным и непонятно было (поначалу), зачем и кому это нужно.

Выглядело это непривычно и даже отталкивающее — Артём как будто очутился в некоем странном музее или на выставке работ, где каждый участник стремился превзойти остальных в поисках цветовых сочетаний, новых пропорций и оригинальности в целом.

Разные, явно ручной работы, кресла в вагонах.

Разной фактуры и рисунка стены.

Разные, чёрт возьми, даже ступени редких лестниц — то острые, угловатые, то округлые, то прозрачные, то вдруг прямо из-под ног исчезающие, то высокие и короткие, то низкие и длинные — и всё это в одном марше!

Артём не увидел ни одного одинакового фонаря. Ни одного одинакового окна. Ни одной одинаковой крыши. Ни одного одинакового дерева — даже в больничном парке все они были разными. Ни одного одинакового, чёрт возьми, автомобиля. Ни одного одинакового самоката — это было, как он быстро понял, довольно распространённое средство передвижения и, в отличие от автомоби-

лей и вагонов, средство передвижения колёсное. Даже колёса у самокатов были разные — все, разумеется, круглые, как и положено колёсам, но даже, чёрт возьми, круглые по-разному.

Люди были по-разному одеты. Ни одной одинаковой пары обуви, ни одних одинаковых брюк или рубашек — или как там сейчас это называлось (наверняка и названия были разными!), ни одной даже одинаковой причёски.

Если на голове отсутствовали волосы — даже они отсутствовали по-разному.

Всё было таким, потому что было сделано любителями, мрачно сказал себе Артём после посещения кафе.

Хозяин кафе — по профессии строитель, но по призванию повар — вокруг Артёма так и вился. Он выставлял перед ним всё новые и новые блюда и непрестанно говорил. О том, что его заняться этим делом сподвигло, о том, что он всегда им заняться мечтал, о том, что всё это ради удовольствия и жить надо ради удовольствия, а не тратиться на то, что тебе совершенно неинтересно — пусть даже это неинтересное и позволяет тебе зарабатывать.

— С душой! — принялся под конец не совсем к месту выкрикивать тот. — С душой и от чистого сердца — и только так!

«Любителями, любителями...» — уныло повторял про себя Артём, поднимаясь к себе на этаж. Слово это, такое всегда для него значимое, такое приятное, многообещающее, в которое он никогда не вкладывал того полупрезрительного смысла, который вкладывали те, кто считал, что без специальных, полученных в специальном месте, знаний невозможно добиться приличного результата, вдруг сменило цвет, сменило запах и вкус — оно

стало пахнуть, как пахло в кафе повара-строителя, и приобрело вкус его сделанных «от чистого сердца» блюд.

Когда он оказался в своей палате, в голову ему вдруг пришла неожиданная, странным образом не посещавшая её до этого, но такая очевидная, привлекательная и многообещающая мысль, выдавила все остальные мысли (в том числе и про операцию), и он затребовал себе компьютер и доступ к сети.

Всё это ему тут же было предоставлено — при этом компьютер века двадцать второго по внешнему виду оказался таким же, как компьютер века двадцать первого, и управление его оказалось таким же (впрочем, сделано это, скорее всего, было специально для него).

Артём устроился с ним в палате, прямо на кушетке, и, приготовившись к тому, что будет (от одних мыслей о том, что будет, захватывало дух), приготовившись увидеть то, что было за прошедшие сто семь лет снято, прочитать, что было написано, послушать, что было сыграно (совершенно логично было предположить, что снято, написано и сыграно было столько, что ему и за ночь не охватить, что ему не охватить и за десять, за сто ночей), углубился в сеть.

Он быстро нашёл лучшую десятку фильмов столетия, лучшую десятку песен, лучшую десятку книг.

Через час он понял, что книги никуда не годятся, и, подумав, что правду говорили о том, что литература умирает, все десять удалил.

Ещё через два часа он удалил десятку песен, удалил двадцатку и затем сотню. Слушать это при великом желании было можно, но Артёмов вкус, привыкший к совершенно иному, услышанно-

му отчаянно сопротивлялся, и пришлось, в конце концов, ему уступить.

Посмотрев два фильма, он впал в ступор.

Этого не могло быть.

Не могли ленты, занявшие все возможные и невозможные места, побившие все мировые рекорды, быть такими...

Он даже не мог подобрать слов — какими именно.

Он обнаружил, что институт авторского права был упразднён восемьдесят шесть лет назад.

Профессионалы постепенно разбежались (некоторые — режиссёры, художники и артисты — покончили с собой); и всё, что было сделано с тех пор, было сделано любителями.

Бесплатно, на голом энтузиазме — Артём прочитал несколько восторженных по этому поводу историй (они тоже были написаны энтузиастами).

Любители снимали, любители писали сценарии. Снимались тоже любители.

Любители сочиняли музыку.

Любители писали книги.

Любители сами себя слушали, любители сами себя смотрели, любители сами себя читали.

Любители сами себя критиковали, сами себе устраивали конкурсы. Сами себя судили. Сами себя награждали.

— Мы ведь об этом мечтали! — раз за разом повторял Артём, безрезультатно пытаюсь понять, о чём написал молодой автор, произведение которого занимало первое в рейтинге место в течение последних шести месяцев, одновременно пытаюсь понять смысл лучшей песни десятилетия — тот упорно от него ускользал.

В какой-то момент он логично решил, что всё это ему кажется таким, потому что он был ОТ-

ТУДА, а по прошествии времени всё, естественно, стало другим — оно и должно было стать ДРУГИМ — но потом понял, что это не так. Большая часть лучших из лучших произведений появилась почти сто лет назад, то есть примерно тогда, когда его определили в морозильную камеру.

Когда он в очередной раз подступился к лучшему фильму столетия (на съёмки которого не было потрачено ни копейки), в палату стремительно влетел Денис.

Артём оглядел его (тот был, как и вчера, улыбающийся, как и вчера, в коротких шортах и майке), оглядел «живой пейзаж» (тот стал дневным) и понял, что уже утро.

Денис сказал, что результаты анализов готовы, результаты в целом такие, какие он и предполагал, и можно и нужно оперировать — к чему они прямо сейчас и приступят.

Посмотрел на Артёма, видимо, истолковал по своему его взгляд и принялся говорить, что волноваться не о чем, операция простая, что он делал такие много раз, — если Артём был на его странице, он мог это увидеть (ну и двенадцать пунктов статуса просто так не дают — Артём сам, наверное, уже это понял!).

Что с тех пор, как разрешили онлайн-консультации, онлайн-консилиумы и онлайн-так-называемое-лечение, с тех пор, как стало возможным лечить дистанционно и в любой момент в операцию может включиться человек, находящийся за тысячу километров отсюда, вероятность ошибки почти исключена, а уж когда были летальные исходы, уже никто и не помнит. Что только такая их система — замечательная, саморегулирующаяся, позволила добиться таких выдающихся результатов, что только энтузиасты своего дела,

люди, за него болеющие, люди, не думающие ни о каком вознаграждении, способны двигать это дело вперёд и добиваться небывалых в этом деле результатов.

И тут же, без всякого перехода — то ли пытаюсь Артёма от мыслей о предстоящей операции отвлечь, то ли это у него была такая манера говорить, спросил его мнение о нарисованном им пейзаже.

Артём посмотрел (сообщение о том, что его прямо сейчас будут оперировать, до него ещё не дошло).

Честно попытался понять, чего от него хотят, что он должен сказать и почему пейзаж — несмотря на кажущуюся яркость и сочность — ему всё же не нравится.

Вроде бы он был настоящим и в то же время тахим... — Артём попытался подобрать определение — не смог. Сказал, стараясь говорить уверенно:

— Отличный пейзаж.

Денис заулыбался, втянул из коридора плавающую в воздухе каталку.

Подмигнул Артёму, махнул в сторону изображённых леса и деревьев рукой, принялся делать кистью жест, будто рисует.

У Артёма тут же — то ли от его улыбки, то от движения — такого вроде бы естественного, настоящего и в то же время какого-то всё-таки ненатурального, внутри шевельнулось неприятное предчувствие.

Он попытался ухватить мелькнувшую на краю сознания мысль — она выскользнула, заметалась, точно повторяя движения художника Дениса.

Художника, одновременно поэта и композитора, одновременно хирурга — с двенадцатью пун-

ктами статуса — ещё бы знать, что это такое, двенадцать пунктов статуса, для чего нужно, и вообще — двенадцать пунктов, это много или мало?..

А если мало — то что тогда ему, Артёму, делать?..

— В свободное время ещё и писателя, — сообщил Денис. Оказывается, Артём часть рассуждений выдал вслух.

Артём сглотнул, перебрался на каталку.

Всё ещё раскачиваясь и трепыхаясь, мысль начала оформляться — ещё неявно, ещё едва высвечивая контурами, но уже достаточно видимая для того, чтобы почувствовать беспокойство.

Помогая оформиться ей окончательно (ему казалось, что это подействует), Артём кивнул на стены и спросил:

— Вы что-то заканчивали?

— Конечно, нет! — бодро ответил Денис, пробежался пальцами по извлечённому откуда-то из-за спины планшету.

Артём похолодел — от этого его «конечно», от тона, с каким это было произнесено. Мысль замерла и развернулась перед ним — ясная и чёткая, и в этой своей ясности и чёткости страшная и неотвратимая.

Он захрипел, пытаясь облечь её в слова и вытолкнуть наружу.

Вошёл ещё один молодой человек — ещё моложе Дениса, в ещё более коротких шортах и совсем без майки — как будто был не в палате готовящегося к операции больного, а на курорте.

— Вы не волнуйтесь! — быстро и с улыбкой до ушей затарахтел Денис. — С тех пор как...

И снова принялся перечислять все преимущества медицины нынешней перед медициной давнего и не очень давнего прошлого.

Художник.

Поэт и композитор.

В свободное время ещё и писатель.

Врач.

С двенадцатью пунктами статуса.

Каталка плавно выплыла в коридор, двинулась вдоль стен, мимо картин — художника и композитора, мимо того места, где скрывалась лаборатория, в которую его водил вчера художник и композитор, мимо окон, за которыми раскинулся больничный парк и за ним — город.

Художник и композитор — он же врач? Или наоборот?

— Конечно, нет!.. — просипел Артём, когда они подплыли к широкому, раскрывшемуся задолго до их приближения проёму — судя по всему, за ним была операционная.

Денис улыбнулся, сказал:

— Вы не волнуйтесь. Я лучший врач месяца — у меня как-никак двенадцать пунктов статуса.

Артём захлебнулся. Вцепился руками в края проёма.

Прокашлялся, указал в сторону операционной — чтобы Денису был понятен его короткий, на который у него только и хватило сил, вопрос, и, от страха едва ворочая языком, спросил:

— Вы... что-то... заканчивали?... медицинский... может быть... институт?..

Денис улыбнулся ещё шире, открыл рот, чтобы ответить — Артём в ужасе замер.

Он уже знал, какой будет ответ, знал, какой даст ответ (если он вздумает задать вопрос и ему) напарник Дениса, и не только он, а и все находящиеся в этом угловатом, местами плавном, местами острым, местами узком, местами широким, местами светлом, местами тёмном здании, все находя-

щиеся во всех зданиях вокруг, и во всём этом похожем на чудовищный музей, на страшную, в которой каждый стремится быть оригинальным, выставку, городе, зажмурился, закрыл уши, чтобы этот ответ не слышать, и издал пронзающий стены помещения, всё здание и даже планету вопль.

«Конечно, нет!.. Конечно, нет!..» — забилось у него где-то в горле.

— Вы не волнуйтесь, — успокаивающе повторил Денис, мягко, но уверенно снимая пальцы Артёма с краёв проёма и вкатывая его в операционную. — Я лучший врач месяца. С самым высоким здесь уровнем статуса.

Артём на мгновение открыл глаза — успел увидеть, как Денис указывает на напарника; тут же закрыл их — его ослепили сияющие улыбки молодых людей и их сверкающие глаза.

— Он — лучший врач года!

Артём попытался слезть с каталки — обнаружил, что уже не на ней, а на широком белом столе и что привязан прозрачными мягкими ремнями.

Захрипел:

— Верните меня... обратно... вы!.. — страшное слово застряло в горле.

— Нам можно доверять, — жизнерадостно проговорил Денис, помолчал и добавил, — только энтузиасты двигают дело вперёд, только такие как мы сможем сделать всё, как надо...

...Любители!!!.. — выхрипел Артём.

Его никто не услышал.

Денис подкатил к столу какой-то устрашающего вида агрегат, навёл на Артёма камеры, поправил огромный на стене экран.

Поднял руки, пошевелил пальцами и закончил:

— ...С душой и от чистого сердца!

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413	
на журнал										(индекс издания)	
Уральский следопыт. uralstalker.com											
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

			Доставочная карточка								
ПВ	место	литер	на журнал						73413		
			(Индекс издания)								
Уральский следопыт. uralstalker.com											
Стоимость	подписки	___руб. ___коп.						Кол-во компл.			
	переад-ресовки	___руб. ___коп.									
на 20__ г. по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
 по краю
 земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
 объездного
 врача**

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
 предоставлен
 Уральским Центром камня

**След из бездны
 времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

